

338
К-60

Высшее профессиональное образование

Е. Ю. Колбовский

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ЭКОЛОГИЯ ТУРИЗМА

2-е издание

Учебное пособие

Туризм

Е. Ю. КОЛБОВСКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ЭКОЛОГИЯ ТУРИЗМА

Рекомендовано

Учебно-методическим объединением

по классическому университетскому образованию

*в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям
020801 «Экология», 020802 «Природопользование» и по направлению подготовки
бакалавра и магистра 020800 «Экология и природопользование»*

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

~~УДК 574(075.8)~~

~~ББК 75.81я73~~ 65.433.873

К60v

Рецензенты:

д-р географ. наук., проф., ведущий сотрудник Института географии РАН

Б. И. Кочуров;

д-р географ. наук., проф. географического факультета МГУ

им. М. В. Ломоносова *А. Ю. Александрова*

Колбовский Е. Ю.

К60 Экологический туризм и экология туризма : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. Ю. Колбовский. — 2-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 256 с. ISBN 978-5-7695-5249-6

История рекреационной и туристской деятельности впервые рассмотрена в связи со становлением культурного (рекреационного) ландшафта России. Изложены сложившиеся в последнее время подходы к оценке потенциала ресурсов и перспектив развития внутреннего туризма в России. Описана методика комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала территории. Понятие экологического туризма увязано с процедурой экологического менеджмента в сфере туризма и рекреации. Особое внимание уделено проблеме воздействия различных видов туризма и рекреации на окружающую среду, а также возможностям ландшафтного планирования в сфере резервирования природных территорий для внутреннего российского туризма и рекреации.

Для студентов высших учебных заведений.

4/3 № 1

АТУ кітапханасы
Оқулық қоры
Мүлік № 201565

УДК 574(075.8)
ББК 75.81я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Колбовский Е. Ю., 2006.

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2006

ISBN 978-5-7695-5249-6

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние десятилетия туризм и рекреация стали одной из ведущих отраслей мирового хозяйства, сделавшись важной частью национальной экономики, источником благосостояния разных стран мира. Между тем туристско-рекреационная сфера России находится в состоянии, далеком от оптимального, что связано с рядом причин внешнего и внутреннего порядка.

К внешним причинам относится сокращение рекреационного пространства страны, практическое прекращение финансирования туризма и рекреации государством и профсоюзами, резкое увеличение спроса на ранее весьма немногочисленные поездки в зарубежные центры туризма.

Внутренние причины связаны с российским менеджментом туристско-рекреационной сферы: над управленцами регионального уровня довлело желание создать верхний элитный сектор туристско-рекреационных услуг для иностранцев, не проводя предварительной планомерной основательной работы по формированию условий отдыха и туризма для своих соотечественников. Такое управление привело к возникновению уродливых форм и видов элитарного туризма, развалу и без того эфемерной структуры туристских услуг, деформации традиций гостеприимства, разрушению оставшихся рудиментов народных промыслов, невысокому социальному статусу образующихся в сфере туризма рабочих мест с точки зрения местного населения. Однако главная особенность рынка туристско-рекреационных услуг — моральное старение внутреннего туристского продукта, т. е. предлагаемых на российском туристском рынке видов и сценариев отдыха и туризма.

Данная ситуация ни в коей мере не является тупиковой, напротив, в мировой туристско-рекреационной сфере наблюдаются тенденции, которые выводят российский потенциал на достаточно выигрышные позиции. Аналитики туристско-рекреационной сферы все чаще применяют термины «зеленый туризм», «ландшафтный туризм»; «экотуризм», под которым понимают некий альтернативный вид отдыха и рекреации, ориентированный на

ИСТОКИ ЭКОТУРИЗМА: РЕКРЕАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ВИД ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

1.1. «Несерьезный отдых» и культурный ландшафт: роль рекреации в процессах освоения пространства

Если сказать, что туризм и рекреация — виды деятельности, теснейшим образом связанные с процессами освоения пространства, то этот тезис, пожалуй, потребует серьезных доказательств. Долгое время считалось, что человек осваивает территорию в результате непосредственных актов хозяйственной деятельности, совершаемых нарочито и всегда с конкретной прагматической целью, таких как вырубка, распашка, залужение, добыча полезных ископаемых. Сопутствующие отдыху почти бесцельное нахождение и перемещение в пространстве никогда не рассматривались как составные части человеческого бытия, способные серьезно изменить облик местности или хотя бы повлиять на восприятие этой самой местности в глазах перемещающегося и его собратьев по человеческому коллективу.

Лишь в последнее время после появления новых исследований по географии поведения и психологии восприятия стало очевидным, что на самом деле взаимодействие человека и природы имеет всеобъемлющий характер и практически любые действия в пространстве освоения так или иначе изменяют его первоначальный, т. е. природный, облик. Даже простое появление человека в диком ландшафте с функцией стороннего наблюдателя уже вносит в природное пространство некую точку отсчета, наличие которой подводит черту под «диким существованием» пространства. Пребывание туриста в дикой природе сродни путешествию первооткрывателя, поскольку и тот, и другой (первый неосознанно, второй нарочито) «столбят» пространство, маркируя его принадлежность к миру человека (человеческому макрокосму). В этом смысле природа есть ландшафт. Ландшафт, в котором первопроходцы или туристы проложили хотя бы одну тропу, уже культурный: места в нем оценены и предуготовлены к освоению. Если же отдыхающий или турист задерживаются в ландшафте надолго, то они обустривают его хотя бы и очень пунктирно, ненадежно, на несколько часов—дней, максимум неделю-другую. Однако и эти простейшие действия вроде устройства кострища и приготовления места для ночлега в палатке оказываются значимыми для ландшафта в той

же мере, в какой значимыми были дюнные стоянки финно-угров или стоябища племен боевых топоров, разбросавших материальные свидетельства своей культуры по всей Северной Европе.

Очевидно, что в рамках прагматически-хозяйственного подхода оценить всю совокупность не прямых воздействий человека на территорию весьма сложно. Отдых или перемещение в пространстве без видимой практической пользы больших или меньших групп людей — как раз такие виды активности, которые очень непросто ложатся в прокрустово ложе «человека экономического». Обычно люди плохо и невнятно объясняют мотивы, заставляющие их три недели кряду сидеть в палатках под дождем на полузатопленном острове на Рыбинском водохранилище или неделю тащиться с тяжеленными рюкзаками через горный перевал с риском свалиться в пропасть и сломать себе голову. В этом обстоятельстве заключается неуспех многих попыток непосредственного применения социально-экономических и проектно-планировочных методов к оценке перспектив развития туризма и рекреации в том или ином регионе.

Между тем истинная роль туризма и рекреации становится более очевидной, если обратиться к концепции культурного ландшафта, восходящей к работам Л. Н. Гумилева и получившей развитие в рамках современной гуманитарной географии в трудах Б. Б. Родомана, Ю. А. Веденина [7, 8], В. Л. Каганского. Новые данные, характеризующие роль отдыха (рекреации) и туризма в процессах освоения территории и становления культурного ландшафта, содержатся в работах Э. С. Кульпина [24], Е. Ю. Колбовского [22], А. В. Абросимова, Д. В. Николаенко.

Культурный ландшафт понимается географами как социальное пространство, в котором физически объективированы линии и узлы социального поля. Сложная паутина человеческих отношений накладывается на природный ландшафт, расчленяя, дифференцируя его на *места* (усадебьы, поля, сенокосы, выгоны), *границы* (заборы, межи, дороги) и *края* (околицы, предместья, окраины). Расчленение природного ландшафта на составные элементы с последующим закреплением за ними тех или иных функций (жилье, уголье) и соответствующим обустройством и составляет содержание процесса его окультуривания-освоения человеком. Причем на первых (самых ранних) стадиях освоения важнейшими являются именно процедуры восприятия и оценивания пространства, реализующиеся обычно в рамках первопроходческой, туристской или рекреационной активности, т. е. таких видов деятельности, которые никак не могут быть названы исключительно хозяйственными.

Хотя человек обладает уникальной способностью к усвоению культуры и к обучению, нет никаких сомнений в том, что он появляется на свет отнюдь не «чистой доской» (*Tabula rasa*) и что во многих отношениях он как бы заранее запрограммирован. В част-

ности, его системы переработки информации настроены на восприятие вполне определенного круга стимулов и их сочетаний и на то, чтобы отвечать на них определенными действиями. Подобно тому, как эволюция выработала реакции на знаковые стимулы, подсказывающие животному, что оно находится в подходящем местообитании, история человека разумного привела к формированию устойчивых «навыков места». Всякий раз, когда в ходе расселения человек натыкался на сочетание признаков, вызывающих из сознания знакомые ландшафтные символы, он останавливался. Вслед за всемирно известными этологами Н. Тинбергеном и К. Лоренцом мы можем назвать такие символы «врожденными моделями». Неслучайно абсолютное большинство неолитических стоянок находится в местах, к которым явно тяготеет и современный турист. Это экотонные, т. е. переходные, фрагменты ландшафта: опушка леса, открывающаяся на луг на высокой пойме реки, вершина песчаной дюны на надпойменной террасе, «стрелка» — узел слияния двух рек: большой и малой. В таких местах человек ощущал себя «закрытым» с тыла (сзади стоянку прикрывала лесная опушка или крутой склон), взору его открывался панорамный вид, обеспечивающий контроль за большей частью окружающего пространства; высокая бровка террасы или вершина дюны обеспечивала быстрое таяние снега, стекание атмосферных осадков и, что немаловажно, наличие постоянных бризов, которые обдували тело, спасая от не знающих пощадить кровососущих насекомых. В долинах больших рек люди селились значительно реже: слишком разрушительными могли быть сильные половодья и паводки...

Таким образом, человек «праздношатающийся» издревле выполнял важнейшую социальную функцию, осуществляя первичную оценку вновь открываемых земель, при этом неважно: идет ли речь о никогда не посещавшемся обширном плато или о вновь увиденной дубовой роще на поверхности поймы небольшой реки. Следовательно, можно утверждать, что *туризму и рекреации свойственны особые информационные функции в процессе освоения новых территорий.*

Итак, современная концепция культурного ландшафта позволяет рассматривать туризм и рекреацию с принципиально иных позиций: как виды деятельности, изначально включенные в сложный процесс освоения территории, становления и поддержания культурного ландшафта, а также в любые процессы реосвоения и внутренней колонизации пространства обитания того или иного социума. Ландшафт как композиция; генерация мест проявляет себя только через посредство свойств, присущих этим местам, а сами свойства обнаруживаются через отношения с осваивающим субъектом — человеком. Для нас важно то, что как-раз в возникновении этих отношений важнейшая (и до сих пор не

оцененная в должной мере) роль принадлежит различными видам рекреационной деятельности, как явной, так и скрытой.

Элемент случайности, «не нарочитости» первых этапов узнавания и освоения территории принципиально важен в рамках принятой концепции, поскольку он позволяет провести различие между явной и неявной рекреацией (отдыхом). Корни этого различия кроются во внутреннем психологическом состоянии человека, поскольку предполагается, что в случае явной рекреации рекреант четко позиционирует себя в качестве отдыхающего. «Я отдыхаю», — думает о себе человек, развалившийся в шезлонге на побережье теплого моря, и в этом варианте его состояние очевидно для окружающих, поскольку он, в принципе, «ничего не делает». Сложнее выглядит ситуация со сборщиком грибов, прочесывающим квадратные километры леса в поисках «белых», поскольку и сам грибник, и внешние наблюдатели скорее всего определят это занятие как дельное; однако и в этом случае мы сталкиваемся с отдыхом, только в его неявной форме, которую принято называть *скрытой рекреацией*.

Попытаемся определить, что представлял собой отдых на заре зарождения «русского мира» — в русской национальной традиции — и какую роль играла рекреация во взаимоотношениях человека и природы, иными словами, попробуем отыскать корни явления, которое мы называем ныне модным термином «экотуризм».

Вообще говоря, освоение любой территории — сложный и во многом противоречивый процесс, который можно представить как непрерывное чередование волн распространения человеческого влияния и внедрения антропогенных ландшафтов (селитебных, земледельческих, пасторальных) в структуру естественной ландшафтной «мозаики». За каждой из таких волн с неизбежностью следовала эпоха кризиса и спада, т. е. забрасывания и запустения ранее заселенных, распаханых, залуженных и осушенных земель и возврата их в сферу влияния суровой и дикой природы. Важнейшие осваивающие виды деятельности хорошо известны и изучены (в исторической ретроспективе) географами и этнографами: это сведение лесов, распашка и залужение земель, сенокосение, выпас крупного рогатого скота, селитебная застройка. Прежде чем поселиться надолго в пространстве «таежного моря», человек должен был вырубить лес и на освободившихся участках распашать поля, устроить пастбища для скота и сенокосы для заготовки сена, возвести жилые и хозяйственные постройки; т. е. поставить деревню.

В настоящее время трудно это представить, но до конца XVII — начала XVIII в. даже в центре Европейской территории России освоенные пространства представляли собой «острова в море дикой природы» и эти острова были очень ненадежны: ткань ру-

котворного ландшафта нередко съезживалась под влиянием неблагоприятных природных (природные катаклизмы, массовые эпидемии) и социально-геополитических факторов (опустошительные войны, распространение крепостничества).

Были, разумеется, и относительно благоприятные периоды, в течение которых осуществлялось распространение хозяйственной деятельности человека на новые территории. Происходило это за счет отселения ставших самостоятельными хозяевами взрослых крестьянских детей; община выставляла новые одно-, двухдворные поселения за границу «обитаемого» сельского мира, поскольку в его пределах уже не находилось удобных для распашки и выпаса земель. Ясно, что и сам процесс «выставления» новых поселений: «починков» или «новин», — и последующее обитание в них требовали основательного знания территории дикой природы и внутренней готовности к существованию на границе между освоенным и неосвоенным ландшафтом, в пределах зоны, которая в американской литературе об освоении земель Дикого Запада получила меткое название «фронтир».

О том, что знакомство крестьян с окружающим миром природы было если не исчерпывающим, то весьма тесным, говорит то обстоятельство, что выбор мест для основания новых поселений совершался удивительно точно, причем настолько, что единоразово найденные, «нащупанные» в ландшафте места уже не выпадали из зоны человеческого внимания, поскольку обладали целым рядом «полезностей», были красивы и удобны. Такое знание фронта — «пограничья» между освоенными землями и диким ландшафтом и такое умение жить среди дикой природы, по нашему мнению, могли возникнуть только в ходе предваряющей всякое освоение длительной неявно-рекреационной деятельности.

К сожалению, рекреационная и скрыторекреационная деятельность традиционных этносов, осваивающих территорию, до сих пор находится вне поля зрения исследователей. Пожалуй, писатели уделили этой стороне жизни простого народа гораздо больше внимания, чем специалисты-географы или историки. Стоит, наверное, вспомнить в этой связи жизнеописание американских трапперов Ф. Купера или замечательные зарисовки писателей русской классической школы — Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова, посвященные разным видам охоты, выпасу копей, сенокосению, сбору грибов или ягод. Вне всякого сомнения, эти тексты кроме признанного художественного значения несут и интереснейшую информационную смысловую нагрузку, позволяя нам по-новому оценить эти стороны крестьянской (да и феодальной — господской) жизни.

Неявно-рекреационную (или скрыторекреационную) деятельность (термин введен А. В. Абросимовым) можно определить как деятельность, связанную с различными второстепенными в иерар-

хии жизнеобеспечения видами природопользования, всегда сочетающуюся с намеренным отдыхом либо просто с неосознанным стремлением переменить занятие и уйти от тяжелого ритма привычных трудовых усилий. Ареной этой деятельности было широкое пространство фронта, ограниченное только физическими возможностями человека и традициями удаления от привычного жилья (свойственными данному социуму — деревенской общине, например). Граница между природой и культурным ландшафтом всегда была постепенной: селитебные места и пашни (антропогенные элементы) соседствовали с сенокосами и пастбищами (антропогенно-измененными элементами), те, в свою очередь, — с элементами, лишь слабо затронутыми влиянием человека (охотничьи угодья — *путики* крестьян и *зверинцы* феодалов). Поэтому сам фронт никогда не являлся четким рубежом с пометками «вход воспрещен» или «опасно» и предоставлял широкие возможности для узнавания, открывания, апробирования. История не позаботилась о том, чтобы оставить нам ясные указания об освоении фронта в русском ландшафте, но мы имеем немало косвенных сведений о жизни и хозяйствовании наших предков и, следовательно, можем реконструировать с известной долей определенности суть и смысл рекреации в ее первоначальном виде.

1.2. Неявная рекреация или как отдыхали в старину

Итак, попытаемся взглянуть на некоторые виды традиционных занятий, свойственных крестьянам России, как на формы неявной рекреации.

Начнем с «прагматических» видов природопользования, т.е. таких видов, которые осуществлялись ради конкретно ожидаемой практической пользы. Как отмечает географ из Кургана А. В. Абросимов, «человек вступает в контакт с ландшафтами в большинстве случаев для достижения четко определенных целей, которые чаще всего, особенно в патриархальных социумах, носят ярко выраженный прагматический характер, однако многие, на первый взгляд, чисто практические виды использования на самом деле не только не являются обязательными для выживания, но даже излишними с прагматической точки зрения. Объяснить существование таких видов использования можно только мощным скрытым информационным потоком ландшафт — социум».

Лесные промыслы. Сбор грибов и ягод — традиционные виды промысловой деятельности крестьян, осуществлявшейся в пространстве фронта. Прагматическое значение этих видов хорошо известно (ягоды — как источник витаминов, грибы — как источник высокоценного белка), однако А. В. Абросимов, указывая на невысокую производительность этих видов занятий, обращает

внимание на то обстоятельство, что по времени они конкурировали с важнейшими жизнеобеспечивающими сельскохозяйственными работами — уборкой урожая.

Тем не менее крестьяне, в том числе и основные работники, считали возможным оторваться на два-три, а то и пять-шесть часов от обычных работ, чтобы отдать дань «тихой охоте» или собрать лукошко-другое ягод. Противоречие, с которым мы имеем здесь дело, лишь кажущееся, поскольку лесные промыслы, в особенности сбор грибов, предполагали (хоть и неявном виде), во-первых, возможность отдыха, во-вторых, высокую вероятность ознакомления с прилегающими «дикими», неосвоенными ландшафтами фронта.

Сбор грибов только со стороны может показаться простым и не заслуживающим внимания серьезного человека занятием: на самом деле это сложный комплексный вид деятельности, предполагающий отнюдь не только знание съедобных видов. Начнем с того, что разные виды грибов «оказывают предпочтение» различным видам урочищ, причем очень часто экотонных, т.е. переходных между различными видами леса, между лесом и лугом, лесом и болотом. Вероятность найти «кучку белых» на опушке ельника выше, чем в глухой чаще. Белые грузди могут быть встречены в урочище с преобладанием (или участием во втором ярусе) лиственных пород, таких как осина, ольха черная и серая. Маслята явно тяготеют к моховому покрову сосняка на супесчаных почвах и т.д. Более того, в разные годы одни и те же виды грибов могут «уродиться» в разных местообитаниях; издавна замечено, что особенно различаются в этом плане сухие и влажные летние периоды. В эпоху, когда человек мог рассчитывать только на свою наблюдательность и сообразительность, такого рода знания приобретались индивидуально и передавались в рамках сельского социума из поколения к поколению.

Различение внутри леса вообще елового или елового могло сложиться только в результате заинтересованного взгляда, а взгляд этот соединял в себе практический интерес с позицией «первооткрывателя», получавшего удовольствие от самого древнего вида эвристической деятельности — открытия нового пространства. Помещенный «внутри» ландшафта наблюдатель, передвигаясь небыстро и отыскивая дары леса для собственных нужд, постепенно на опыте убеждался, что за взбугренной песчаной дюной звонкого лишайникового сосняка в долине Волги непременно последует понижение с бором-черничником, а еще ниже, наверное, встретится болотце с мягким покровом сфагнома и тонкими полусухими сосенками.

Неосознанное умение сопоставлять формы рельефа с типами лесных луговых и болотных урочищ было, безусловно, свойственно всякому настоящему русскому крестьянину; и этот опыт мог

быть наработан только в ходе неспешных скрыторекреационных перемещений-путешествий по окрестностям обитаемого мира.

Схожих, но, пожалуй, еще более специализированных навыков требовал сбор лекарственных или просто полезных трав, поскольку в этом случае ландшафт интуитивно дифференцируется на уровне геоботанической ассоциации (или «фации» — с позиций ландшафтоведения), не говоря уже о том, что растения должны различаться сборщиком на уровне вида. Между тем, по нашим наблюдениям, даже современные аптекарские заготовители часто путают ставший уже редким в лесах России зверобой продырявленный (действительно обладающий целебными свойствами) с другими представителями этого же рода — неядовитыми, но практически бесполезными. При этом многие лекарственные или употреблявшиеся в пищу травы — это луговые растения, так что кроме ориентации в видимом разнообразии напочвенного покрова леса необходимо было хорошо знать разные типы лугов.

Подчеркнем: неявнорекреационное освоение позволяло оценить и те типы природных комплексов, которые с точки зрения основных видов хозяйственной деятельности могли первоначально казаться бесполезными или даже недружественными. Несколько настороженное отношение крестьян Белоруссии к болотным ландшафтам не подтверждается в пределах Европейской России. Верхневолжские болота и болотца были хорошо известны населению Тверской и Ярославской, Владимирской и Вологодской губерний, посещались весьма часто и безо всякой опаски, поскольку служили местом сбора клюквы и некоторых лекарственных растений. Об этом можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что все они без исключения имеют красивые, звучные названия: болото Журавлиное, болото Скоморошье, болото Великий Мох.

К ландшафтам пушицево-сфагновых болот был приурочен такой важный промысел, как заготовка мха, шедшего в основном на прокладывание-промежуток между бревнами в свежеобразованном срубе.

Сенокосение. Сенокосение — древнейший вид природопользования, тесно связанный со всем историческим укладом русской деревни. Первые сенокосы («притеребы» и «пожни») возникли на поймах рек. Следует понимать, что большинство пойменных лугов российского Центра и Севера имеют рукотворный характер, что отчетливо выявилось в последние десятилетия, когда в связи с забросом сельскохозяйственных угодий и прекращением режима сенокосения луга стали зарастать сначала ивняком, а затем сероольшанником и даже еловым лесом. Более того, почвенное плодородие луговых урочищ первоначально было связано с режимом работы многих сотен небольших мельниц на реках старой России, с помощью которых крестьяне могли реально регулировать режим поемности (т.е. сроки заливания пойм водой) и

аллювиальности (т. е. механический состав наилка) пойменных почв. Именно таким образом в течение многих десятилетий создавались продуктивные сенокосы.

Сенокосение всегда было нелегким трудом, однако в российских деревнях этот труд издавна приобрел необычную (если не праздничную, то, во всяком случае, торжественную) окраску.

Поскольку сенокосы были более или менее жестко привязаны к речным долинам, а сами эти долины могли находиться на значительном отдалении от села или деревни, сенокосение требовало выезда косарей или «вылазки», совершаемой всей семьей на несколько дней, что уже само по себе создавало необычную атмосферу и позволяло отвлечься от повседневного круга жизни (а это верный признак рекреации в ее современном понимании). Косари поднимались засветло и косили «по росе», до полуденного солнца, после чего могли подкрепиться, отдохнуть, искупаться в реке и побродить по окружающей местности.

Сенокосение и само по себе могло быть связано с поисковой деятельностью в ландшафте, поскольку во времена крепостничества лучшие луга принадлежали помещикам и монастырям, в то время как крестьяне были вынуждены искать угодья по опушкам лесов, старым вырубкам и пустошам. Впоследствии та же история повторилась с колхозными «аэродромными» сенокосами и ключеватыми, разбросанными тут и там покосами крестьян. А. В. Абросимов, проводивший исследование современных видов «побочного» природопользования в деревнях Зауралья, подчеркивает традицию семейного наследования таких сенокосных угодий и привычку собирать ягоды и грибы в окрестностях «своего» сенокоса. Подобные явления весьма обычны и для местностей российского Центра и Севера.

Охота. Подробный анализ средств и способов охоты не входит в наши задачи, этому посвящена обширная литература, однако хотелось бы остановиться на некоторых рекреационных аспектах этого вида деятельности.

Крестьяне Европейской России (в отличие от, скажем, сибирских) не имели возможности серьезно промыслять охотой, равно как и уделять ей много времени. Можно утверждать, что с конца XV в. настоящая охота во всех ее разновидностях была уделом господствующего класса (сначала феодалов, затем помещиков). Крестьяне могли позволить себе лишь устройство охотничьих *путиков* в пространстве фронта, т. е. троп, специально оборудованных разнообразными ловчими ямами, западнями, самострелами и т. д. На заросших водными растениями побережьях устанавливались переметные сети («перевеси») для отлова взлетающий с зеркала воды дичи. Расстановка всех этих достаточно хитроумных приспособлений требовала не только изобретательности и смекалки, но и отменного знания биологии промысловых видов птиц

и животных. Иными словами, требовалось знать, что лось пройдет к солонцу на болоте именно данной тропой, что утки к вечеру сядут в зарослях рогаза на берегу небольшого лесного озерца, что бобры проложили спрямляющий излучину канал в тыловой части поймы, что поутру по пересохшему дну этого канала пройдет семейство кабанов и т. д. Такого рода знания могли появиться только в результате постоянного и длительного пребывания в ландшафте, причем пребывания «нешумного», созерцательного, т. е. неявнорекреационного.

В отдельных случаях интересы охоты могли повлечь и более глубокое проникновение за пределы освоенного пространства в мир «дикой» природы — во время подобных вылазок кругозор обитателя деревни, безусловно, расширялся. Удивительное подтверждение этому обстоятельству приводит известный журналист и писатель В. А. Песков, подробно описывающий быт крестьянской семьи староверов Лыковых, проживших много лет в изоляции в глухой тайге. Агафья Лыкова, по словам писателя, вспомнила случай, когда младший из братьев, обыкновенно проверявший ловчие ямы, был вынужден преследовать раненого оленя в течение двух дней и таким образом удалился от дома на расстояние двух дневных переходов. Конечно, погоню за раненым зверем вряд ли можно считать отдыхом, но таково общее свойство скрытой рекреации: здесь граница между «работой» и «не работой» трудно различима. Возможно, это и позволяет считать современную спортивную охоту одной из форм туризма и рекреации.

Рыбная ловля. Безусловно, рыбная ловля имеет еще большее право считаться неявнорекреационным занятием, если иметь в виду не массовый промысел, а индивидуальную ловлю с различными приспособлениями. Некогда традиционные промысловые формы рыбной ловли сетью — неводом выглядят сегодня как варварство и браконьерство. Следует, однако, представлять, что дватри столетия назад рыбы в реках России было не столько, сколько сейчас: об этом свидетельствуют немногие дошедшие до нас документы, зафиксировавшие количество выбранной с помощью сетей «биомассы». За одну только ночь в «езу» (т. е. возле, специально устроенной из кольев и жердей поперечной перегородки в русле) на реке Вексе монахи Горицкого монастыря, что в Переславле-Залесском, выловили сетями два воза крупной рыбы и еще несколько возов мелкой рыбешки.

Ловля сетью на реках и озерах была и остается формой тяжелой работы, даже когда она связана с браконьерством. Об этом знает всякий, кто хоть раз пробовал вынимать рыбу из больших промысловых сетей. Однако крестьяне в массе занимались и несетевым ловом, причем и здесь требовались вполне определенные знания и навыки. Знание рек, больших и малых, у крестьян было не просто хорошим, а доскональным. Об этом свидетельствуют

старейшие народные названия морфологических частей русла: бечевник, отмель, плес, бочаг, пережат, лощина, излучина. Реки, протекавшие в непосредственной близости от деревень, были в межень поделены «заколами» («езами») на отрезки, что не позволяло крупной рыбе перемещаться свободно и удерживало ее в створе, закрепленном (видимо, в форме устного соглашения-договора) за той или иной деревней.

Способы лова были весьма разнообразны, причем большая их часть без особых изменений дожила до середины прошлого века. Как и в охоте, весьма популярны были самоловные устройства, которые периодически проверялись (вечером или поутру). В русле реки в плесовой лощине навстречу течению устанавливали плетеные корзины различной формы: широкие спереди и заканчивающиеся ловушкой или тупиком сзади (напоминавшие нынешние браконьерские «морды», или «телевизоры»). Крупную рыбу ловили также на специально закрепленного живца (мелкую рыбешку, лягушек и т. д.), т. е. на «жерлицу».

Установка этих орудий самолова, безусловно, требовала знания и поведенческих особенностей конкретных видов рыб (щуки, леща, окуня, голавля и т. д.) и морфологии самого водоема.

Среди активных способов старейшим является битье рыбы остройгой на перекатах, отмелях или возле заколов в русле. В отдаленных деревнях российского Центра и Севера и сегодня можно наблюдать ночную ловлю с помощью колотушки. В такой ловле участвуют два-три человека, один из них привлекает светом фонаря рыбу, другой глушит, сильно ударяя по воде тупым расширенным концом большой деревянной колотушки и выхватывает всплывающую рыбу подсачником. В руслах каменных рек или на плещеобразных перекатах умельцы охотятся за рыбой, выманивая ее из под крупных валунов, для чего по валуну наносится сильный удар (каменем, небольшой кувалдой или даже ломом), затем одуревшую рыбу бьют остройгой.

Наконец, появившаяся в деревнях уже в послевоенное время ловля на удочку, перекрывшая по популярности все предыдущие способы лова, уже может считаться формой явной рекреации. Несмотря на все неудобства, испытываемые рыбаком (ранний подъем, докучливые комары, вероятность вымокнуть под дождем и т. д.), эта форма промысла представляет собой один из лучших и излюбленных народом способов общения с природой, причем способ высокоинформативный: ведь в поисках «рыбного» везения рыбак неоднократно переходит с места на место, запоминая малейшие детали окружающего ландшафта: быстрины и омуты, пережаты и «стоячие» волны над валунами, высокие травинки манника на отмели, «султанчики» рогоза в плесовой лощине, кусты ивняка над обрывом пойменного берега и т. д.

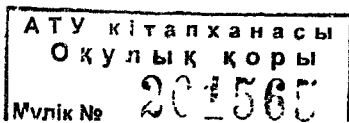
На рыбалке (по крайней мере, на настоящей) стараются не производить лишнего шума, что позволяет человеку через полчаса как бы полностью раствориться в природе, а значит, видеть, слышать и воспринимать предметы и явления окружающего мира, которые обычно либо недоступны, либо ускользают от внимания наблюдателя. В этом плане рыбная ловля — один из самых интересных видов скрытой рекреации.

Прочие виды природопользования. А. В. Абросимов относит к скрытой рекреации и несколько других видов традиционного природопользования: сбор березового сока, заготовку веников для бани, сбор цветов. Мы можем добавить к этому списку заготовку лозы и лыка (ивовой и липовой коры), выпас коней «в ночном», бортничество, принятые у крестьян российского Центра и Севера в далеком и недалеком прошлом.

Поэтизированное описание выпаса лошадей «в ночном» находим мы у писателя И. С. Тургенева в его рассказах. Однако и серьезные люди (географы и экономисты; специально изучавшие быт русской поземельной общины) останавливали свое внимание на этом виде деятельности, необходимость которого была связана с дальним расположением выгонов. Недостаток земли и потребность располагать как можно ближе к селениям прежде всего пашни и пастбища для крупного рогатого скота оставляли для конного стада лишь самые дальние уголья, располагавшиеся порой в нескольких верстах от селитбы. Пасущихся лошадей охраняли и днем, для чего привлекались подростки, к каковой категории, заметим, в XIX в. относились дети шести-семи (!) лет, причем почти всегда несколько ребят собирались для этого вместе. В ночное отправлялись ребята (по одному с каждого двора, где есть лошади) и так называемые «очередные» взрослые крестьяне (черед составлял две лошади). Сам по себе перегон лошадей, как и охрана пасущегося стада, не был сопряжен со значительными трудовыми усилиями, зато пребывание в ландшафте в сумерках, ночью и на рассвете в относительной отдаленности от привычного жилья придавали всему мероприятию несомненный дух романтики и приключения, т. е. отдыха!

Итак, можно подвести первые итоги: все рассмотренные виды скрыторекреационной деятельности, несомненно, обладают рядом общих свойств, а именно:

- определяют достаточно длительное по времени пребывание человека в ландшафте;
- представляют собой известное отвлечение от обыденного круга жизни и забот или хотя бы просто смену вида деятельности;
- не ставят перед человеком жестко заданной прагматической цели и связанных с ней хозяйственных норм («принести не менее такого-то количества ягод», «добыть столько-то грибов»);

- имеют отчетливо вероятностный характер (то ли найду грибы, то ли не найду, также и с рыбой — «клюет, не клюет») с большой значимостью фактора случайности и «удачи» вообще;

- предполагают сочетание ряда элементарных занятий либо достаточно разнообразного набора немонотонных простых действий (перемещение, поиск, различение, узнавание, сбор и т.д.);

- дают возможность наблюдения или даже созерцания окружающего мира природы, вплоть до достижения состояния полной отрешенности от собственной «физической оболочки».

Заметим, что как раз эти признаки в совокупности характеризуют любую форму явного отдыха (см., например, определение И. Зорина, В. Квартальнова в «Толковом словаре туристических терминов»), что и позволяет нам считать описанные выше виды деятельности рекреационными. Еще более важно, что скрыторекреационные виды деятельности подразумевают необычную пространственную активность и в этом смысле они способствовали расширению границ обитаемого мира, оценке тех или иных свойств природных ландшафтов, выбору новых мест для сельскохозяйственного освоения. Дальний дремучий лес, который когда-то служил лишь защитой от набегов, становился знакомым угольем для охоты и сбора грибов, а верховое болотце поставляло ягоды, а потом и вовсе осушалось и превращалось в сенокос; участок реки, обследованный во время битвы рыбы на перекате, мог быть впоследствии использован для наведения «лав» (невысоких мостков) или установки мельницы. В этом обстоятельстве и заключается важное эвристическое, информационное значение форм скрытой рекреации, перешедшее по наследству к современным формам рекреации и туризма.

1.3. Места для отдыха: рекреационные функции культурного ландшафта России

С культурным ландшафтом России тесно связаны многие явно рекреационные стороны жизни коренного населения, до сих пор изучавшиеся в основном в рамках этнографии. Однако этнографы [16] в своих работах, как правило, освещают аспекты, связанные с обрядностью, оформлением, одеждой и обычаями народа, практически не уделяя никакого внимания внутренней сущности явления и его тесной связи с культурным ландшафтом. При этом «за кадром» остается главная суть многих традиций: стремление человека вырваться из круга обыденной жизни, монотонной и нелегкой хозяйственной деятельности посредством общения с природой.

Между тем многое в культурном ландшафте России появилось в результате особых режимов земле- и природопользования, прямо или опосредованно предусматривавших создание мест для от-

дыха, общения с природой и просто удовольствия, праздника. Другое дело, что осознанное оформление культурного ландшафта могли себе позволить только феодалы, небедные помещики, а позднее наиболее богатые и амбициозные представители купеческого сословия.

Самым ранним по времени возникновения культурным ландшафтом рекреационного назначения можно считать так называемые зверинцы: просветленные специальными просеками леса близ княжеского усадьбища, отведенные для конной охоты князя и его приближенных. В такой охоте участвовали загонщики, с собаками выгонявшие зверя на открытое пространство просеки. В средневековые зверинцы были широко распространены в окрестностях многих древнерусских городов, неслучайно в окрестностях Ростова Великого сохранился населенный пункт с таким названием. Охотничьи угодья феодалов, сами усадьбища, плодовые сады при древних поселениях и окружавшие их лесные угодья стали прямыми предшественниками позднейших культурных парковых (а по сути — рекреационных) ландшафтов.

Наиболее замечательные усадебные ландшафты России подробно рассмотрены в работах А. Н. Греча, А. П. Вергунова, В. А. Горохова и других авторов. Однако следует понимать, что создание действительно роскошных усадебных комплексов было под силу немногим представителям богатейших родов, близких к императорскому двору и имевших десятки имений в самых разных частях страны, в том числе дворцовые комплексы в Крыму на морском побережье. Абсолютное большинство среднего и мелкопоместного дворянства обратилось к устройству своих усадеб в эпоху, когда строительство роскошных регулярных парков в пределах южных имений (с их огромным доходом) уже отошло в прошлое и установилась среднерусская традиция оформления куда более скромных пейзажных парков. Небольшие усадьбы центральной России явно «адаптировали» довольно жесткую северную природу, предлагая как бы смягченный, более комфортный, наполненный узнаваемыми символами и нехитрыми полезностями ее вариант. Здесь хотелось бы подчеркнуть именно рекреационные функции среднерусской усадьбы, поскольку ее экономическая рентабельность (в отличие от поместий более южных губерний) редко была выдающейся. Верхневолжский барин стремился создать не столько образцовое хозяйство, сколько место для отдыха (причем круглогодичного), приема гостей. Именно этим задачам была подчинена, в первую очередь, вся композиция провинциальных усадеб северной России.

«Удовольствие впечатлений» предусматривалось уже на подъезде к усадьбе: почти все поместья связаны были с большими дорогами специальной подъездной дорогой-аллеей, которая могла быть обрамлена вековыми березами или липами. Приближаясь к поместью,

барин и гости должны были заранее почувствовать красоту пейзажа. Часто аллея создавалась «на раз» в ожидании приезда предполагаемых высоких «белых» гостей; так, в Ярославской и Тверской губерниях некоторые аллеи-дороги называются «екатерининскими», хотя императрица вряд ли осчастливила своим присутствием эти тракты. Иногда помещики, имевшие по несколько владельческих сел, связывали их немаленькими (по 1,5—2,0 версты) аллеями-дорогами или такая же дорога устраивалась к соседу. Выезд в гости на тарангасе, в бричке или верхом, несомненно, был смесью праздника и отдыха в небогатой событиями жизни провинциального барина.

Усадьбы, как и положено истинно рекреационному объекту, имели четкие границы, отделявшие их от бытового «хозяйственного» и «дикого» ландшафта. Функцию границ выполняли не заборы, а рядовые посадки высоких деревьев: елей, лип, берез — по краям двойного земляного вала с дренажной канавой посередине.

Внутреннее пространство даже в поздних «экономических» дачах, принадлежавших разбогатевшим купцам, все-таки оформлялось исходя из эстетических и рекреационных запросов хозяина. Непременные аллеи, крестообразно или по диагонали членившие территорию парка, создавали естественные «коридоры», предназначенные для прогулки, беседы, созерцания. Выполненные из рядовых (парных) насаждений липы мелколистной, дуба черешчатого, лиственницы, туи аллеи обеспечивали рекреанту-помещику или его гостям тень — в жаркий летний день, защиту от ветра с дождем или снегом — в день ненастный холодного времени года. При этом со временем разросшиеся и смыкающиеся над головой кроны, кряжистые мощные стволы придавали «коридору» почти сказочные мифические черты, так что и поныне посетители старых парков могут пережить совершенно необъяснимые ощущения, находясь внутри аллеи под сенью старых деревьев.

Не будем останавливаться на многочисленных элементах внутреннего декора парка, создаваемого с помощью кустарниковых бордюров, цветочных клумб и партеров, а также парковой скульптуры.

Отметим лишь те элементы композиции, которые явно создавались для отдыха посетителей. Таковы, например, различные композиции из деревьев. Пожалуй, наиболее удивительной для парков провинциальной России является заимствованная из ранней монастырской традиции круговая группа «12 апостолов»: высаженные по окружности диаметром 6—12 м деревья (липы, кедры, дубы) образуют как бы замкнутую площадку с внутренним пространством, предназначенным для уединения, раздумий, может быть, обращений к Богу. Уединение и приватное общение обеспечивали и многочисленные беседки — «думки», являвшиеся принадлежностью практически каждого парка.

Особая рекреационная роль принадлежала водным объектам в усадебных парках. В приречных усадьбах река (средняя или совсем маленькая) становилась неременной частью общей композиции, иногда ее «осью», иногда своего рода авансценой: весь парк мог быть открыт на реку, тогда главные аллеи обычно спускались по террасе и поверхности поймы прямо к руслу. В створе парка непременно устраивался мельничный пруд или просто искусственно углубленный бочаг, служивший для купания и других увеселений обитателей усадьбы. Здесь же возле тылового шва поймы или в обрыве коренного берега реки открывался источник грунтовых вод, который также оформлялся и местами использовался для обустройства купальни с более чистой и прохладной водой.

Важно понимать, что рекреационные ландшафты всегда требовали приложения человеческих усилий. За всеми сооружениями культурной усадьбы требовался постоянный уход, ложившийся на плечи крестьян. Более того, ухода требовали и многие другие элементы культурного ландшафта, которые, как нам порой кажется, должны были существовать сами по себе без нашего участия, например обычные купальни. До нас дошло уникальное свидетельство художника Константина Коровина о купании в бочаге на речке Нерли Клязьминской близ с. Охотина Ростовского уезда Ярославской губернии. Речь идет о самом начале XX в. В Охотине в это время была дача Константина Коровина (она сохранилась и по сей день), куда в гости к нему приезжали Исаак Левитан и Федор Шаляпин. В описываемом эпизоде в роли купальщика выступал Федор Михайлович, который, как известно, имел немалый рост. Знаменитый певец нырнул с мостков и уткнулся головой в песок и тину обмелевшего заросшего бочага; вынырнув и прочистив глаза, уши и глотку, он выразил свое недовольство весьма непосредственно, после чего хозяин послал за крестьянами, которые немедля привели купальню в надлежащее состояние.

Многие усадьбы стояли на водоразделах и не имели выхода к реке, в этом случае хозяева устраивали пруды. Лишь в беднейших поместьях ограничивались единственным водоемом — универсальным для всех нужд, гораздо чаще было принято устраивать два пруда: «черный» — хозяйственный, расположенный, как правило, в понижении рельефа (и, следовательно, перехватывающий уже не слишком чистые грунтовые воды), и «белый» — господский, расположенный где-нибудь выше по склону и предназначенный только для отдыха и купания. Размеры, форма и глубина господского пруда определялись не столько гидрогеологическими условиями, сколько богатством и амбициями хозяина. В Переславском уезде (входившем прежде в состав Владимирской губернии) известен пруд, являвшийся как бы моделью Чесменской битвы, в которой в молодости участвовал хозяин. По берегам пруда, на акватории, на острове посередине воспроизведены (насколько это

было возможно) очертания и рельеф Чесменской бухты; все это было декорировано древесными и кустарниковыми насаждениями, мостами и мостками и прочими формами малой архитектуры.

Пруды с островом посередине вообще были популярны при устройстве парков, поскольку в этом случае создавались дополнительные рекреационные возможности: акватория между островом и материком выглядела как канал (иногда его делали в форме «барочной пряжки» или гитары), берега обсаживали деревьями (чаще — липами), которые, разрастаясь, затеняли поверхность воды и почти перекрывали небо над головой. В таком пруду помимо обычного купания, прыжков в воду с веревки (которую в начале XX в. назывут «тарзанкой») было возможно и катание на лодке вокруг «острова-материка», причем в жаркий летний день лодочная прогулка по затененной водной глади могла доставить немалое удовольствие. Зимой этот же пруд с островом посередине превращался в прекрасный каток, на который кроме членов семьи могли допускаться и окрестные ребяташки.

В целом можно констатировать, что трехсотлетний опыт осознанного конструирования рекреационных ландшафтов, обогащение видового состава флоры, чрезвычайно искусное обращение с водой и моделирование рельефа — все эти составляющие паркового искусства есть своего рода золотой фонд современной ландшафтной архитектуры, фонд, к сожалению, пока весьма слабо используемый при создании современных рекреационных комплексов.

Было бы заблуждением полагать, что рекреационные ландшафты создавались только в помещичьих усадьбах. Повседневная деятельность крестьянства, особенно в части дополнительных видов природопользования, также приводила к возникновению ландшафтов явно рекреационного назначения. В этом плане весьма интересна существовавшая на русском Севере традиция заказа лесов. Общинные леса, подвергавшиеся комплексному воздействию (рубке дров, выпасу, сенокосению, заготовке корья и лыка и т. д.), со временем приходили в плачевное состояние, утрачивая не только товарные свойства, но и рекреационные функции. Поэтому крестьяне заключали устный общинный договор (данные об этом приводятся в исследованиях, проводившихся в различных регионах России Императорским географическим обществом), суть которого сводилась к запрету «ходить топором, сохе и косе», т. е. к принятию на себя членами общины добровольных обязательств по ограничению хозяйственного использования леса.

Как правило, народное предпочтение отдавалось сосновым лесам, особенно расположенным на речных надпойменных террасах, долинных зандрах, материковых дюнах речных долины. Известно, например, что крестьяне Верхневолжья часто сажали сосновый лес на берегах рек и озер. Так, сажанный крепостными крестьянами села Соломидино полуторавековой бор до сих пор

украшает берега Плещеева озера. Подобными обстоятельствами (а не только пирогенной динамикой) объясняется практически абсолютное превосходство сосняков среди перестойных лесов Европейской части России.

Такое пристрастие к соснякам легко объяснимо именно с рекреационных позиций: сосновый бор светлее, чище и приветливей темнохвойного массива классического ельника, в нем лучше дышится (фитонциды!), легче переносятся жаркие летние дни с высокой влажностью, в нем практически всегда меньше комаров и других кровососущих насекомых, словом, он комфортней для отдыха. Неслучайно именно сосновый бор являлся традиционной ареной большинства скрыторекреационных видов природопользования, причем такое отношение к борам сохранилось вплоть до последнего времени: среди памятников природы — лесов, выделенных в шести областях российского Центра (Вологодской; Костромской, Ивановской, Ярославской, Тверской, Владимирской), сосняки преобладают абсолютно (75 %) относительно прочих типов лесных биогеоценозов.

Вторым по популярности и рекреационной значимости типом лесного биогеоценоза являлись лиственные рощи. Практически все они были сажеными либо полученными в результате рубок формирования, поскольку естественные сукцессии в зоне южной тайги не приводят к формированию монодоминантных лиственных лесов ни после сплошных рубок, ни после пожаров, ни в результате зарастания пустошей и заброшенных полей. Поэтому излюбленные населением «гуленошные» березовые рощи могли возникнуть либо в результате посадки, либо в ходе многократных выборочных рубок формирования (когда осина, ольха и рябина намеренно выбирались из древостоя, а береза оставлялась на корню). Все сказанное относится и к ставшим уже очень редкими в регионе чистым дубнякам.

В иные годы в травяных березняках России можно собрать хороший урожай белых грибов, но не прагматическое использование сохранило их до нашего времени. Рощи даже в большей степени, чем сосновые боры, использовались для явной рекреации, поскольку в народном восприятии светлый лиственный лес несет особую семантическую и мифологическую нагрузку. Культурные березняки всегда были местом деревенских гуляний, встреч и ухаживаний молодых людей, проведения различных народных (а в более позднее время — советских) праздников, с ними были связаны сложные, забытые ныне обряды. Из чудом сохранившихся приведем лишь обычай молодых непосредственно после венчания, приезжать в Рощу невест (Ярославская область) для прогулки «на счастье».

Явно рекреационные функции несли и мелкомаассивные фрагменты рощ и лесов, оставляемые крестьянами посреди полей и

лугов. Некоторые из них воспринимались как значимые символы еще с тех далеких времен, когда они служили межевыми знаками (такова огромная Николо-Кормская межевая сосна, уцелевшая до нашего времени на правом берегу Верхней Волги недалеко от Рыбинска), но, вероятно, они также служили как своего рода островки-оазисы, дававшие тень, временное укрытие от непогоды, возможность отдохнуть от тяжелых трудов, перевести дух.

Рекреационные черты свойственны и другим менее значительным элементам и деталям культурного ландшафта России. Как основные прагматические виды природопользования (вырубка, распашка, залужение), так и множество побочных видов деятельности человека в ландшафте всегда имели в большей или меньшей степени выраженный рекреационный аспект, следовательно, приводили к появлению если не целых ландшафтов, то хотя бы небольших урочищ, комплексов или приспособлений. Таковы целые массивы лесов, острова лиственных рощ, островки и полосы живописных насаждений, расчищенные луговины у реки, обустроенные деревенские броды с валунами, выложенным вдоль переката, купальни, оформленные срубными венцами и лавочками родники и многое другое.

Выводы

1. Явления, которые мы называем сегодня туризмом и рекреацией, на самом деле возникли очень давно: поскольку в жизни человека прошлых эпох труд и отдых не разделялись столь резкими границами, как это происходит в наше время. Люди не «ходили на работу», они просто жили в ландшафте, отдельные стороны этого пребывания были больше похожи на труд, другие — на отдых, третьи занимали промежуточное положение. Поэтому истоки туризма и рекреации кроются в скрыто- и явно рекреационной деятельности этноса в пространстве вмещающего ландшафта. Уже в средневековой Руси рекреация и перемещение в пространстве вмещающего ландшафта несли важные информационно-эвристические и социально-психологические функции, поскольку позволяли решать одну из основных проблем первоначального освоения — проблему «выбора места».

2. Не только попытка «взять» от природы (урбжай, полезный компонент, сырье и т. д.), но и неосознанная скрыто- или явно-рекреационная деятельность приводили к возникновению феномена культурного ландшафта. При этом процессе становления культурного ландшафта соответствовал параллельный процесс оформления и выделения рекреации как самостоятельного самоценного вида деятельности, сначала в форме неявной рекреации (совершавшейся «между делом»), а впоследствии и в форме нарочитого отдыха. Это обстоятельство следует иметь в виду при проектировании современных туристско-рекреационных систем, поскольку абсолютное большинство действий современного туриста и ре-

креанта уходят своими корнями в далекое прошлое: как в плане поведения человека в ландшафте, так и в отношении оформления специальных мест для отдыха в пространстве дикой природы.

Контрольные задания

1. Докажите, что образ жизни и восприятие пространства дикой природы у первооткрывателей-путешественников и туристов-отдыхающих во многом аналогичны. Попытайтесь использовать для рассуждения на эту тему материалы популярных сериалов типа «реалити-шоу» (например, «Последний герой»).

2. Охарактеризуйте туризм как информационную деятельность. Какого рода информация и каким образом накапливается в голове туриста или отдыхающего во время турпохода или отдыха в ландшафте? Попытайтесь вспомнить собственные путешествия (особенно в раннем возрасте) и оцените, какую эвристическую нагрузку они несли для вас лично в плане открытия новых мест в окружающем мире (своего двора, квартала, города, деревни, дикого ландшафта).

3. Полистайте романы Ф. Купера; попытайтесь определить информационную составляющую в деятельности «пионера», «траппера» и «следопыта», осваивавших пространства Дикого Запада. Вспомните замечательный голливудский фильм «Танцы с волками» и подумайте в этой связи над вопросом: какие навыки требуются от человека, живущего на границе между освоенным и неосвоенным миром?

4. Вспомните собственный опыт устройства лагеря во время летнего похода или сплава по реке. Какие признаки местности вы анализировали (сознательно или интуитивно) при выборе места для очередной стоянки, какую роль в этом играли такие качества «локуса», как просматриваемость окружающего пространства, открытость и защищенность с тыла?

5. Попытайтесь сравнить археологическую и туристскую карты своей территории (возможно, обе эти карты входят в комплект Атласа, выполненного для того субъекта Российской Федерации, в котором вы проживаете), сравнить размещение стоянок древнего освоения с современными рекреационными зонами. Что объединяет племена эпохи неолита и бронзового века с современными туристами? Подумайте над тем, в чем заключалась привлекательность мест в ландшафте для древних людей и современных туристов, в частности проанализируйте составные части понятия «комфортность места», принимая во внимание:

- положение в рельефе (на холме, у его подножия, на равнине, на уступе поймы или террасы);
- положение относительно водных объектов и источников пресной воды;
- положение относительно окраинной и срединной части леса, луга;
- прочие факторы.

6. Работа управляющего пассажирским дилижансом в Лондоне XIX в. была не слишком легкой, между тем джентльмены за немалые «отступные» деньги в выходные дни добивались возможности выступить в роли кучера на пригородных линиях, считая такую деятельность отдыхом.

Попробуйте поставить себя на их место и поразмышляйте над тем, каких впечатлений жаждали набраться состоятельные люди, занимая на время чужую социальную нишу (лорд — кучер!) и выполняя тяжелую работу? Почему все-таки они считали это скорее отдыхом, да еще изысканным? И если это отдых, то к какому виду рекреации мы должны его отнести: к скрытой или явной?

Приведите пример из своей собственной жизни (возможно, из жизни своих друзей), когда одно и то же занятие является в одном случае явной работой, в другом — больше похоже на отдых.

7. У вас или у ваших родителей наверняка есть дача. Попытайтесь с помощью листа бумаги и карандаша в простейших условных знаках отрисовать «мир своей дачи», последовательно изобразив:

- дачный домик;
- участок;
- границы дачного поселка;
- ближайшую опушку леса;
- известные вам дороги и просеки;
- ближний пруд или участок реки.

Теперь, перебирая мысленно картинки этих мест, попробуйте заштриховать в разные цвета территорию, распределив ее на три зоны:

- хорошо известная (вы представляете размещение основных объектов, их ориентацию, соотношение, относительный размер);
- приблизительно известная (кое-что можно вспомнить, но есть сомнения в размерах объектов и их взаиморасположении и ориентации по сторонам горизонта);
- почти неизвестная (вы имеет самое смутное представление об объектах, находящихся в этой зоне: «говорят, там есть клюквенное болото, но я никогда не был на нем»).

Как соотносятся площади разных зон? (Если вы не польстили себе, то скорее всего площадь известной вам зоны в несколько раз меньше неизвестной.) На что похожи очертания известной зоны: на «розу ветров», «многолучевую звезду», «перекрестье» или что-то иное? Какие путешествия надо предпринять, чтобы расширить «зону известности»?

8. Замечено, что люди чаще всего теряются в лесу во время сбора грибов или ягод и значительно реже это происходит при попытке человека пройти лесной массив «насквозь», двигаясь к какой-либо цели, даже если этот массив ему совершенно незнаком. Как объяснить этот феномен?

9. Среди ваших знакомых наверняка есть заядлые рыбаки. Попытайтесь методом интервьюирования (т.е. задавая последовательные вопросы собеседнику-респонденту) выяснить, как рыбаки-любители воспринимают времяпровождение, связанное с рыбалкой, и можно ли относить этот вид занятий к скрытой рекреации. Вот несколько примерных вопросов:

- Какие неудобства приходится испытывать во время рыбной ловли?
- Как часто меняется место и как происходит выбор наиболее удачного?
- Что доставляет наибольшее удовольствие во время рыбалки?
- Какими попутными занятиями обрастает рыбалка (разведение костра, приготовление пищи и т.д.) и насколько они значимы?

• Насколько важно уйти с рыбалки со значительным уловом и что более значимо: комфортные условия самой ловли или размер улова?

10. Посетите ближайший к вам рекреационный ландшафт: парк, аллею, набережную. Попытайтесь проанализировать собственные ощущения и объяснить привлекательность различных мест этого ландшафта для вас лично или для ваших друзей. Попытайтесь доказать, что даже обычная прогулка по окрестностям города или на природе сопровождается восприятием и оценением ландшафта.

ЭКОТУРИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ОТДЫХА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

2.1. Рекреация постиндустриального общества: волны освоения

Очевидно, что в XX в., особенно за время, прошедшее после Второй мировой войны, значительно изменился как характер рекреации, так и соотношение разных видов отдыха. Если внимательно проанализировать, как отдыхают (или пытаются отдохнуть) наши соотечественники, то представляется возможным выделить несколько основных видов внутренней рекреационно-туристской деятельности:

- свободный (он же «дикий», «зеленый», «ландшафтный») отдых населения на лоне природы;
- организованный отдых в специальных учреждениях рекреационного типа (санатории, дома отдыха, базы охотников и рыболовов, пионерские лагеря и т.п.);
- отдых дачников в пределах садово-огородных товариществ;
- отдых дачников в традиционных населенных пунктах сельской местности;
- отдых дачников в поселениях нового типа — в коттеджных дачных поселках.

В этом списке отдыхом «чистой воды», т.е. явной рекреацией, могут считать лишь первые два типа: «дикий» отдых и пребывание в санаторно-курортных учреждениях.

В первом случае люди временно снижают уровень своих бытовых притязаний до состояния индейца племени чероки, что вынуждает их обходиться без теплое ватерклозета и трехразового питания. Во втором — граждане поручают заботу о «себе любимых» персоналу рекреационных учреждений, которые их кормят, лечат и развлекают, как могут.

Пребывание на садово-огородном участке или даче отдыхом в прямом смысле может считаться лишь с известной натяжкой, так как жизнедеятельность среднего российского дачника-огородника требует недюжинных затрат физических и умственных сил, поэтому данный вид деятельности получил название «аграрной рекреации». Этим научным термином обозначают ситуацию, когда сограждане пытаются сочетать приятное с полезным, выращивая урожай для собственных нужд и одновременно отдыхая в окру-

жающем природном ландшафте. Соотношение между трудом (ча-сто — нешуточным с «кувырканием на грядках» от зари до зари) и отдыхом (с походами в лес и на речку) определяется личными пристрастиями, семейными традициями, толщиной кошельков и многими другими факторами, которые еще ждут своего исследо-вателя.

Исторически движение горожан на природу началось в 1960-е годы, когда ценности исчезающей малой родины и традицион-ного культурного ландшафта были вновь переосмыслены передовой художественной и технической интеллигенцией России. Сельская местность вдруг приобрела в глазах горожан исторический смысл и эстетическую ценность, что постепенно повышало ее рекреа-ционную привлекательность.

Первая волна самостоятельного рекреационного освоения при-городных ландшафтов была связана с «движением на природу» горожан эпохи «хрущевок» и пришлась на конец 1960-х — начало 1970-х годов. При этом освоению подверглись территории, обес-печенные быстрым доступом по железной дороге; так, многим еще памятни воскресные «грибные» электрички 1970-х. Соответ-ственно были нагружены рекреантами ближайшие к городам лес-ные массивы, чаще других сосновые боры в силу присущих им от природы высоким рекреационным качествам.

Этот отдых имел отчетливо выраженный сезонный (май — сен-тябрь) и недельный (выходные дни) периодический характер. Можно также утверждать, что отдыхающие тех лет имели сравни-тельно высокий уровень навыков поведения в ландшафте и не оставляли после себя мусорных свалок со стеклянным бутыло-чным боем, консервными банками и бумагой (вездесущий ныне пластик еще не находился во всеобщем употреблении).

Тогда же было возведено абсолютное большинство сооруже-ний ведомственной рекреации, явно тяготевших к ландшафтам речных долин: детских пионерских лагерей и дач, баз отдыха и санаториев-профилакториев. Участки, попавшие за забор ведом-ственных учреждений, были более или менее обустроены и ухо-жены, при этом вторжение в среду зачастую оказывалось мини-мальным: жилые домики-павильоны из дерева, грунтовые дорож-ки, нехитрая лесная «мебель», отчасти вписанная в древостой лесной опушки.

Более поздняя волна рекреационного ведомственного стро-ительства пришлась на 1980—1990-е годы и имела куда более зна-чительные масштабы: пятиэтажные корпуса, гектары вырублен-ного леса, асфальт и бетон в качестве искусственных покрытий, капитальные ограждения.

В последние годы многие объекты ведомственной рекреации были заброшены, поскольку после перестройки содержание со-циальной сферы оказалось непосильным бременем для многих

предприятий, а местные органы власти, принявшие эти объекты на баланс, также далеко не всегда были в состоянии изыскать средства на их содержание и реконструкцию. Поиск новых хозяев порой затягивался на долгие годы, а для промерзающего в зиму жилья это означало запустение и развал. Зброшенные пионерские лагерь с пустыми глазами окон в полуразобранных корпусах, заколоченные детские дачи — яркая, но неселая примета нашего времени.

С начала 1970-х годов появляется новый, конкурирующий с прежними вид рекреационного (точнее — агрорекреационного) освоения территории — широкими темпами осуществлялся отвод земель под садово-огородные товарищества. Здесь также можно выделить две временные волны, характеризующиеся принципиально разными показателями. Дачные поселки начала 1970-х годов со скромными щитовыми домиками и небольшими (если не сказать, скудными) участками в 3,5 сотки располагались на бросовых, часто заболоченных землях и были в большей степени огородами, чем «дачами».

Более поздние дачные участки с деревянными домами улучшенного типа или каменными строениями возникали на рубеже 1980—1990-х годов вблизи железнодорожных платформ и вдоль автомобильных дорог. Эти поселки характеризовались значительными размерами (многие сотни участков в пределах одного выдела), мощным геохимическим воздействием на почву и грунтовые воды (постоянное внесение удобрений, отсутствие какой-либо канализации и т. д.).

«Дачная» рекреация, с одной стороны, уменьшала объемы «дикого» отдыха (который остался уделом в основном молодежи и радикальных энтузиастов зрелого возраста), с другой — весьма сильно воздействовала на окружающие ландшафты. Лесные массивы, соседствующие с растущими дачными поселками, подвергались самым настоящим приисковым (на разнообразные нужды) рубкам, вытаптыванию и становились жертвой рекреационной депрессии.

Постепенно выяснилось, что разные виды рекреации всегда конкурируют между собой, поскольку выросшие тут и там дачные поселки, санатории и пансионаты совершенно обесценивали территорию для самостоятельных рекреантов и туристов (кому захочется ставить палатки у забора коттеджного поселка, пусть даже и в живописной местности). Стало очевидным, что самостоятельная («дикая») и ведомственная (организованная) рекреация должны быть достаточно отчетливо разведены в пространстве.

Справедливости ради следует заметить, что дачная пандемия захватила в послевоенное время и страны Западной Европы. Однако дачный участок горожанина где-нибудь под Берлином представляет собой нечто вроде «хижины дяди Тома» (сколоченная из

бросового материала деревянная конура, пригодная только лишь для хранения нехитрого дачного инвентаря) с несколькими грядами и клумбами под выращивание цветов. Никто в Европе не собирался делать из дачных участков второе сезонное жилье: это дорого и невыгодно с точки зрения прагматичного западного обывателя. Вдобавок давно определившиеся земельные отношения не позволяют столь расточительно относиться к территории: любая земля имеет цену, к тому же сложившийся рынок и существующее законодательство Евросоюза определяют очень строгий порядок землепользования.

В нашей стране в самые последние годы начался следующий — третий — этап рекреационного освоения территории, который по размерам и масштабам воздействия на природу далеко превосходит все предыдущие: В пригородах России идет стремительное формирование поселений нового типа, состоящих из коттеджей — капитальных сооружений, средняя стоимость которых оценивается экспертами в десятки и даже сотни тысяч долларов США. Реально это означает, что начиная с 90-х годов теперь уже прошлого XX в. мы присутствуем при плавном переходе рекреационного освоения в освоение градостроительное, переходе, предсказанном географами еще за 30 лет до его начала.

Следует понимать, что коттеджный поселок — это не просто несколько «домов на равнине», это целый градостроительный комплекс, который должен проектироваться с учетом множества факторов, прежде всего природных. Однако в реальной жизни, как правило, поселки этого типа не отвечают ни экологическим нормам и правилам, ни просто элементарной культуре землеотвода и архитектурного проектирования. Вторжение на поймы рек, перегораживание бечевников, выдвигание строений на самые бровки уступов склонов долин, вырубка ценных лесных массивов, нарушение исторически сложившегося визуального ряда построек, прямое посягательство на территории памятников природы — вот далеко не полный список типичных нарушений земельного и природоохранного законодательства при возведении новых коттеджных поселений. Капитальное строительство коттеджей, требующее прокладки дорог и инженерных коммуникаций, резко понижает нативное биоразнообразие, снижает экологические (средостабилизирующие) и сценические свойства ландшафта, ухудшает качество всех природных сред.

К сожалению, владельцы такого рода особняков слабо осознают, что заказанные ими «проекты ландшафтного дизайна» прилегающих к строению 15—20 соток не решают серьезных экологических проблем, возникающих в связи с нарушением экзогенной геодинамики, загрязнением грунтовых вод, деградацией окрестных лесов и лугов. Хорошо известно, что «новорусское освоение» повсюду сопровождается высокими заборами, колючей проволо-

кой, злыми собаками и хорошо вооруженной охраной, поэтому землеустроителям и планировщикам следует отдавать себе отчет в том, что коттеджная застройка полностью обесценивает любое место в плане перспектив рекреации и туризма. К этой проблеме мы еще вернемся, когда будем анализировать планировочные аспекты развития внутреннего туризма.

2.2. «Домик в деревне»: агрорекреация как средство консервации традиционной системы расселения

Развитие внутреннего туризма и агрорекреации ставит перед российским обществом ряд непростых вопросов, на которые требуется найти ответы в самые ближайшие годы. Как оценивать агрорекреационное освоение территории на фоне явно разваливающегося сельского хозяйства во многих регионах российской провинции? Дачное освоение — это благо или зло, какими механизмами оно должно регулироваться, каковы должны быть размеры дачных участков и правовая форма владения-пользования землей? Как сочетать разные виды рекреационного освоения (например, дачное, санаторно-курортное и экотуристическое)? Как сохранить наиболее привлекательные ландшафты для социально значимых форм рекреационного освоения и избежать коттеджной экспансии частников?

Насущная необходимость поиска ответов на эти непростые вопросы продиктована стремительно возрастающим спросом на землю и все более усиливающимся рекреационным прессом на территории. Медленное реформирование земельного права вкупе с появившимися возможностями аренды, купли-продажи и передачи в наследство земельных участков уже порождает множество земельных конфликтов, связанных с перекосами земельной политики, некорректным землеустройством и разнообразными нарушениями федеральных законов в области охраны окружающей среды, памятников истории и культуры.

Реальный анализ ситуации в регионах убеждает нас в том, что дискуссия о возможности или невозможности частного владения землей в России отняла непозволительно много времени у наших законодателей. Отсутствие (на протяжении полутора десятков лет) нормального рынка на землю породило рынок если не «черный», то вполне «серый». К тому же и сама дискуссия велась некорректно. Характерно, что никто из противников и сторонников частной собственности на землю не осознавал в полной мере то обстоятельство, что речь по сути идет о собственности на «ландшафт», ибо всякий владелец захочет вместе с куском пашни (до сих пор не слишком востребованной, кстати, на русском Севере) получить и участок соснового леса, и сенокос возле ручья, а то и

целый кусок террасы над малой рекой — и это нормальное и понятное желание.

Очевидно, что старая система сельского расселения в прежнем виде, т. е. жестко привязанная к колхозам и совхозам, уже не возродится. Какова бы ни была новая система хозяйствования, она уже не будет подпитывать избыточную систему расселения: никто не «накатает» и не будет содержать дороги, никто не протянет электросети, не поставит телефоны, не построит коллекторы и т. д. Ткань сельских поселений будет съезживаться, однако вряд ли следует забегать впереди этого процесса и заранее распределять села и деревни на перспективные и неперспективные, пусть это определит сама жизнь. Поэтому задача администраций различного уровня — представить разумные пределы относительной ценности и стоимости земель (так же как стоимости сельскохозяйственного продукта, леса, полезного компонента, извлекаемого из недр) и уже в этих заданных рамках отработать некие честные «условия игры», предоставив максимум инициативы органам местного самоуправления.

К сожалению, в умах региональных администраторов и управленцев всех уровней идея необходимости поддержки развития туристско-рекреационной сферы с трудом находит себе место. Избыточность существовавшей в 1970—1980-е годы системы сельскохозяйственного производства, равно как и неадекватность затрачивания огромных средств на «поднятие» сельского хозяйства в Нечерноземье до сих пор не получили должной оценки в социально-географических исследованиях. В этой связи стоит вспомнить зерносушилки на 25 тыс. т зерна, поставленные в каждом колхозе (когда и целый сельский район в Нечерноземье не собирал такого количества зерна), громадные мелиоративные системы, так и не давшие никакой отдачи, и списанные в конце концов вместе с десятками тысяч гектаров («польдеры» котловины озера Неро в окрестностях Ростова Великого — яркий пример тому), наконец, огромные картофельные поля, продукция с которых шла, либо на крахмалопаточные заводы, где истиралась в «пыль», либо закладывалась в бурты, где благополучно сгнивала уже к концу осени.

Не стоит также забывать, что централизованное интенсивное сельское хозяйство во многом разрушало природосообразную, исторически сложившуюся дисперсную систему расселения и хозяйствования. При создании новых укрупненных полей игнорировалась пластика рельефа, рисунок почвенного покрова, упрощалась мозаика различных элементов культурного ландшафта, тем самым скрыто подготавливался экологический кризис 1970-х годов.

Отсутствие должных оценок, подкрепленных непредвзятым анализом, и поныне продолжает подпитывать иллюзии управленцев, не позволяя оценивать реалии и видеть перспективы. Между

тем беспристрастный анализ ситуации в странах Европы позволяет удостовериться в том, что сегодняшняя ситуация в России далека от уникальности. Исследования географов показывают, что развитию рекреации повсюду предшествует утрата сельскохозяйственных и (или) других производственных функций территории.

Так, Д. В. Николаенко [27] анализирует ситуацию в аграрном секторе Франции и Швейцарии. В этих странах после утраты определенных производственных или сельскохозяйственных функций мелкие населенные пункты обретают новую жизнь в качестве рекреационных центров. В них обнаруживаются порой совершенно неожиданно даже для коренных жителей замечательные рекреационные ресурсы, которые население начинает активно эксплуатировать.

Для нас особенно интересен вывод Д. В. Николаенко о том, что рекреация и туризм являются, по сути, формами рационального природопользования, вызванного к жизни социально-экологическим кризисом предшествовавшего периода чересчур интенсивного сельскохозяйственного освоения территории.

Именно это и произошло, на наш взгляд, на большей части территории России, где все признаки экологического кризиса налицо, а именно:

- изменение качественного состава лесов (преобладание молодняков малоценных пород, разросшихся на заброшенных лугах и пашнях, над перерубленными зрелыми хвойными лесами);

- деградация и катастрофическое падение плодородия почв в результате перераспашки и последовавшим усилением плоскостной и линейной эрозии с выходом на дневную поверхность почвообразующих пород;

- зарастание малых и обмеление средних рек и даже крупных рек в результате попадания в русла огромных объемов твердых осадков и загрязненных промышленных и коммунально-бытовых стоков;

- утрата красоты ландшафта и снижение пейзажной ценности и уникальности «мест» российской провинции, нарастание визуальной монотонности и агрессивности среды.

Могут ли туризм и рекреация в России рассматриваться как средство консервации системы расселения? Исследования, проведенные в различных регионах России, позволяют ответить на этот вопрос утвердительно.

Трансформация функций сельских населенных пунктов и скрыторекреационное освоение территории Центральной России начались с 1970-х годов и особенно активно происходили с конца 1980-х до середины 1990-х годов. Процесс этот не закончился и по сей день. Уже в конце 1970-х годов многие деревни Нечерноземья представляли собой «дома престарелых»: лица трудоспособного возраста и молодые люди активно покидали эти места и переез-

жали в город, райцентр, ближайший крупный поселок, центральную усадьбу. Жизнь в таких деревнях оживлялась лишь летом в период отпусков или в выходные дни, когда уехавшие находили возможность навестить родных и близких. Рекреационный характер такого рода поездок очевиден.

Деревни понемногу пустели, а неоправданные сложности купли-продажи или передачи домов по наследству приводили к тому, что часть ценной селитьбы была просто заброшена и превратилась за прошедшие 20 — 25 лет в пустоши. К сожалению, именно такая участь постигла многие небольшие деревеньки российской провинции, где в живых на начало 1980-х годов не оставалось уже никого.

Однако наличие одной-двух семей пенсионеров, а также выгодное транспортное положение населенного пункта могли привести (и приводили) к его частичной консервации в виде «агрорекреационного поселения». Заколоченные и закрытые на зиму дома с весны приводились в порядок и весь вегетационный период служили местом отдыха горожан-наследников. С середины 1980-х годов в наиболее рекреационно привлекательных деревнях и селах дома уже активно скупались и, таким образом, процесс запустения в какой-то степени приостановился. С этого времени скрыто-рекреационная функция сельских поселений становится явной, а «домик в деревне» приобретает реальную ценность в глазах горожанина.

Подобного рода изменения происходили сначала в ближайших окрестностях городов и по наиболее обустроенным трассам (в соответствии с географической логикой «реколонизации»), а затем уже и в более отдаленных поселениях. Детальные исследования поясов рекреационного освоения — дело будущего, однако очевидно, что спрос на дома под рекреацию был во многом спровоцирован жителями обеих российских столиц. Например, в Ярославской области (самой маленькой по площади из областей Верхневолжья) процесс в значительной степени определился присутствием такого внешнего спроса, причем, поскольку регион входит в зону рекреационного тяготения и Москвы, и Санкт-Петербурга, сферы влияния поделились по признаку транспортной доступности: дома в южной части области приобретались москвичами, а в северных районах спрос создали жители «Северной Пальмиры».

Таким образом, к середине 1990-х годов в деревнях с мало-мальски обеспеченной транспортной доступностью практически не осталось заброшенных или «ничьих» домов, причем скупке жилья в немалой степени способствовали и увеличившиеся размеры придаваемых усадебных участков. Пространство в 10 соток (к которым до самого последнего времени можно было без особых хлопот «прирезать» еще 20) удовлетворяло фантазии самого требовательного дачника: хватало и на огород с капустой, и на

парники с огурцами, и на кусты крыжовника (ягода русской интеллигенции!), и на «вишневый сад», а также на баньку, гараж для машины, пристройку под летнюю кухню и прочее — в зависимости от доходов и амбиций хозяев.

Так, почти незаметно для российской экономической науки возникла по сути новая система расселения с трансформированными функциями. Если рассматривать эту систему с интересующих нас позиций, то на сегодняшний день сельские поселения российской провинции можно разделить на несколько отчетливо дифференцировавшихся категорий.

1. *Населенные пункты без коренных жителей с эпизодическим пребыванием рекреантов.* Такое использование по аналогии с классической, выделенной историком сельского хозяйства Г.Е. Кочинным «пашней наездом» можно назвать «рекреация наездом». Проще говоря, это деревни, вообще лишенные постоянного населения, в которых отдыхающие появляются либо летом на период отпуска, либо в выходные дни. Как правило, рекреанты заброшенных деревень — это небогатые жители ближайших центральных усадеб, малых и средних городов.

2. *Селения эпизодического пребывания с остатками постоянного населения и удовлетворенным спросом на жилье.* Категория, близкая к предыдущей и отличающаяся лишь наличием некоего «ядра» старых постоянных жителей, фактор, как выяснилось, весьма важный для дальнейшего развития селитьбы. В такой деревне, как правило, все дома заняты: часть — корейными сельчанами, часть — отдыхающими, занявшими дома или в результате купли-продажи, или (реже) по праву наследования. В таких деревнях стремятся заполучить дома более состоятельные граждане. Как правило, они способны навещать свое «второе жилье» на собственном автотранспорте, причем сами они обычно живут в городе, до которого полтора-два часа езды, хотя надо отметить, что стандарты дальности по мере все увеличивающейся автомобилизации также меняются. По нашим данным, расстояние в 400—600 км в оба конца на субботу—воскресенье не считается ныне непреодолимым: было бы желание покинуть надоевший за рабочую неделю город достаточно велико, а дороги не слишком разбиты...

3. *Селения эпизодического пребывания с остатками постоянного населения и неудовлетворенным спросом на жилье.* Эти селения представляют собой развитие предыдущей категории. Если деревня (или село) располагаются в привлекательном с точки зрения потенциальных рекреантов месте, а все старые дома уже скуплены, начинается продажа земельных участков и возведение нового жилья. При этом для вновь отстраивающихся весьма важно наличие постоянных жителей: это и дешевая рабочая сила, и присмотр за строительным материалом, недостроенным объектом, наконец готовым домом. Именно так и возникают в средней России села и

деревни с новой рекреационной селитьбой, иначе говоря, жилым сектором нового типа.

Новые дома могут быть традиционными срубами (укрепленного, утепленного, богато декорированного типа), каменными. Здесь разнообразие построек весьма велико: от кубовидных объемов, сделанных по собственному разумению, до причудливых эклектичных по стилю строений, спроектированных на скорую руку, и настоящих коттеджей, сделанных по серьезному проекту настоящего архитектора. Хотя, как показывает практика, и последним часто изменяет вкус: перегруженные башнями, эркерами, колоннами и прочими архитектурными деталями близко поставленные «новорусские замки» вовсе не выглядят красивыми.

Новая селитьба может занимать лакуны с утраченными домами внутри уже существующих рядов деревенских домов, продолжать «красную линию» застройки за пределами села или дистанцироваться от прежнего поселения и являть собой самый настоящий починок или хутор начала третьего тысячелетия.

4. *Коттеджный поселок.* В этот тип агрорекреационных поселений эволюционирует предыдущий тип. Целесообразно различать коттеджные поселки, возникшие на городских окраинах как индивидуальное жилье нового типа, от коттеджных рекреационных поселений. Различия между ними проявляются даже в ходе интервьюирования пользователей. Проведенные опросы показывают, что пригородные коттеджи рассматриваются прежде всего как постоянное индивидуальное жилье элитного типа, в то время как рекреационные коттеджные поселения — как дачи. Заметим, что реальные различия могут и не проявлять себя явно, если ориентироваться на формальные или технические параметры вроде толщины стен или общей стоимости сооружения. Пожалуй, единственным ориентиром может служить размер приусадебного участка: в городах и пригородах он редко превышает 3—7 соток, в то время как в сельской местности счет идет на гектары.

5. *Садово-дачные кооперативы и товарищества.* Их мы не рассматриваем как формы консервации системы расселения, однако эти объекты также поддерживают существующую ткань агрорекреационных поселений. Кооперативы и товарищества часто находятся в непосредственной близости от традиционного сельского жилья, некоторые из них возникли как продолжение райцентров, поселков и обычных сел.

Следует подчеркнуть, что изменившаяся таким образом система расселения до сих пор не стала предметом серьезных исследований, между тем некоторые свойства агрорекреационной сети проявились уже достаточно ярко и могут быть охарактеризованы в первом приближении.

А. Агрорекреационная сеть поселений определяет сохранение, а местами и развитие дорожной сети. Финансовые возможности

обитателей коттеджных поселков и даже отдельных строений-«дач» позволяют им поддерживать старые и накатывать новые дороги с асфальтовым покрытием.

Б. Агрорекреационная сеть создает условия для возникновения новых рабочих мест: во многих сельских районах местное население трудится на возведении новой селитбы, причем спектр востребованных видов работ достаточно широк (заготовка леса на корню, получение профиля и бруса на лесопилках, рытье и закладка фундаментов, возведение кирпичной кладки или деревянного сруба, кровельные работы, столярные работы по отделке домов и т. д.). Возникли новые формы найма на сельскохозяйственные работы, своего рода «новорусское батрачество»: местные крестьяне нанимаются обрабатывать сады, огороды или обустроить «ландшафт» новых рекреантов.

В. Агрорекреационная сеть и ее поселенцы являются пользователями излишков сельскохозяйственной продукции. Следует иметь в виду, что в селах и деревнях с сохранившимся трудоспособным населением всегда существовал излишек сельскохозяйственной продукции, прием в последние годы его объемы заметно возросли. Мы не имеем в виду фермеров, в любом крестьянском хозяйстве, где есть корова (с удоями не 2,5 л в сутки, как у колхозной, а 15—20 л и даже более), несколько коз, куры, утки, излишек неизбежен. В то же время выход такого хозяина-единоличника на городской рынок сопряжен с немалым риском и затратами, гораздо удобнее продавать излишки на месте. Рекреанты являются гарантированными и притом весьма стабильными потребителями деревенского молока, сметаны, творога, мяса, яиц, меда и т. д. Таким образом, рекреация и сельский туризм поддерживают местного производителя, делая излишки сельхозпродукции частного подворья крестьянина товаром в экономическом смысле этого слова.

Г. Агрорекреационная сеть и ее поселенцы являются потребителями разнообразной сырьевой и промышленной продукции — древесины, дров, небольшого количества песка и гравия из полузаброшенного карьера, родниковой воды, принесенной с дальнего источника, грибов, собранных селянами в пять часов утра, клюквы с ближайшего болота, причем стоимость товара, равно как и мода на него, меняются от места к месту, зависят от времени года, урожайности и многих других факторов. В самые последние годы сельские жители российского Севера вновь (через 150 лет) освоили промысел, некогда называвшийся булыжным. Только если в XIX в. булыжник отправляли в город на устройство набережных, мостовых и дорог, то теперь огромные эрратические валуны скупают для оформления дач и коттеджей.

Для всех описанных отношений, возникающих между традиционным населением и новыми рекреантами, характерен нали-

чный расчет по системе товар — деньги безо всяких временных проволочек и налогообложения, что особенно важно для сельской местности, где в отличие от городов поток бюджетных средств крайне скуден, а запасы наличности всегда мизерны.

Таким образом, агрорекреационная сеть создает условия для возникновения системы сложных и трудно учитываемых экономических отношений, которые в совокупности и позволили российской глубинке выжить в самое тяжелое время. Существование и функционирование элементов этой сети является экономической и территориальной базой развития туризма и рекреации.

2.3. От агрорекреации и сельского туризма к пансионам и экотуризму

Характерно, что мода на сельский туризм в странах Западной Европы отчасти возникла стихийно, но в немалой степени была «спровоцирована» управленцами и подана как новый стандарт национального отдыха, причем на раскручивание идеи ушло не более 10—15 лет. Так, во Франции в 1971 г. была создана ассоциация «Туризм в сельской местности», координирующая организацию сельского туризма в национальном масштабе, а в 1987 г. отдых в сельской местности предпочли уже 9,2 млн французов и 5,2 млн иностранцев. Одновременно заметно оживилась предпринимательская активность в сельской местности, в частности выросло число актов покупки-продажи недвижимости, появились возможности для дополнительной занятости сельского населения в летнее время. Аналогичные процессы формирования сельского туризма и рекреации получили развитие и в Великобритании (известная программа «Национальный Траст»), и в Нидерландах.

Интересно, что французские туристы едут отдыхать только в настоящие старые деревни на севере страны: для отдыха выбирают естественные объекты, новостройки в стиле «кантри» не слишком привлекательны для рекреантов. Таким образом, даже во Франции, признанном европейском лидере сельскохозяйственного производства, сельское хозяйство оказалось не в состоянии более поддерживать ту систему расселения, которая сложилась в прошлом, поэтому в провинции начинает развиваться рекреация, сельский туризм. Следовательно, поддержание освоенности территории страны на достигнутом уровне может быть достигнуто посредством изменения функций населенных пунктов.

В Великобритании в 2000 г. Британский туристский совет при содействии Агенства по развитию сельской местности представил широкой аудитории стратегию продвижения сельского туризма. Основная идея этого документа содержится в приведенном отрывке (цитируется по [5]): «Для сельской местности настало

время перемен... Сельский туризм играет ключевую роль в поддержании сельской местности. В 1988 г. поступления от сельского туризма составили 11,5 млн фунтов стерлингов, а также было создано 350 тыс. новых рабочих мест. Это показывает, что потенциал развития сельского туризма огромен...».

Каково будущее российской агрорекреационной сети и какое значение она будет иметь для дальнейшего развития туризма и рекреации? Можно предположить, что по мере становления новых экономических отношений функции отдельных элементов системы расселения будут дифференцироваться. Первые дачные поселки претерпят трансформацию: мелкие участки будут скупать и объединять в более крупные владения, на месте старых «хижинок» из вагонки будут возникать капитальные дома площадью в несколько сотен квадратных метров. Вблизи городов в условиях приблизительно часовой транспортной доступности они могут быть превращены в индивидуальную жилую застройку, более далекие поселки сохранят рекреационное назначение, при этом режим маятниковой миграции изменится в связи с нарастающей «автомобилизацией» России.

Можно также предсказать уменьшение собственно аграрной составляющей дачной рекреации. Россияне «новой генерации» заметно меньше предрасположены к сельхозработам, они более сосредоточены на заработке в городском секторе экономики и хотят «реально отдохнуть» в свое свободное время. Ведь не секрет, что дачники эпохи «развитого социализма» демонстрировали чудеса трудолюбия на своих огородах еще и потому, что не слишком утруждали себя на основной работе: отсутствовали соответствующие стимулы. Смена поколений и более жесткие экономические реалии сформировали новый образ жизни и нового рекреанта, который скорее захочет видеть у себя на даче стриженную лужайку с хвойными экзотами, чем капустные гряды и картофельные бороздки. Неудивительно, что на дачных участках появляются не только столы для малого тенниса и бильярда, но и площадки для пляжного волейбола и даже небольшие корты.

В своей крайней разновидности представитель нового поколения вообще не стремится обрести недвижимость за городом: она слишком обременительна для людей, чей график напряжен и, главное, не слишком предсказуем. Что толку тратиться на дачу, если там практически не удастся побывать? Само понятие отпуска также сузилось до количества дней, которое современный человек может позволить себе прожить, «не зарабатывая на продолжение жизни». Роскошные отпуска по 48 рабочих дней, берущиеся «в один прием», канули в прошлое. Труд и отдых как жизненные состояния заметно поляризовались. Ныне даже двухнедельный отпуск часто дробится на два фрагмента, каждый из которых связывается с конкретным рекреационным циклом (поехать на море

или покататься на горных лыжах). Подобный стиль жизни вообще не слишком вяжется с «дачами»: новые поколения трудолюбивых помимо активного туризма с его богатым набором сильных ощущений и ярких впечатлений выбирают пансион в деревне, который особенно хорош для семей с маленькими детьми или уже немолодых людей. Все эти тенденции в совокупности постепенно ведут к трансформации аграрной (дачной) рекреации советской эпохи в сельский туризм западноевропейского типа, характеризующийся использованием рекреантами этнически укорененного или специального построенного «гостевого» жилья, модой на полупрофессиональное участие в сельскохозяйственных работах и сочетанием традиционных скрыторекреационных занятий (сбор грибов и ягод, рибная ловля) с современными видами спортивной рекреации (велосипедные и лыжные прогулки, теннис, бадминтон, волейбол и пр.).

Пансион — вид отдыха и (в более широком смысле) пребывания в сельской местности, известный уже на протяжении нескольких веков, в том числе в России по крайней мере со второй половины XIX в. Возможность, не обременяя себя собственностью (и связанными с нею хозяйственными заботами), прожить в снятой на время комнате в доме, где кроме крова вам предлагают и здоровое деревенское питание, привлекала еще аристократию, а позднее — разночинцев и социал-демократов (последние, правда, не смогли в должной мере оценить прелести самодостаточного деревенского быта). В этом смысле можно утверждать, что новые туристские пансионы — это даже еще и не слишком «хорошо забытое старое».

Пансионы получили в последние 15—20 лет самое широкое распространение в бывших советских республиках Прибалтики, где уже выпускаются специальные издания, рекламирующие отдельные дома и подробно освещающие предлагаемые условия.

В России реальным тормозом на этом пути являются некоторые особенности национального характера, в частности нежелание видеть в доме «чужих», если это не друзья и не родственники. Следует признать, что для нашего соотечественника, выступающего в роли хозяина, психологически достаточно сложно выстроить корректные (без панибратства, но и без заискивания перед богатым гостем) отношения с потребителем такого рода услуги — приезжим рекреантом.

Другая, может быть даже более серьезная, причина — отсутствие в российской глубинке апартamentов, которые по своим качествам могли бы претендовать на пансион: в деревянном пятистенке с выгребной ямой в качестве туалета вряд ли можно принимать современного жителя столицы, даже и измученного городской жизнью... Тем не менее отдельные сельские пансионы уже действуют как частные «гостиницы в глубинке». Одновременно

идет строительство небольших баз и домов отдыха вместимостью не более 12—30 человек, которые по принципу своего функционирования также являются пансионатами. Такие дома — небольшие коттеджи с набором необходимых удобств и автономными очистными сооружениями — появляются в наиболее привлекательных ландшафтах и пользуются необычайно высоким спросом. Возможно, Россия, уже опаздывающая с развитием сельского туризма на базе классических сельских домов (фермеры как класс в России пока не существуют), вступит сразу во вторую фазу, когда в сельской местности возводятся элитные средства размещения, по комфорту ничуть не уступающие фешенебельным городским отелям.

Постепенно оформляются функции рекреационной части современной сети расселения. Важно понимать, что такого рода процессы идут десятилетиями, но, так или иначе, они постепенно дифференцируют пространство российской провинции, создавая в новых условиях настоящие места для отдыха, отделяя их от старой селитбы и оставляя (в большей или меньшей степени) участки для самостоятельной рекреации — дикого отдыха в природе и экотуризма.

В России, как и Европе, сельский туризм может стать магистралью, ведущей к экотуризму в его самом современном понимании. На этом пути, однако, предстоит решить ряд ключевых задач, среди которых важнейшими являются:

- поддержание сельского производителя (фермерских и крестьянских хозяйств);
- охрана сельских ландшафтов и раритетов истории, архитектуры, культуры;
- поддержание и улучшение качества сельской среды до уровня, который обеспечит возможность получения действительно экологически чистой сельхозпродукции;
- реализация принципов местного самоуправления, особенно в части выбора стратегии и тактики регионального развития;
- распределение значительной части прибылей от сельского туризма среди сельских жителей;
- развитие средства размещения, возможностей культурно-познавательного туризма, предложения туристам местной гастрономии;
- содействие в рекламе сельского туризма и представлении его как уникального национального продукта.

Выводы

1. Современный этап развития регионов российской провинции в целом характеризуется крайне несбалансированным характером: территории, некогда востребованные как комплексный ресурс в разных сферах жизни общества, ныне используются в основном как пространство

неявного градостроительного освоения, при этом последнее имеет выраженный рекреационный характер. Реализуется предсказанный географами переход рекреационного освоения в освоение градостроительное.

2. Развитию рекреации в российской провинции предшествует утрата сельскохозяйственных и (или) других производственных функций. В этом смысле рекреацию и туризм можно рассматривать как формы поддержания освоенности территории страны на достигнутом уровне. На данном этапе развития регионов российской провинции рекреация и туризм могут выступать в роли факторов организации пространства и рационализации природопользования, вызванных к жизни социально-экологическим кризисом предшествовавшего периода интенсивного сельскохозяйственного и ресурсного освоения территории.

3. Наблюдающиеся социально-экономические тенденции в сельской местности России можно трактовать как трансформацию аграрной («дачной») рекреации советской эпохи в сельский туризм западно-европейского типа, характеризующийся использованием рекреантами этнически укорененного или специально построенного «гостевого» жилья и сочетанием традиционных скрыторекреационных занятий с современными видами спортивной рекреации.

Контрольные задания

1. Проанализируйте социально-экономическую ситуацию в любом известном вам поселении (это может быть деревня, в которой вы гостите у родителей или родственников, дача и т.д.) Попытайтесь определить, к какому из описанных нами трех типов она относится, для этого необходимо провести небольшое предварительное исследование и осветить следующие вопросы:

- тип населенного пункта (поселок сельского типа, село, деревня, погост, хутор);
- возраст поселения (старая деревня, существовавшая до революции; новая деревня, возникшая между Первой и Второй мировыми войнами; деревня, возникшая в послевоенное время в результате укрупнения деревень и концентрации сельскохозяйственного производства);
- функционально-производственная роль в прежней системе расселения советской эпохи (центральная усадьба совхоза или колхоза, отделение совхоза или колхоза и т.д.);
- общее число домов (дворов) в настоящее время;
- число домов, принадлежащее постоянно живущим в данном населенном пункте жителям;
- число домов, принадлежащее дачникам;
- число брошенных домов;
- число вновь построенных домов-дач за пределами исторической застройки;
- соотношение всех трех типов домов в процентах;
- есть ли спрос на дома со стороны дачников;
- относительные цены (последнего времени) на жилье (если были недавние сделки);

- количество жителей, постоянно живущих в деревне;
- процент жителей, работающих в сельскохозяйственном секторе и виды деятельности;
- другие способы заработка «неформальной экономики», в особенности те из них, которые связаны с услугами различного вида для рекреантов;
- число рекреантов, живущих в деревне непостоянно;
- каковы временные интервалы присутствия отдыхающих (выходные дни недели, летнее время и т.д.);
- какое расстояние в среднем отделяет данный населенный пункт от мест постоянного пребывания приезжих рекреантов;
- основные рекреационные занятия некоренных жителей деревни.

2. В странах Евросоюза за последние десятилетия возникли и оформились несколько национальных моделей сельского туризма. Познакомьтесь с их характеристикой [5] и попытайтесь определить, какая из моделей наиболее соответствует российским условиям, либо сконструировать некую перспективную для России компилятивную модель сельского туризма.

А. Британская модель подразумевает возможность проживания в доме фермера (с питанием в виде завтрака), в отдельном здании (переделанном амбаре или пристройке) на условиях самообслуживания, в изолированном строении, вмещающем до 15 туристов; в этой модели сельские туры насыщаются спортивными рекреационными занятиями (игры, катание на лошадях), а также «детскими фермами» — площадками для молодняка, за которыми (во время проживания на ферме) ухаживают маленькие туристы.

Б. Французская модель включает в себя южный вариант с заметным участием приморско-пляжного рекреационного цикла и материковый вариант, тяготеющий к садоводческим и виноградарским предприятиям. На севере Франции распространены путешествия по каналам в сельской местности, а также различные виды спортивного туризма в сочетании с остановками в пансионатах.

В. Германская модель может считаться классической. Здесь в основе отдыха — жизнь на настоящей ферме с помощью хозяев по уходу за животными, проведение пикников, рыбалка. В то же время в этой стране проводится множество народных праздников и фестивалей, вроде праздника пива.

Г. Итальянская модель представляет собой меняющееся по регионам в соответствии с традициями смесь экологического сельского и спортивного туризма. Особой популярностью среди туристов пользуются велоспорт и верховая игра, а также теннис и плавание. Туристы, как правило, проживают в специальных апартаментах, однако есть хозяйства, которые принимают туристов, предпочитающих жить в палатках.

ТУРПРОДУКТ В ЭКОТУРИЗМЕ: СПЕЦИФИКА, ВИДЫ, ТИПОЛОГИЯ

3.1. Внутренний продукт на российском рынке туристских услуг

Особенности развития туризма и рекреации в России безусловно связаны с политическими и экономическими изменениями, происходившими в нашей стране после перестройки, когда поездки за границу, бывшие до этого уделом командировочных, представителей истеблишмента и состоятельных людей стали реальными для очень многих наших соотечественников. Небольшие частные туристские фирмы, появившиеся сначала в крупнейших городах, а затем и в провинции, за несколько лет буквально выбросили на российский рынок практически полный спектр разновидностей зарубежного турпродукта. Если исходить из определения туристского продукта как «совокупности вещественных (предметов потребления), неимущественных (в форме услуги) потребительских стоимостей, необходимых для удовлетворения потребностей туриста, возникших в период его путешествия», то очевидно, что российские туристские фирмы занимаются сбытом туристского продукта, поскольку его неотъемлемые составные части: тур, туристско-экскурсионные услуги и товары — разработаны, произведены и предоставлены предприятиями туристско-рекреационной сферы зарубежных стран: Турции, Хорватии, Греции, Испании, Кипра, Мальдивских или Сейшельских островов и т. д. Заметим, в этой связи, что в большинстве своем российские малые предприятия, именующие себя турфирмами, выполняют роль посредника между зарубежным партнером, реально сформировавшим туристско-рекреационный продукт, и отечественным потребителем. Посредничество это заключается в предоставлении визы и транспортных услуг (по сути — только проезд «до места» потребления турпродукта), а также не слишком надежных (как показывает опыт) гарантий потребителю. Из нескольких десятков тысяч частных турфирм России (преобладают, естественно, «фирмочки» с численностью сотрудников два-три человека) более 90 % фирм занимаются выездным и менее 10 % въездным и внутренним туризмом.

Социально-экономические факторы в последние годы не способствовали полноценному и сбалансированному развитию рос-

сийского туризма. С самого начала 1990-х годов вследствие геополитической напряженности внутри стран СНГ и самой России рекреационное пространство неизменно сокращалось: Крым, Абхазия, Северный Кавказ, горные районы Средней Азии постепенно становились зонами риска, многие обширные районы просто выпали из туристско-рекреационной сферы. Одновременно было значительно снижено финансирование туризма и рекреации государством и профсоюзами. Уцелевшие учреждения отдыха в погоне за галопирующей инфляцией взвинтили цены, что далеко не всегда сопровождалось заметным улучшением качества (и, главное, набора) услуг. В результате организованный отдых на родине почти сравнялся по стоимости с пребыванием на побережье Средиземного моря, при этом различия в комфорте и спектре рекреационных занятий продолжают оставаться разительными. Результат не замедлил сказаться: резко сократился спрос на преобладавшие прежде путешествия и отдых внутри страны и столь же резко увеличился спрос на ранее весьма немногочисленные поездки в зарубежные центры туризма.

К сожалению, за последние 10 лет подробных и достоверных статистических данных о развитии туризма в России нет, однако общие особенности нынешнего этапа экспертно можно охарактеризовать следующим образом [13].

1. В 1990 г. объем туристских услуг, производившихся в России на одного жителя страны, составлял еще около 15 долл., а к 1997 г. он сократился в пять раз — до 3 долл., в 1994 г., по ориентировочным оценкам, доход от въездного туризма составлял 4 млрд долл., доход от выездного — около 12 млрд долл. США (соотношение 1 : 4).

2. Соотношение числа туристов, приезжающих из-за границы и выезжающих за границу России, составляет ныне 1 : 2, т.е. Российская Федерация характеризуется дефицитом торгового баланса, причем последний не гасится, а усугубляется пассивным туристским балансом, доля туризма в валовом национальном продукте страны в настоящее время составляет около 0,01 %.

3. По оценкам Всемирной туристской организации, вместо 2,5 или 3 млн иностранных туристов Россию в год могли бы посещать 20—40 млн, а доля внутренних туристов могла бы подняться до 50 % от численности населения страны.

4. Материальная база туризма, его инфраструктура на 80 % (приблизительная оценка) нуждаются в капитальном обновлении, в существенных преобразованиях.

5. Рынок туризма испытывает серьезные колебания, обусловленные изменениями социально-экономического фона, и характеризуется потенциальной и реальной неустойчивостью.

В этой ситуации продвижение туристского продукта на российский рынок обрело ряд характерных особенностей:

- опора на беспроектное сочетание «максимальная развлекательность — минимальная стоимость»;

- отсутствие достоверных сведений о туристско-рекреационном продукте и его действительном качестве;

- резкое преобладание рекламной продукции над информационной и аналитической;

- крайняя скудость информации и рекламы о собственном внутрироссийском туристско-рекреационном продукте.

А. В. Дроздов [13] обращает особое внимание на неизвестность и невостребованность организованных предприятий государственной и ведомственной рекреации (баз отдыха, пансионатов, детских оздоровительных лагерей). Руководители, как правило, не умеют и не стремятся активно искать клиентов, поскольку «загрузка» этих учреждений всегда осуществлялась без их участия. Ситуация еще более усугубляется падением платежеспособного спроса. Тем не менее некоторые из таких учреждений, проявив инициативу, разработав и осуществив маркетинговые мероприятия, добились очевидных успехов.

Серьезнейшая проблема в развитии российского рынка внутреннего туризма — несоответствие цен на предлагаемые услуги качеству этих услуг, особенно в части условий размещения, питания и перевозок, т. е. в важнейших компонентах туристского сервиса. В результате многие из иностранных туристов, однажды побывавшие в российских регионах, не стремятся приехать к нам снова, а их суждения о российском туризме не способствуют формированию привлекательного облика страны.

И последняя проблема — российский внутренний туризм по сути дела не имеет государственной рекламной поддержки. Между тем формированием позитивного туристского имиджа страны во всем мире занимаются авторитетные государственные структуры. В провинции такая поддержка местных департаментов культуры и туризма выражается пока что в подготовке и распространении аляповатых рекламных изданий, зачастую являющихся образцом непрофессионализма и безвкусицы и навряд ли способных привлечь потенциального рекреанта в регион.

И все-таки главной проблемой российского рынка является желание властей и инвесторов на местах непременно создать верхний элитный сектор туристских услуг для иностранцев, не проводя предварительной планомерной основательной работы по формированию условий отдыха и туризма для своих соотечественников. Такое стремление поскорее «сесть на иглу» валютных доходов приводит к самым неблагоприятным последствиям, а именно:

- возникновению уродливых форм элитарного туризма: (таких, как охота за долларами в национальных парках, заказниках и заповедниках, увеселительные поездки в «глубинку» с бесконечной выпивкой, банями и прочими «этническими» развлечениями);

- разваливанию без того эфемерной структуры туристских услуг и деформации только-только начинающих складываться традиций гостеприимства;

- разрушению оставшихся рудиментов народных промыслов в результате криминального захвата местных рынков (так, «поддужные» колокольчики, предлагаемые в Мышкине сошедшим с теплохода туристам, сделаны на самом деле не в этом древнем верхневолжском городке, а в артелях Подмосковья);

- криминализации сферы туризма — попытка продать этюд на набережной Ярославля, Твери или Костромы не безопасна для свободного художника, если он не защищен и не прикрыт соответствующими криминальными структурами;

- понижению социального статуса образующихся в сфере туризма рабочих в глазах россиян;

- формированию негативного отношения к сфере рекреации и туризма со стороны местного населения.

В итоге таких попыток туризм в сознании тверичей и ярославцев, костромичей и угличан выглядит как комплекс нехитрых мероприятий по «окучиванию» иностранцев, позволивших себе дорогое удовольствие прокатиться на теплоходе вниз по Волге.

Попытка формирования турпродукта «сверху» обречена на неуспех просто в силу логики развития любой сферы деятельности: элитный продукт всегда является следствием естественного конкурентного отбора в массе обычного, но качественного продукта. Для элитного продукта в туристско-рекреационной деятельности особенно важно предварительное создание особой благоприятной среды, а это возможно только в случае:

- если предварительно будут созданы нормальные условия для отдыха и туризма наших сограждан;

- развитие рекреационно-туристского бизнеса будет рассматриваться населением как достойное поле для приложения своего труда.

Таким образом, практически все исследователи отечественного рынка туристско-рекреационных услуг сходятся в одном — коренная причина неразвитости туристско-рекреационной сферы в России заключается, прежде всего, в моральном старении внутреннего турпродукта — предлагаемых на российском туристском рынке видов и сценариев отдыха и туризма [13].

Принято считать, что в социально-экономическом плане традиционный туризм стал основой для специализации некоторых городов, определил возникновение системы музеев, туристской инфраструктуры. Однако примеры, приводимые обычно для демонстрации такого рода влияния, типа Суздаля или Ростова Великого, вряд ли можно считать удачными. По сути это попытка отреставрировать и использовать лишь внешний антураж исторической городской среды, попытка, которая не дала этим городам

никакой экономической основы, поскольку бесправие местного самоуправления и политика центральных ведомств привели к тому, что сама территория не получала никакой выгоды от осуществляемой здесь деятельности. В двух шагах от прекрасного кремля в центре Ростова Великого увидим мы заброс и запустение: разваленные исторические особняки, заиленный и заросший травой ров перед крепостными валами, стареющие и утрачивающие свою прелесть парки, необустроенную набережную, обмелевшее озеро с уродующей его дамбой, на которой так и не появилась красивая набережная.

Приходится констатировать, что огромный потенциал русско-го Центра и Севера в плане развития туризма и рекреации до сих пор остается нераскрытым, между тем у этого региона необычная привлекательность, которая радикально отличается от всего, что может быть предложено рекреанту-туристу в любом другом месте. Спрос и потребности на мировом рынке туризма сегодня ориентированы на совершенно необычные формы отдыха, что связано с кардинальным изменением системы ценностей и жизненного стиля поколения так называемых постмодернистов (выражение известного европейского философа Зигмунта Баумана). Само представление об отдыхе в сознании современного человека претерпело значительные изменения. И это обстоятельство дает в наши руки немалый шанс, связанный с возможностью России с ее необъятными просторами и суровой природой, с укорененными и, что важно, неприкрашенными памятниками русской культуры.

3.2. Отдых в третьем тысячелетии: концепция экологического туризма

Итак, ситуация с развитием внутреннего туризма, охарактеризованная в предыдущем подразделе, ни в коей мере не является тупиковой, напротив, в мировой туристско-рекреационной сфере наблюдаются тенденции, которые выводят российский потенциал если не на передовые, то достаточно выигрышные позиции. Анализ современных реалий туристского бизнеса на мировом рынке позволяет выделить следующие важнейшие ориентиры развития туризма и рекреации.

1. Отпуск воспринимается человеком как более интенсивная форма проведения свободного времени, разительно отличающаяся от монотонных обязанностей рабочего на конвейере или служащего в офисе, отсюда стремление к отдыху в другом «подпространстве» (как выразились бы современные фантасты), в роли которого для одного может выступать чужая страна, для другого — иная природная зона, для третьего — горы, для четвертого — море и т. д.

2. Тенденция «близости к природе» — непосредственная доступность реки, озера, леса, луга приобретает важнейшее значение. «Жизнь в ландшафте» — таков лозунг современного рекреанта и туриста; следовательно, особое значение приобретает состояние окружающей среды в регионах отдыха.

3. Индивидуализация отпуска — стремление к индивидуальным путешествиям в соответствии с собственными представлениями (часто даже с элементами риска и авантюриности). Предпочтение отдается гибким программам отдыха с набором разнообразных рекреационных занятий: стадное движение «в толпе на экскурсию» неприемлемо, одновременно возрастает роль личного прикосновения к культурным раритетам посещаемой страны, огромное значение приобретает неформальное общение.

4. Желание обрести на отдыхе «второй дом», причем домашний уют этнически укорененного жилища посещаемой страны (хижина, изба, бунгало) постепенно начинает вытеснять официоз умопомрачительно дорогих отелей.

5. Тенденция к отпуску «на колесах»: индивидуализация программы отдыха предполагает, естественно, и свободу перемещения — отпускники стремятся как можно больше увидеть за короткое время, поэтому возможность перемещаться в пределах избранного региона — не роскошь, а неременное условие.

Таким образом, новые подходы к развитию рекреации и туризма, определяемые новым характером туристско-рекреационного продукта, требуют особенно внимательного отношения к особенностям территории, к выявлению ее природного и культурного потенциала.

В этой связи аналитики туристско-рекреационной сферы все чаще применяют термины «зеленый туризм», «ландшафтный туризм», «экотуризм», под которым понимают нарождающийся и завоевывающий все новые позиции некий альтернативный вид отдыха и рекреации, ориентированный на новые ценности, прежде всего тесное общение с природой.

При этом исследователи подчеркивают принципиальное отличие экотуризма (как раз и позволяющее считать его альтернативным), а именно благоприятное воздействие на социально-экономическую среду и экологическое состояние регионов. Утверждается даже, что экологический туризм может выступить в роли средства и инструментария экологического обустройства регионов.

С учетом общего состояния российской экономики «экспорт» достоинств того или иного региона является, по крайней мере на ближайшие годы, более эффективной формой участия в международном экономическом разделении труда, нежели участие в промышленной конкуренции и наращивание объемов продаж минерально-сырьевых ресурсов страны. Как неоднократно отмечал известный специалист по проблематике развития туризма и со-

хранения природного и культурного наследия географ Ю.А. Веденин [7], историческое развитие классических регионов «сельского туризма» (Швейцария, Австрия, Италия, Испания, Франция, Великобритания) показывает, что туризм и рекреация становятся мощными факторами экологической организации территории.

Сохранение этнически укорененных сельских пейзажей, одна из наиболее перспективных во всем мире тенденций организации территории, напрямую связана с развитием нестандартного ландшафтного туризма. В настоящее время этот фактор становится единственным реальным тормозом индустриальной экспансии во многих регионах, особенно на территориях, прилегающих к туристским зонам. Развитие экотуризма становится дополнительным (иногда — основным) средством оживления экономики внутренних депрессивных районов. Тенденция притяжения рекреационных зон к наиболее сохранившимся природным ландшафтам сопровождается изменением туристской специализации, развитием инфраструктуры туристских зон, созданием сети национальных парков и охотничьих хозяйств, введением особого природоохранного режима эксплуатации лесов. Все эти проблемы более чем актуальны для большинства регионов России.

3.3. Принципы, признаки и формы экологического туризма и рекреации

Экологический туризм — понятие для России и старое, и новое. С одной стороны, россияне всегда стремились на природу, не обременяя себя даже минимальным комфортом, и (по международным стандартам) занимались как раз экотуризмом. Палаточная жизнь без элементарных признаков удобств, перемещение «на своих двоих» с грузом за плечами, движение по трассам, которые язык не поворачивается называть дорогами, любованье природой и знакомство с памятниками старины — все это появилось в России уже в начале 1960-х годов. С другой стороны, давно раскрученная и потому приносящая на Западе немалый доход отрасль у нас до сих пор находится в загоне, а ведь экотуризм — это и рабочие места, и способ поддержания экономики депрессивных регионов, и, наконец, остро дефицитные в провинции средства для охраны природы и оптимизации ландшафта, сохранения памятников культуры и истории.

Экологический туризм интуитивно понимается примерно идентично в разных странах, однако есть и существенные отличия, поэтому так важно сформулировать основные принципы экологического туризма, охарактеризовать его типичные признаки и систематизировать формы экотуров.

По А. В. Дроздову [13], экологический туризм должен быть:

- обращенным к природе и основанным на использовании преимущественно природных ресурсов;
- не наносящим ущерба природной среде нашего обитания или допускающим минимальный ущерб, который не подрывает экологическую устойчивость среды;
- нацеленным на экологическое образование и просвещение, формирование отношений равноправного партнерства с природой;
- заботящимся о сохранении местной социокультурной среды;
- экономически эффективным и обеспечивающим устойчивое развитие тех районов, где он осуществляется.

Экотуризм традиционно связывали с охраной природы, первые экотуры, разрабатывались в национальных парках, однако позднее появились и иные маршруты, нанизанные на уникальные объекты природного и культурного наследия либо уводящие туристов в края нетронутой дикой, но вовсе не обязательно охраняемой природы. В этом плане все многообразие видов экотуризма можно разделить на два его основных типа:

1) экотуризм в границах особо охраняемых природных территорий (акваторий); разработка и проведение таких туров — это классическое направление в экотуризме, соответствующие туры относятся к экотурам в узком значении данного термина, их можно отнести к австралийской модели экотуризма;

2) экотуризм вне границ, особо охраняемых природных территорий и акваторий; к этому типу туров можно отнести весьма широкий спектр видов экологически ориентированного туризма (в том числе познавательного, активного, экстремального и т. д.).

Уровень развития экотуризма в России однозначно определить очень сложно, поскольку такая оценка будет зависеть от того, в каком смысле узком или широком) мы понимаем экотуризм. Если толковать экотуризм в узком (первом из приведенных) значениях, то следует признать, что в России представлены практически все формы экотуризма, однако в очень небольших объемах. Наиболее массовой из этих форм являются однодневные экскурсии экологической ориентации, совершаемые либо жителями городов, либо туристами, находящимися на курортах и в других местах отдыха. Судить об этом позволяют сведения о посещаемости национальных парков страны. Немногие программы предусматривают активное вовлечение их участников в природоохранную деятельность.

Только некоторые из национальных парков имеют специальные экологические лагеря для детей. Правда, летние экологические лагеря становятся все более популярными в системе дополнительного образования, где они инициируются, как правило, либо в системе станций детско-юношеского туризма, либо «домов природы» или областных экологических школ. Получили раз-

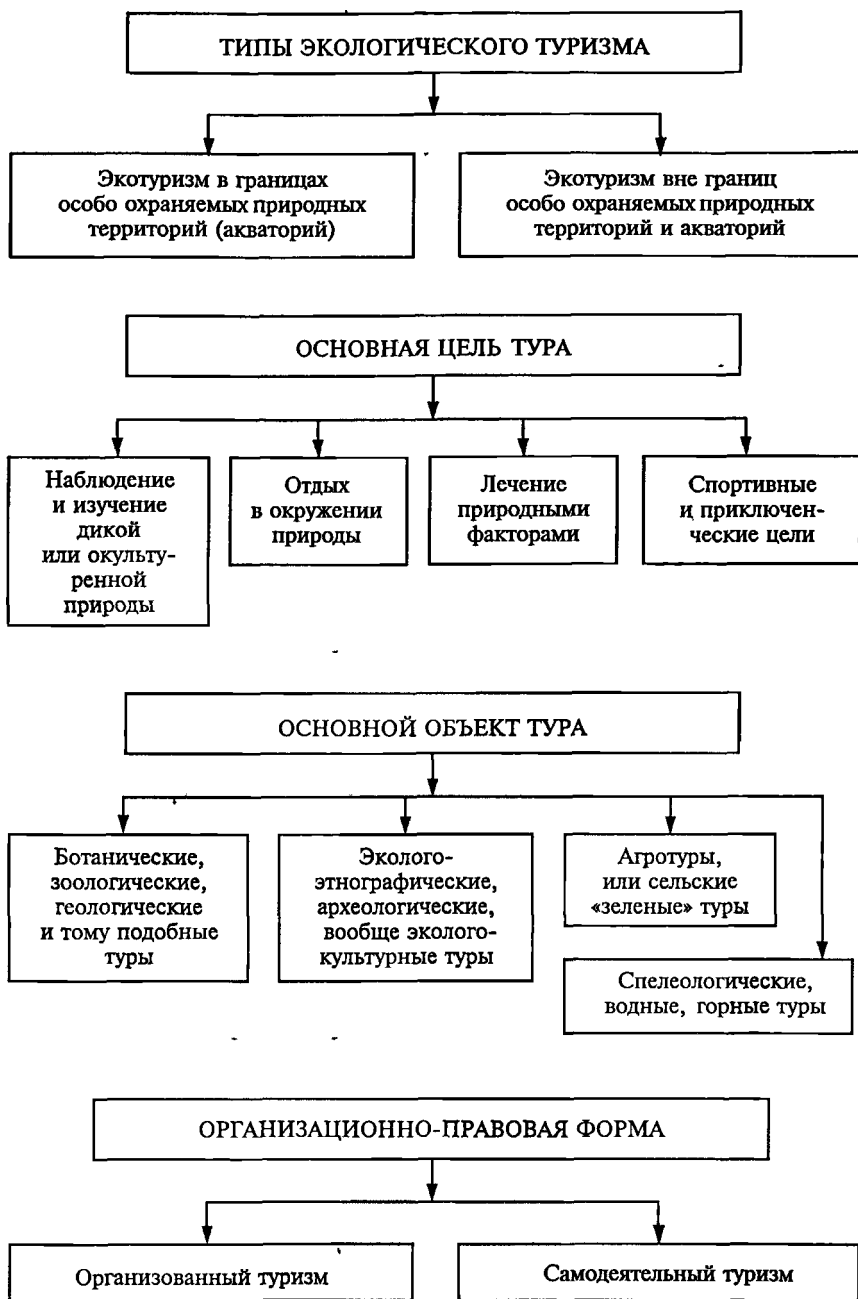

Рис. 3.1. Классификационные признаки и типология экотуризма

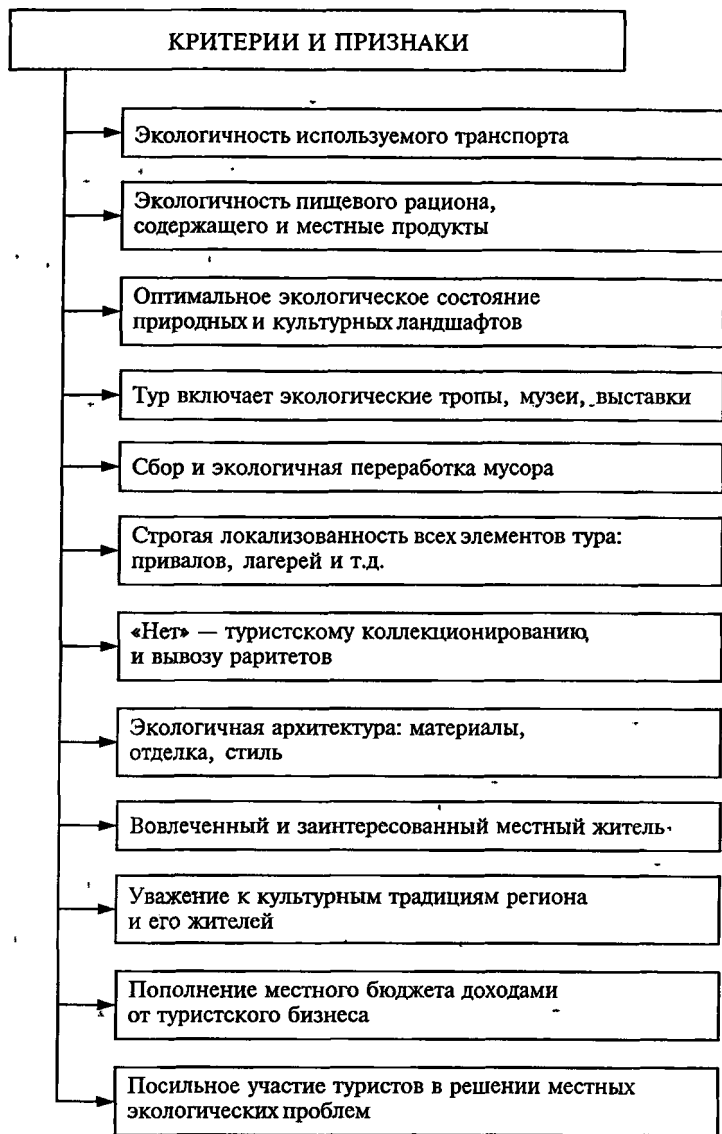

Рис. 3.2. Признаки и критерии экологичности тура (по А. В. Дроздову)

визие- экскурсии по «экологическим тропам», детские экологические экспедиции. Вообще образовательный аспект в российском экотуризме развит пока еще слабо: чаще экскурсия или тур оказываются нацеленными только на демонстрацию достопримечательностей, экзотических «чудес» и красот природы, а не на по-

стижение (или посильную помощь в решении) экологических проблем.

Экологические туры можно классифицировать по многим признакам (рис. 3.1, 3.2) — по способу передвижения, составу участников, продолжительности, отношению к границам страны проживания туристов, однако наиболее существенными следует считать два родовых признака: основная цель тура и основной объект. Последний определяет содержание программы тура и отчасти форму его организации. Разумеется, цели тура и его объекты связаны между собой и оба главных родовых признака нельзя считать абсолютно независимыми основаниями классификации (в реальной программе тура его цели и объекты часто сочетаются и совмещаются). Тем не менее каждый организатор и участник тура может определить его главные особенности и отнести каждый конкретный тур к тому или иному виду.

Особо следует отметить близость экологических туров к известным и весьма популярным прежде в России формам самодетельного туризма и рекреации. Экотуризм вообще теснейшим образом связан с рекреацией, поскольку практически все виды экотуризма базируются на элементарных рекреационных занятиях, так или иначе связанных с рекреационным потенциалом территории.

В этом контексте особое значение приобретают те компоненты стратегии развития экологически ориентированного туризма, которые специально нацелены на формирование экологической культуры туристов. Ведь понятно, что обеспечить непосредственное соприкосновение с существующими на нашей планете экологокультурными реалиями можно именно в национальных парках, а также в историко-культурных и природных музеях-заповедниках. Достаточно привести в качестве примера Кенозерский парк, Соловецкие острова или Переславский природно-исторический парк «Плещеево озеро».

3.4. Содержание, составные части и региональная специфика российского туристско-рекреационного продукта

Понятие «туристско-рекреационный продукт» имеет несколько интерпретаций, возникших не столько в результате теоретического анализа, сколько в ходе реализации практической деятельности и производственно-бытового словоупотребления профессионалами различного профиля. Этимология и практика словоупотребления термина «продукт» в иных сферах жизни достаточно жестко призывает нас к представлениям о чем-то специально приготовленном для употребления или использования. Однако специфика рекреационного продукта заключается в том, что он не может

быть целиком и полностью создан специально, равно как и не может быть однократно использован, потрачен, а также и в том, что в результате использования его потребительские свойства могут меняться, но не исчезают совсем. Поэтому очень сложно говорить о превращении туристско-рекреационного продукта в товар, поскольку он, даже будучи «проданным», не отчуждается совсем...

С правовой точки зрения туристско-рекреационный продукт (ТРП) — это право на тур или вид отдыха, предназначенный для реализации туристу или рекреанту; такая трактовка априори подразумевает существование правовых отношений между субъектом, предоставляющим рекреационные возможности, и субъектом, их потребляющим, что не всегда соответствует действительности. В самом деле, охотник, добывающий по лицензии лося в пределах охотхозяйства, связан с последним договорными отношениями, но этого нельзя сказать о грибнике, собирающем в этой же местности грибы.

В более общепринятой трактовке ТРП — некий потребительский комплекс, включающий в себя тур или вид отдыха, рекреационные и туристско-экскурсионные услуги и товары, причем услуги существуют в невещественной форме. Наконец, с сугубо экономических позиций ТРП можно считать также совокупность потребительских стоимостей туристско-рекреационного комплекса.

Понятно, что одной из важнейших задач развития рекреационной сферы является определение специфики собственного туристско-рекреационного продукта, поскольку практически любой регион России потенциально способен предлагать на туристско-рекреационный рынок достаточно разнообразный спектр как отдельных услуг, так и их сочетаний, составляющих целостные туры, виды и способы отдыха, да к тому же немалый объем сопутствующих товаров.

Очевидно также, что специфика регионального ТРП определяется прежде всего своеобразием туристско-рекреационного потенциала, но, с другой стороны, как совершенно справедливо отмечает А. В. Дроздов, из смысла самого понятия потенциала следует, что «далеко не все его компоненты могут оказаться — на данный период времени — реальным продуктом, пользующимся достаточным спросом». Следовательно, фиксация актуального ТРП связана с анализом вне- и внутрирегиональной ситуации на рынке рекреационных услуг, а также с выявлением целевых групп потенциальных потребителей продукта.

Определение региональной специфики ТРП требует предварительного анализа составляющих его компонентов, а также устоявшихся региональных сочетаний компонентов целостных туристско-рекреационных программ. В свою очередь, компоненты ТРП, согласно определению И. Зорина и В. Квартальнова, базируются на представлениях об элементарных рекреационных занятиях или

действиях рекреанта (сбор ягод, грибов, орехов, трав или прогулки пешие, велосипедные, конные, лыжные и т. п.), которые могут быть обобщены в основные типы занятий (действий).

Все элементарные рекреационные занятия можно объединить в определенном наборе типов. Ясно, что разные исследователи, скорее всего, сделают это по-разному, но нам в данном случае важен сам принцип: от элементарных занятий к типам, а далее к модулям и циклам рекреационной деятельности. Последние формируются либо на основе ведущего типа занятий, либо посредством соединения нескольких типов по принципу, который можно назвать *принципом рекреационной дополнителности* и который обеспечивает совместимость-взаимозаменяемость элементарных занятий.

Вообще говоря, любой самодеятельный рекреант осознанно или интуитивно строит свой отдых именно таким образом, в чем легко убедиться, проведя несложный экспресс-опрос на предмет выявления целей пребывания в рекреационной зоне («мы приехали, искупались, побродили по лесу, собирали землянику на полянах, приготовили обед на костре, загорали, «вечеряли» у огня, пели песни под гитару, отдыхали, а с рассветом поднялись на рыбалку, наловили окуней, отсыпались, на обед сделали уху, загорали, поиграли в волейбол...» — из устного сообщения старшеклассников об уик-энде, проведенном на природе).

Попытаемся классифицировать элементарные занятия рекреантов, связанные с особенностями рекреационного потенциала средней России. В табл. 3.1 приведены, безусловно, не все, а только находившиеся в поле нашего внимания виды элементарных занятий; мы отдаем себе также отчет и в том, что сам порядок перечисления, а также группировка и типология далеко не идеальны и требуют дальнейшей проработки.

Приведенный перечень выглядит несколько формальным: человек, тихим летним вечером задумчиво бредущий по берегу с веточкой сирени в руке, будет очень удивлен, если узнает, что он занимается «пешеходной прогулкой» в форме «неявной рекреации». Тем не менее недостатки формализации превращаются в преимущества именно тогда, когда мы анализируем состав рекреационных модулей или планируем туристско-рекреационные циклы.

Рекреационный модуль — это набор элементарных рекреационных занятий, объединенных на основе принципа рекреационной дополнителности, связанных с определенной территорией и занимающих конечный отрезок времени.

Рассмотренный выше пример: поездка молодежной компании за город на речку «искупаться, позагорать» — модуль, состоящий из нескольких элементарных занятий (катание, купание, загорание, рыбная ловля, игра в волейбол и т. д.). Поход из деревни в дальний лес по «грибы-ягоды» может также включать собственно

**Типология элементарных рекреационных занятий
(среднерусский вариант)**

Типы элементарных рекреационных занятий	Виды элементарных рекреационных занятий
Пешеходные прогулки	Прогулки по городу. Прогулки по лесу. Прогулки вдоль реки. Прогулки к культурно-историческим достопримечательностям
Лесной скрыто-рекреационный промысел	Сбор грибов. Сбор ягод. Сбор лекарственных растений
Летний отдых вблизи водоема	Купание и отдых у реки (озера) в самое теплое время года. Отдых у реки (озера) в более прохладный период, связанный с созерцанием водоема. Отдых на реке (озере), связанный с использованием плавсредств (катание на прогулочных лодках, собственных резиновых лодках и т.д.). Катание на водных лыжах. Катание на гидроциклах, водных велосипедах
Рыбалка летняя (любительский, спортивный лов рыбы)	Ловля на удочку или спиннинг с берега. Ловля на спортивную снасть с лодки или другого плавсредства. Подводная рыбалка с использованием простейших (маска, ласты) или сложных (акваланг) технических средств
Рыбалка зимняя	Ловля на удочку в «лунке». Ловля сетью в отдаленной части акватории водохранилища
Сплав по рекам на гребных туристических средствах	Сплав по реке на байдарке, резиновой лодке, каяке в межень. Весенний сплав по большой воде на плотках, байдарках, каяках
Катание по озерам и водохранилищам на парусных и моторных судах	Катание на яхтах, шверботах, катание на парусной доске. Катание на моторной лодке или скоростном катере
Лыжные прогулки	Лыжные прогулки по лыжне или специально подготовленной трассе. Лыжные скоростные гонки по лыжне. Лыжные прогулки по снежной целине в «диком» ландшафте

Типы элементарных рекреационных занятий	Виды элементарных рекреационных занятий
Катание (спуск) с горок и по специально подготовленным трассам	Катание на обычных лыжах с использованием природного рельефа. Катание на санках и подручных средствах с горок. Катание на горных лыжах с использованием крутых природных и специально подготовленных склонов
Катание на снегоходах	Катание по целинному снегу в полуоткрытом природном ландшафте. Скоростная езда по специально подготовленным трассам
Конные прогулки в теплое и холодное время года	Катание по исторической части города в карете. Катание верхом в культурном или природном ландшафте. Катание по специально подготовленной трассе, верхом, в карете или на санях
Катание на велосипедах	Велосипедные прогулки в культурном ландшафте города. Велосипедные поездки по шоссе за городом. Многодневные велопутешествия. Экстремальные велоупражнения на специальных участках (байкеры и маунтбайкеры)
Отдых на автомобиле	Прогулка на автомобиле без прагматической цели. Поездка на автомобиле к уникальному природному или историческому объекту. Многодневное путешествие на автомобиле. Многодневное пребывание в автокемпинге на природе
Скрытые агрорекреационные	Работа в саду, на огороде деревенского дома. Работа на дачном участке в дачном поселке
Бальнеологические	Потребление лечебных минеральных вод. Грязелечение
Лечебно-оздоровительные	Русская и финская баня. Прием процедур, связанных с благотворным воздействием природных факторов (солнечные ванны и т. д.) в учреждениях лечебно-рекреационного типа. Прием процедур, связанных с благотворным воздействием искусственных факторов (электросон)

Типы элементарных рекреационных занятий	Виды элементарных рекреационных занятий
Экскурсионные (знакомство с памятниками истории и культуры)	Экскурсии по достопримечательностям исторических центров больших городов. Экскурсии в малые города. Экскурсии на отдельные объекты культурного наследия (усадеб, монастыри, храмы)
Музейно-экскурсионные	Посещение музеев самостоятельно или в группе. Посещение тематических выставок в музеях
Экскурсионные (знакомство с природными достопримечательностями и объектами)	Экскурсии на отдельные уникальные природные объекты. Экскурсии в различные типы ландшафтов. Фотографирование природных объектов. Наблюдение за природными объектами
Паломнические (культурный)	Посещение церквей и монастырей в период церковных праздников
Культурно-развлекательные	Посещение киносеансов, просмотр театральных постановок
Активно-развлекательные	Посещение танцевальных площадок. Посещение общественных гуляний и праздников
Развлекательно-игровые	Игра на бильярде. Боулинг. Спортивные игровые аттракционы (типа реслинга)
Развлекательно-спортивные	Посещение спортивных матчей (хоккей, футбол, волейбол)
Активно-оздоровительные	Отдых в бассейнах. Отдых в сауне

сбор грибов, прогулку до лесного массива, отдых у реки на обратном пути.

Рекреационный модуль может строиться вокруг совсем нехитрых занятий, не требующих больших капиталовложений или особой подготовки. Так, по всей провинциальной России рекреанты покрывают немаленькие расстояния, чтобы попробовать воды святого источника, полюбоваться на полуразрушенную стену монастыря, оказавшуюся в глухом лесу, или посидеть возле самого старого в краю дуба.

Набор периодически (как правило, ежедневно) повторяющихся или сочетающихся модулей, территориально объединенных во-

круг смежных элементов туристско-рекреационной системы (зон рекреационного тяготения, ядер, узлов и осей туризма и рекреации), образует цикл. Отдыхающие на базе отдыха, расположенной на берегу лесной речки, являются вольными или невольными потребителями нескольких взаимодополняющих модулей: отдыха у реки (купание, катание на лодках), отдыха в лесу (сбор грибов и ягод, просто прогулки), лечебно-оздоровительных мероприятий, ежевечерних танцев, просмотров кинофильмов и т. д.

Рекреационный цикл в палаточном лагере автомобилистов в устье реки, впадающей в одно из волжских водохранилищ, может включать в себя множество занятий, но все они так или иначе связаны с природной фактурой местности (т. е. с туристско-рекреационным потенциалом) и наличным рекреационным продуктом: это и сбор грибов, и прогулки в лесу, и катание на лодках и, разумеется, рыбалка, а также хождение по акватории «моря» на парусной доске, вечерние импровизированные «гитарные посиделки» у костра, танцы под звуки автомагнитолы.

В качестве туристско-рекреационного продукта туристские фирмы, зарабатывающие на рекреации, могут предлагать как отдельные элементарные занятия, так и сложившиеся модули и циклы. При этом можно наблюдать характерную последовательность развития турпродукта: как правило, изюминкой продукта является некое вновь появившееся рекреационное занятие, скажем, катание на санях по новой трассе, проложенной зимой вдоль склона речной долины. Однако в случае успеха оно дополняется смежными занятиями, которые легко комплексируются с первоначальным (катание на лыжах, сноубордах, резиновых камерах и специальных матрацах-дутиках) и поэтому почти не требуют дополнительных затрат. Далее складывающийся из смежных (родственных) занятий модуль обрастает дополняющими, но уже далекими по сути элементарными занятиями, требующими новых инвестиций. Если продолжить пример с выстраиванием зимнего модуля, то это может быть посещение местного провинциального музея, осмотр достопримечательностей (сохранившейся церкви, барской усадьбы), зимняя рыбалка в проруби замерзшей реки, наконец, ужин из блюд русской кухни и русская баня. Так постепенно выстраивается рекреационный цикл, претендующий уже не на несколько часов свободного времени приехавшего из города тинэйджера; а на полноценный уик-энд целого семейства с «чадами и домочадцами».

Рекреационные циклы могут изменяться в результате появления новых выигрышных (привлекательных с точки зрения потенциальных потребителей) рекреационных занятий. Так, включение в турпродукт верховых прогулок, безусловно, обогатит рекреационный цикл любой базы отдыха или молодежного палаточного лагеря. То же можно сказать о специально подготовленной полосе

препятствий для наработки туристско-экспедиционных навыков, хорошей волейбольной площадке, футбольном поле, искусственной скальной стенке и т. д.

Однако зачастую в состав ТРП пытаются, следуя моде, включить элементарные рекреационные занятия, не соответствующие рекреационному потенциалу территории, региона. Яркий пример — желание многих турфирм (или просто частных лиц, действующих исключительно в целях личного обогащения, на свой страх и риск) непременно затащить на лобой среднерусский водоем гидроциклы. Мощные машины, созданные исключительно для катания по поверхности моря, будут чересчур сильным возмутителем спокойствия где-нибудь на Плещеевом озере или озере Селигер; после нескольких недель эксплуатации суперсильной машины пострададут и заросли прибрежных макрофитов, и гнездящиеся в них водоплавающие, и стаи мальков на отмели.

Не меньший урон приносит катание на квадроциклах (машины вездехода на больших «дутых» шинах) по лесным заповедным дорожкам. Фанаты этой действительно забавной, но очень уж шумной автоигрушки должны знать, что ее трассы лучше всего ложатся на террасированные склоны какого-нибудь заброшенного карьера или индустриального бедленда вроде неиспользованной заводской территории.

Точно так же и конная трасса, проложенная по цепи материковых дюн, покрытых красавицами-соснами, превратится в траншею, а деревьям будет нанесен непоправимый урон, если по ней изо дня в день будут прогонять десятков верховых.

В общем случае можно утверждать, что чем более разнообразен ТРП, тем успешнее развивается туристско-рекреационная сфера — до той, однако, поры, когда реальный туристско-рекреационный потенциал не окажется под угрозой. Содержание ТРП значительно обогащается набором рекреационных услуг, появившихся в свое время и в своем месте. Достаточно сравнить обычный (пусть и обустроенный) пляж с пляжем, на котором в полдень появляется палатка с прохладительными напитками, кондитерскими и выпечными изделиями. Такая услуга неизбежно продлевает пребывание рекреанта у воды, поскольку доставка на место лишает необходимости возвращаться в «цивилизацию» на обед.

В завершение отметим, что качественный туристско-рекреационный продукт всегда является результатом тщательной разработки, даже в том случае, если рекреационный потенциал места уникален. Возьмем для примера столь распространенные на всей территории центральной России карьеры, оставшиеся после выработки песчано-гравийной смеси. Карьероуправления, чтобы избежать затрат на рекультивацию таких вскрыш, называют их в своих документах противопожарными водоемами. Между тем расположенные в живописной местности в задровых ландшафтах

или на надпойменных террасах рек среди сосновых лесов, они, как правило, заполняются водой и превращаются в почти готовый рекреационный водоем. Однако «почти» подразумевает наличие чересчур отвесных берегов и крутого свала глубин, присутствие вблизи обрывов полунаклоненных деревьев, способных вызвать блоковый отрыв крупных масс грунта, каменистую отмостку на отмели и т. д. Для создания действительно рекреационного водоема необходимо спланировать (с помощью земснаряда или отсыпкой с берега) свал глубин, намыль крупнозернистого песка на пляжевую отмель и площадку для загорания, убрать сухостой и аварийные стволы с прибрежной части, стабилизировать, где необходимо, склоны, оставив их под углом естественного откоса. Наверняка потребуется в будущем стоянка или хотя бы парковка для автомашин, лучше также сразу же предусмотреть места для разжигания костров, устройства мангалов и т. д. Площадка для пляжного волейбола также не будет лишней, как и выполненные из ликвидной древесины нехитрые формы лесной «мебели».

Важно понимать, что очень часто ТРП связан с потенциалом территории, причем не территории вообще, а элементами культурного ландшафта региона, которые так или иначе были созданы или возникли в ходе реализации других видов хозяйственной деятельности или природопользования. Красиво скошенный луг на пойменном сегменте малой реки возник в результате сенокосения как вида сенозаготовки, и после прекращения такового он исчезнет за 5—8 лет. Луг удобен для рекреантов, собирающихся отдохнуть на берегу речки, следовательно, если территория становится частью организованной рекреационной зоны, его придется скашивать, однако уже для иных целей. При этом рекреанты хотели бы посидеть у костра (следовательно, необходимо место для костровища), укрыться в тени деревьев (но не ольхи серой!) в чересчур жаркий полдень (следовательно, необходима посадка крупномерного дерева в качестве будущего солитера или целой куртины таких деревьев).

Таким образом, современный туристско-рекреационный продукт наследует скрыторекреационный потенциал культурного ландшафта и включает предоставляемые им возможности в свой состав. Однако поскольку потребности и полезности рекреантов и туристов имеют свою специфику, постольку возникает необходимость в изменении этих элементов культурного ландшафта так же, как и способов ухода за ландшафтом в целом, что должно достигаться в ходе реализации специально выполненных ландшафтных проектов и планов.

В дальнейшем, по мере того как трансформируются или просто перестают существовать виды деятельности, породившие «полезные» для рекреации элементы ландшафта, рекреация и туризм становятся новым видом ландшафтообразующей деятельности;

в противном случае качество туристско-рекреационного продукта ухудшается — вплоть до полной его утраты.

Таким образом, настоящий ТРП все-таки создается осознанно. В этой связи хотелось бы остановиться на ограничениях развития ТРП, которые могут иметь экологическую, социальную или иную природу. Экологические ограничения возникают в двух случаях:

1) когда территория с самого начала по ряду параметров не отвечала потребностям рекреации (слишком жесткая вода в единственном пригодном для купания водоеме, слишком мелкая речка, высокий природный или техногенный радиационный фон и т. д.);

2) когда потенциал территории был ухудшен в результате некорректного развития рекреации или неэкологичного развертывания ТРП.

Заметим, что практически всей России свойственно ограничение, которое по меньшей мере два столетия (судя по русской художественной литературе) не позволяет должным образом сформировать туристско-рекреационный продукт и использовать потенциал территории: огромное, местами (и в отдельные микросезоны) просто невыносимое количество кровососущей фауны насекомых. Оводы, слепни и комары, а в последние годы добавившаяся к ним северная мошка немало омрачают положение российского рекреанта. Равномерно распределенные в течение дня (утром — комары, днем — слепни, мухи и оводы, вечером — опять комары и мошка), эти насекомые способны радикальным образом влиять на субъективное ощущение комфортности.

Экспресс-опросы, проводившиеся среди различных возрастных и профессиональных групп отдыхающих, выявили, что этот фактор зачастую играет решающую роль в выборе рекреационного занятия или цикла. Особенно категоричны в своих ответах новые поколения россиян, подчеркивающие: «Пересек границу после Выборга — и ни одного тебе комара, а у нас!». Этот фактор в значительной степени сдерживает и формирование столь желанного элитного ТРП для иностранцев. Примеров тому известно множество, приведем лишь один, свидетелем и участником которого довелось быть автору. В середине 1990-х годов в Ростовском муниципальном округе Ярославской области на берегу живописной реки Нерли Клязьминской была спроектирована туристская экодеревня для немецких туристов. Однако она так и не была построена, причем по банальной причине: приехавшие (ближе к вечеру) принимать площадку специалисты Департамента туризма Земли Северный-Рейн-Вестфалия не успели выбраться из «мерседесов», как уже подверглись обычному воздействию комаров. Получасового пребывания на местности хватило, чтобы заказчики наотрез отказались от проекта, ситуацию не спасли ни демонстрируемые красоты природы, ни кристаль-

но чистая вода в реке, ни раки, наловленные прямо на глазах местными крестьянами...

Вероятно, мы можем предсказать, что развитие рекреации неизбежно вызовет развитие методов и средств борьбы с этой «напастью» в том же порядке, как это произошло в Западной Европе, где оводы были выведены практически полностью, причем не с помощью варварского опыления территории инсектицидами, а в результате продуманной программы, включавшей в себя лечение и обработку поверхности кожи крупного рогатого скота.

3.5. Разработка и проектирование экологических туров

Автор стремился избежать соблазна описания или рекомендации каких-либо конкретных экотуров, поскольку убежден в том, что составление конкретных экотуров есть задача агентов, действующих на рынке туризма и занимающихся разработкой турпродукта. Кроме того, возможности реализации экологических туров определяются многими обстоятельствами, незнание которых делает почти бесполезной попытку проектирования «идеальных» или «потенциальных» путешествий. Среди этих факторов важнейшими, на наш взгляд, являются:

- «фактура аренды», т.е. физико-географические и социально-исторические свойства той территории, в пределах которой разрабатывается турпродукт;
- возрастные, профессиональные, этнопсихологические качества целевой группы, на которую ориентирован турпродукт;
- квалификация гидов («сталкеров» экотура);
- региональный инвестиционный климат.

Начнем с последнего фактора. Инвестиционный климат зачастую вообще определяет возможность хотя бы зачаточного развития экотуризма. Как признался не так давно автору один менеджер экотуризма, работающий (и весьма успешно) в древнем городе Угличе: «Для того чтобы раскрутить байдарочный экотур по речке Улейме, надо продать полсотни путевок в Анталию»... Отечественный турпродукт (без вливаний со стороны бизнеса) создается пока что на периферии заморского. Без начальных инвестиций невозможно ни закупить байдарки (не говоря уже лошадей для верховой езды) и потребное туристское снаряжение (оно сегодня есть любого качества, но хорошее стоит немалых денег), ни договориться с лесными мастерами о предварительном обустройстве стоянок, ни обеспечить транспорт для заброски групп, ни нанять талантливых гидов и надежных сталкеров на маршрут, ни прорекламировать свой продукт в Интернете или средствах массовой информации.

Фактура местности диктует набор сюжетов и экологических мифов, включаемых в познавательную часть содержания тура, способ перемещения (пеший, водный, велосипедный, автомобильный), совокупную длительность маршрута, тип и продолжительность стоянок. Очевидно, например, что по всем этим параметрам будут различаться экотуры, разрабатываемые для Среднерусской возвышенности и для предгорий Северного Кавказа, для сельской местности и для пригорода крупного мегаполиса.

Целевая группа также в значительной степени влияет на содержание экотура, поскольку туры для взрослых и детей, подготовленных (спортивных) и обычных туристов, равно как и людей с разным образовательным статусом и культурным типом, должны различаться. Заметим, однако, что в реальной жизни чаще всего приходится иметь дело с группами смешанного состава, в которых есть и взрослые, и дети, и менеджеры, и домохозяйки, и спортсмены, и люди с ослабленным здоровьем, следовательно, реальный турпродукт чаще всего должен быть универсальным.

Сложнее обстоит дело с квалификацией гидов. Вообще говоря, автору больше нравится другое название для человека, выполняющего в экотуризме несколько функций одновременно:

- проектирующего экотур;
- договаривающегося с «аборигенами» (лесниками, рыбоохраной, администрацией и т.д.);
- обеспечивающего техническое прохождение маршрута (обучение, помощь слабым и отстающим, страховка);
- проводящего экскурсию на объектах экотура;
- поддерживающего психологический микроклимат и настроение в группе;
- создающего и транслирующего экологические мифы.

Такой универсал, вероятно, заслуживает более красивого именованья, чем «руководитель похода» (советская традиция), или «гид» (что в переводе с английского — «экскурсовод»); его, памятуя литературную легенду братьев Стругацких, лучше называть сталкером.

Так вот, сталкеры экологических туров для России — только еще нарождающаяся генерация профессионалов. Любители, подвигающиеся на этой стезе, часто убеждены, что объектом для экотура может быть уникум не меньший, чем Фудзияма или Долина гейзеров... Многим из них невдомек, что «экологическое содержание» (если говорить о познавательной составляющей тура) может быть обнаружено где угодно, ведь экология — это наука об окружающей среде, следовательно, экологический сюжет может быть «выужен» профессионалом и в городском квартале, и на поле с васильками во ржи. Во внутреннем дворике «доходных» домов фасадного Питера можно увидеть, как тектонические трещины рассекают капитальную стенку по диагонали — от первого этажа

до пятого — вот вам и сюжет о превратностях гидрогеологии и недоучете действия погребенных русел в наскоро построенном на засыпанных болотах городе. Также и созерцая бесконечные рекламные щиты, перекрывающие ныне визуальную ось на всех главных улицах красавицы-Москвы, можно поразмышлять о нарушении исторически сложившегося силуэта города и видеоэкологии городской среды вообще...

Невысокая квалификация отечественных сталкеров связана, как представляется автору, с низким уровнем преподавания географии в школе, причем дело здесь даже не в количестве часов, а в самом построении курса школьной географии, из которой удивительным образом «выпал» ландшафт родной страны. В этом плане отечественным методистам, бесконечно-перерабатывающим одни и те же учебники, стоило бы обратиться к опыту географов Нидерландов, Израиля, Германии или Франции, в учебниках которых признаки национального культурного ландшафта занимают подобающее место. Голландский школьник способен по виду мельницы определить время, когда она была построена, также как по характеру кирпичной кладки приблизительно оценить время возведения здания. Он знает все про дамбы и польдеры, каналы и тюльпаны, подкову из пяти городов и замки сельской местности, иными словами, он знает свою страну, способен видеть и воспринимать символы и знаки национального ландшафта. Возможно, отечественные методисты делают ставку на другие «ЗУНЫ» («знания, умения и навыки») или «компетенции» (новое открытие российской педагогической науки), однако скудость представлений наших выпускников о культурном ландшафте поразительна: даже победителя географической (экологической) олимпиады поставит в тупик просьба объяснить, что такое, к примеру, овин, гумно или поле яровых. Юные россияне не владеют «ландшафтным кодом», а потому не в состоянии «читать» пространство Отечества...

Мы так подробно останавливаемся на этом обстоятельстве, чтобы подчеркнуть: развитие экотуризма требует появления настоящих сталкеров, а поскольку последние не возникнут по маговению волшебной палочки, то на первых порах целесообразно привлекать к проведению экотуров профессионалов, которые были бы способны не только спроектировать экотур, но и обеспечить его познавательную информационную составляющую в виде толково составленных текстов-описаний на весь маршрут и отдельные объекты. Надо знать ландшафт, чтобы понимать: аллея старинных лип, заросшая рябиной и снытью, — остаток старого парка, возможно усадебного, и, если хорошенько посмотреть вокруг, можно обнаружить и рухляк фундамента бывшего усадебного дома, и обмелевший пруд, и остатки фамильного склепа. Надо знать ландшафт, чтобы проходя под берегом на байдарке, заметить черную

прослойку в песчаном обрыве террасы и догадаться, что перед нами — культурный слой, оставленный славянами или угро-финнами; если его слегка «поковырять», найдутся и обугленные зерна злаков, и чернолощенная керамика и стекляруссы-бусинки. Надо знать ландшафт, чтобы на стрелке двух рек в набросе камней, вымытых из основания аллювия высокой поймы, различить фрагменты обработанных кремневых орудий и понять: 10—12 тысячелетий назад здесь было стойбище людей неолитической эпохи.

Каждая из таких находок — повод для остановки, да еще с элементами поисковой работы, настоящая изюминка для экотура, целый сценарный «узел», который при соответствующей подготовке можно подать весьма и весьма выигрышно, предусмотрев какие-либо «активити» (виды деятельности) для самих туристов. Автор неоднократно «заводил» совершенно далеких от естествознания людей в обычный карьер на месте камового или моренного холма и наблюдал, как после краткого рассказа о ледниковых отложениях, питающих провинциях и эрратических валунах взрослые люди полчаса, а то и больше, с наслаждением собирали коллекцию горных пород, подбегая и спрашивая: «А это что за камень»? Точно так же несколько слов о методах поиска россыпного золота, вставленных в повествование о формах руслового рельефа (во время похода на байдарках), превращали группу слабо управляемых подростков в ярых золотоискателей, промывших килограммы песка на перекате в поисках «золотых знаков» и заодно познакомившихся с составом речного аллювия.

Разумеется, существуют выигрышные объекты, к которым могут быть привязаны классические экологические сюжеты и которые можно посадить на удобную (в смысле прохождения-преодоления) и привлекательную (в смысле разнообразия видеоряда) трассу, преодолеваемую за конечный отрезок времени. Именно таким образом интуитивно выстраиваются экологические тропы, получившие за последние 10—15 лет необычайную популярность в школах и в системе дополнительного образования (станции экологов и юных туристов, дома природы и т. д.).

Экологическая тропа — простейший вид экотура, проектируется обычно как пешеходная (реже водная, велосипедная) трасса, рассчитанная на прохождение за несколько часов (реже — дней), на которой расположено несколько интересных природных (иногда — исторических, культурных, архитектурных) объектов. Число их (если исходить из коренных особенностей психологии восприятия) не должно превышать семи. Поскольку на каждом из объектов маршрутный сценарий предусматривает остановку (по продолжительности от 5 мин до получаса), а также учитывая продолжительность связующих отрезков маршрута (10—15 мин) мы получаем общую продолжительность экотура в 3—4 ч, что вполне достаточно. Именно таковы традиции пеших экскурсий в приро-

ду, совершаемых джентльменами XIX в., положившими начало современному экотуризму.

Экотур — многодневное путешествие, следовательно, его сценарий предусматривает перемещение на значительные расстояния, в этом случае объекты должны быть распределены более-менее равномерно по дням.

Попытаемся проанализировать основные проблемы, возникающие в ходе разработки экотура.

1. *Определение целевой группы (или групп) и анализ ее потребительских предпочтений и ожиданий.* На этом первом этапе проектирования мы должны как можно точнее определить возрастной и половой состав группы, род занятий, профессию, социальный статус, культурный и образовательный уровень, а также более полно ответить на вопросы:

- что ожидают участники группы от экотура;
- насколько они готовы к восприятию серьезной (или не очень) информации;
- какова их готовность к спортивным или трудовым физическим усилиям на маршруте.

Особенно важно определить, каковы потенциальные ожидания туристов. В экотуризме присутствуют три содержательные составляющие: познавательная (информация, впечатления, эмоции), спортивная (физические усилия) и потребительская (угощение, отдых, развлечение). Однако соотношение, в котором представлены три этих компонента, может изменяться в зависимости от контингента. Чрезмерное увлечение познавательной составляющей турпродукта при отсутствии продуманных заранее видов самостоятельной деятельности утомит и туристов-школьников. Люди зрелого возраста, как правило, вообще не готовы воспринимать большие объемы информации, и для них «введение в экологию», общение с природой должно осуществляться через отдых и развлечение в большей мере, чем через экологические экскурсии.

2. *Определение и характеристика объектов экотура.* Объекты экотура — уникальные природные или природно-исторические раритеты, которые играют роль сценарных «узлов», являются целью либо всего путешествия (если тур выстроен вокруг одного объекта, например обнажения с окаменелостями ископаемых организмов), либо конкретного дня или фрагмента маршрута. Вероятно, есть смысл выявлять главные объекты (к которым устремлен маршрут) и дополнительные объекты (которые можно наблюдать по пути следования). Поиск потенциальных объектов составляет специальный раздел оценки территории для развития туризма и рекреации (см. гл. 5), однако не все объекты могут и должны включаться в экотур.

Следует, вероятно, различать экотуры для местного (регионального, внутреннего) и внешнего («заезжего») употребления. По-

пытаемся продемонстрировать это на конкретных примерах. В принципе на территории любого сельского района средней России можно найти интересное обнажение если не коренных, то хотя бы четвертичных отложений, которое можно (и нужно) включить в качестве объекта в экотур. Даже такое обнажение может стать местом проведения интересной экскурсии, ведь в четвертичных слоях находится богатый валунный материал, встречаются остатки переложенных ледником окаменелостей (белемнитов, брахиопод, двустворок, кораллов, губок). Однако такое обнажение не представляет интереса для жителя Москвы или Санкт-Петербурга, которого можно привлечь лишь геологическими памятниками всероссийской (или даже всемирной) известности. Аналогично и фрагменты типичной провинциальной усадьбы должны представлять ценность в любом виде для региона, однако российского туриста заинтересуют, пожалуй, лишь отреставрированные образцы богатых усадеб вроде ярославской Карабихи, с которой тесно связана жизнь и литературная деятельность поэта Н. А. Некрасова.

Следовательно, экотур может быть составлен практически для любой сельской волости России (не говоря уже о сельских районах), но в том случае, если в его состав не входят объекты общероссийского или хотя бы регионального значения, это будет «продукт для внутреннего употребления» (что не умаляет его значимости для системы образования и воспитания юных соотечественников). Однако такой продукт не может быть предложен на межрегиональном или общероссийском рынке.

В связи с этим возникает вопрос: территория какого размера необходима для организации коммерчески привлекательного экотура? Ответ на этот вопрос зависит от насыщенности региона памятниками природы, истории, архитектуры и культуры. В общем, сильно усредненном варианте, можно утверждать: три-четыре сельских района (муниципальных округа) обычно охватывают территорию в пределах, которой можно реализовать разработку состоятельного (в коммерческом отношении) экологического тура регионального значения. В пределах практически любого субъекта Российской Федерации (области или края) при соответствующей подготовке и инвестициях можно подготовить несколько экотуров общероссийского значения и, как минимум, один-два — международного.

Вообще не уникальность и не число объектов экотура будут в ближайшем будущем ограничивать возможности международного (в том числе — элитного) экотуризма, а отсутствие возможности предоставить приемлемое убежище для туристов. Сама идеология экотуризма не подразумевает широкого использования «звездных» отелей, расположенных в городах, более уместным было бы размещение гостей в сельских небольших гостиницах или пансионатах

в непосредственной близости от наиболее значимых объектов тура. В этом смысле очень выигрышно бы смотрелись гостиничные номера в отреставрированных усадьбах, придорожных станциях («ямах»), купеческих особняках в малых городах, реконструированных, мельницах, даже бывших производственных комплексах (старинных заводах и мануфактурах). Так, по всей России тут и там стоят еще старые водонапорные башни (большей частью выстроенные в конце XIX — начале XX в.), очень живописные и с надежной кладкой из «царского» красного кирпича; иные из них вполне могут быть модернизированы в очень нестандартное и привлекательное (особенно для молодежи) гостевое жилище. Старая пожарная часть в заштатном городке, ставшая ненужной по условиям нового времени, также еще вполне может послужить, если не дать ей развалиться: тут и толстые кирпичные стены, и готовая смотровая вышка...

3. *Разработка сценария.* После определения потенциальных объектов экотура, определения их функциональной роли и значимости следует скомпоновать собственно экотур, т.е. решить, в какой последовательности будет развернут содержательный сценарий путешествия. Сегодня большая часть экотуров выстроены по объектному принципу: в центре сценария — один или несколько уникальных объектов и весь тур выстраивается вокруг них. Такой подход вполне приемлем, если экотур посвящен пещере, грязевым ваннам или гейзерам.

Нам представляется, однако, что по мере развития экотуризма так или иначе придется переходить от объектных сценариев к тематическим и очень сложным комплексным универсальным сценариям экологического тура.

Вообще любой сценарий подразумевает комбинирование объектов и проектирование маршрута экотура, определение рекреационных занятий и видов групповой или индивидуальной активности экотуриста. В варианте с объектным сценарием все более-менее понятно. Если экотур посвящен уникальному геологическому обнажению, то его содержательно-экскурсионная часть ложится на рассказ с демонстрацией геологических слоев и окаменелостей. Может быть предусмотрена самостоятельная деятельность в виде поиска малоценных окаменелостей на периферии обнажения (под безусловным руководством и при консультациях гида) или просто осмотр окрестностей (соседних стенок карьера или уступа коренного берега). В сценарий может быть включено посещение местного геологического музея, «шоппинг» в лавке с пришлифованными образцами горных пород и окаменелостей, просмотр подходящего по тематике фильма «про динозавров» вечером в отеле. В качестве развлечения малышам могут предложить лепку динозавров из пластилина или конструирование из конструкторов типа «Лего» и т.д.

Тематический тур должен, по идее, посвящаться не одному объекту, а целому классу объектов: если продолжать пример с обнажением, то тематический тур может охватывать несколько геологических памятников и знакомить с геологическим прошлым целого региона. К такому роду туров приближается «научный туризм», традиционно совершаемый геологами в разных странах, в том числе и в России, — членами международной экспедиции «Комиссия по изучению четвертичного периода», осматривающими за одну-две недели ряд руководящих разрезов (геологических обнажений) на территории Русской равнины.

Тематический тур ориентирован на особую целевую группу, для которой предложенная тема представляет определенный интерес. Можно предложить тематический экотур, посвященный дворянским усадьбам провинциальной России — «мир дворянской усадьбы». Объектами такого тура могут быть усадебные комплексы разных эпох (XVIII, XIX, XX вв. — купеческие дачи), стилей (с регулярным или пейзажным парком) и сохранности (сохранился весь комплекс или только усадебный парк). В качестве рекреационного цикла можно предложить отдых в одном из отреставрированных комплексов по всем канонам дворянского быта середины начала XIX в.: верховая прогулка по окрестностям с элементами фотоохоты, обед из блюд кухни эпохи, гуляние в парке с созерцанием в беседке-думке, бал в зале особняка под музыку «живого» оркестра.

Такой тур в качестве вида деятельности может включать и описание своими силами недавно обнаруженного или малоизвестного парка (обмеры, выявление композиции, характеристика растительности и рельефа, фотодокументирование). Не будет лишним и оказание первой помощи одному из заброшенных парков региона: туристы (особенно юные) могут принять участие в некоторых видах работ по реконструкции (уборке валежника и мусора, обрезке деревьев, лечении стволов, чистке прудов, сенокосении).

Другой выигрышный тематический тур, который может быть разработан в любом регионе России, — «мир реки». Путешествие по реке — не что иное, как естественным образом развертываемое познание реки, необходимо только соответствующее сопровождение и оформление. В таком экотуре главный объект — сама река, меняющаяся от речки с отдельными бочагами и перекатами до водотока с излучинами, лугами на пойме и лесами на террасе (см. гл. 4). Три участка реки: в верховьях, среднем и нижнем течении, — промеренные и закартированные под руководством опытного эколога при помощи простейшей мензулы, компаса и линейки, а также самодельного мерного шеста, помогут туристу понять, как работает и живет река, каковы ее основные русловые формы, что такое речной поток и речной аллювий.

Любой бочаг в верховьях малой реки посреди лета — объект для исследования и демонстрации загадочного подводного «зазеркалья» — речного гидробионта с его живописными водными растениями и многочисленным обитателями от личинок стрекоз до жуков плавунцов.

В верховьях рек еще расположены так называемые запани (места скопления трелеванного из тайги леса, который перед большой водой нагромождали в русле и на пойме) — напоминание о молевом сплаве леса, опустошавшем в середине прошлого века лесные массивы в бассейнах многих сотен российских рек. Сюжет печальный, но помнить о нем необходимо: обмелевшие русла, перепаханые бревнами нерестилища, затонувшие и разлагающиеся под водой топляки — таковы были итоги радикального хозяйствования эпохи развитого социализма...

Река в среднем течении — зона быстрого русла и мощных перекатов, на которых когда-то стояли мельницы. Остатки старой мельничной поставы — еще один объект для экотура, объект увлекательнейший и поучительный, поскольку тысячи «меленок» и «крупорешек» царской России — пример уникального по сути управления стоком речных систем, которое позволяло и накапливать воду для хозяйственных нужд, и разводить рыбу, и создавать высокопродуктивные луговые угодья.

В низовьях рек объекты экотура сменяют один другой — на каждом повороте речной излучины, надо только научиться их видеть. Тут и водозабор из живого сечения из ближайшего детского лагеря, а чуть ниже — работающие (или неработающие!) очистные сооружения — повод для рассказа о проблемах водопользования и водоочистки.

Здесь рыболовецкое хозяйство (бывший совхоз-миллионер), ныне влачащее тяжелое существование, но все же добывающее рыбу нелегким трудом. Один раз в жизни сходить на настоящее рыбацкой лодке и несколько часов кряду вместе с настоящим деревенским рыбаком вынимать рыбу из настоящих сетей — событие, запоминающееся на всю жизнь...

Тут и судоходный фарватер, по которому ходят уже речные суда, оформленный знаками судового хода, с бакенами, ограждающими мели. А раньше здесь по бечеве шли бурлаки и тянули деревянные расшивы и барки, только не так бестолково, как показано в социальной картине И. Репина (налегая грудью на веревку), а лицом к судну, отталкиваясь ногами и вытягивая трос мышцами рук и спины, а то и закориваясь за мощный дуб или валун на пойме и, подтягивая его «на раз-два взяли»... Каждая артель вместе с лоцманом обслуживала свой плес — от одной страшной отмели до другой, возле этих мелей отстраивались и существовали столетия целые деревни, поставлявшие бурлаков и лоцманов.

В нижнем течении подпертые плотинами реки часто отделены от своих берегов дамбами: «идешь» по воде и видишь только крест на колокольне — само село скрыто от туриста и лежит в низине, защищенной от водохранилища искусственной насыпью.

Здесь же встретятся современные водохранилища с бетонными плотинами, которые не менее интересны, поскольку демонстрируют одновременно и нашу техническую мощь, и (порой) нашу торопливость и негибкость в отношениях с природой. Река в подпоре выше плотины (верхний бьеф) и река, свободно бегущая в нижнем бьефе, — два разных объекта, здесь увидим и осадконакопление в ложе подпертого русла, и буйное цветение воды, и эрозию берегов ниже плотины... Сама плотина с ее шлюзами и судовыми камерами, каналами и зданием ГЭС — также небезыңтересный объект для экотура. Даже на малых реках России сохранились еще шлюзы и створные механизмы старых (еще петровского времени) плотин. Их посещение — повод для удивления искусству гидростроительства и мастерству механиков прошлого...

Самостоятельные виды деятельности речного экотура: это экспресс-оценка состояния экологического состояния реки, проводимая с помощью очень нехитрого набора приспособлений, а также меры по уходу за руслом и обустройству мест отдыха.

Комплексные туры представляют собой «высший пилотаж» экологического туризма и, если не считать некоторых очень удачных туров, реализованных в национальных парках, относятся пока к области фантастики. Между тем культурный ландшафт России во всех регионах представляет собой замечательную арену для разработки соответствующего экотура. Староосвоенный Центр России — не исключение, здесь на сравнительно компактной территории находятся комплексы форм рельефа, относящихся к разным зонам деятельности последнего ледника: ледниковой денудации, аккумуляции и перигляциальной. Здесь могут быть продемонстрированы практически все типы лесных и луговых ландшафтов двух природных зон: зоны тайги и зоны хвойно-широколиственных лесов, здесь земля насыщена археологическими памятниками древнейшего освоения территории, здесь сохранились старинные русские деревни и села, малые города.

Среди объектов такого комплексного тура мыслятся наиболее яркие «классические» формы свежего моренного рельефа с характерными коренными биоценозами: темнохвойные ельники и хвойно-широколиственные леса на конечно-моренных грядах, сосняки на камовых и водно-ледниковых холмах, материковые доны и боровые высокие террасы рек. Повествование о древнем леднике и формах, им созданных с посещением карьеров, вскрывших тело моренного холма или оза, — начальный сюжет такого тура. Экскурсия по раменевому и боровому экологическим рядам экотопов Русской равнины — его продолжение. Посещение древней-

ших археологических памятников: стоянок неолита, городищ и селищ угро-финнов и славян — следующий сюжет. Рассказ о культурном ландшафте второго тысячелетия с осмотром усадеб и старых монастырских садов, сел и деревень с сохранившейся планировкой, пятистенками, пропиленной резьбой на наличниках и колодцами с «журавлями» — сердцевина тура. Знакомство с вековыми традициями ландшафтного обустройства в сельской общине сменяется рассказом об эстетических свойствах культурного ландшафта и методах его оценки. Фото- и киносъемка, поиск наиболее выигранных точек обзора в красивом ландшафте где-нибудь в окрестностях древнего Торжка или Старицы, Ростова или Углича — еще один непустой сюжет.

Беды современного ландшафта: эрозия и смытые плодородные горизонты на полях, перерубленные леса, закоркаренные и заболоченные в результате перевыпаса и дурной мелиорации луга — могут быть продемонстрированы в любом сельском районе Нечерноземья.

Автор предвидит возражение: это уже не тур, а полевая практика по ландшафтоведению... Но, во-первых, хорошо организованная студенческая практика и есть своего рода экотур, во-вторых, кто мешает насытить такое путешествие впечатлениями? Впечатления (а вместе с ними и ценность в глазах массового потребителя) обеспечит смена способов перемещения (автобусы — для длинных переездов, велосипеды и лошади — для более коротких, байдарки: — для знакомства с ландшафтами речных долин, подъем на воздушном шаре — для осмотра «визуального бассейна» и комплекса форм рельефа) и добавки в виде рекреационных циклов «чистого» отдыха — купально-пляжных, игровых.

Скепсис туристских фирм по поводу возможностей построения туров на местном материале беспочвенен и объясняется врожденной ландшафтной слепотой и желанием получать прибыль побольше и побыстрее. Однако сама жизнь заставит нас взглянуть на возможности экотуризма по-новому...

3.6. Миф как составная часть туристского продукта

Люди, побывавшие в разных странах (т. е. с позиций, принятых в этой книге, опытные потребители турпродукта), хорошо знают, что кроме услуг, впечатлений и ощущений последний непременно включает в себя еще одну нематериальную составляющую, которую очень сложно измерить или представить в каких-либо показателях, — туристский миф. Туристский миф можно определить как совокупность сведений, образов и эмоций, передаваемых туристу в процессе перемещения.

Всякое путешествие есть постижение мира, узнавание и переживание его сущности, поэтому информационная и образно-эмоциональная компоненты туристского мифа равноценны, едины и неотделимы. Узнавание предполагает познание, следовательно изучение (на личностном индивидуальном уровне туриста), отсюда неизбежность информационной составляющей, о которой мы говорили ранее.

Представим себе обычный туристский автобус, перемещающийся где-нибудь по трассе Москва—Архангельск, скажем, между Переславлем-Залесским и Ростовом Великим. Обычно экскурсоводы делают паузу, отдыхая после насыщенного памятником Переславля перед не менее древним Ростовом, где также придется «много говорить». Между тем автобус забирается на высокие холмы по дороге, напоминающей стиральную доску, «ныряет» в межхолмовые котловины и поднимается снова. С вершин холмов открываются живописные панорамы на окружающий «сельский мир» с колокольнями церквей, старинными деревнями, лугами, берегами рек. Этот отрезок пути — один из самых интересных фрагментов культурного ландшафта Верхневолжья. Можно пройти его молча, и тогда не спящий пассажир будет сам любоваться холмистыми окрестностями, недоумевая по поводу выставленных вдоль обочины ящиков с надписью «соленый песок». Можно сообщить в микрофон негромким голосом (дабы не разбудить тех, кто все же утомился и решил подремать), что «мы пересекаем конечно-моренную возвышенность, возникшую на фронтальной части московского ледника в связи с одновременной работой нескольких механизмов активного осадконакопления: экструзии, пушинга, сбрасывания абляционной морены, в результате чего образовались высокие гряды с отдельными куполовидными холмами».

Прочитавший этот пассаж, пожалуй, заметит: вот, ведь, закручено и кто станет слушать такую абракадабру? Верно, никто. Мы привели его лишь для того, чтобы продемонстрировать: информация «в чистом виде» не образует еще туристского мифа, ибо она лишена доступных слушателю (т. е. потребителю) образов и, следовательно, не создает настроения. И здесь мы подходим к другой стороне туризма: всякое путешествие есть переживание, происходящее на личностном и межличностном (групповом) уровне. Переживание предполагает впитывание ощущений и восприятие образов, часть которых сообщается туристу извне — экскурсоводом, сталкером.

Трансляция образов предполагает использование доступных символов, знаковых кодов и может осуществляться в самой различной форме и даже на разном уровне. Например, уже приведенный отрывок из экскурсии может быть представлен следующим образом. «Вы, наверное, уже обратили внимание на то,

что наш автобус идет по трассе, больше напоминающей стиральную доску; словно корабль, плывущий по волнам, он то поднимается на гребень очередного холма, то опускается вниз; местами уклоны так велики, что зимой во время наледей тяжело груженные машины на этом участке с трудом забираются на вершину; поэтому на наиболее трудных подъемах установлены ящики с соленым песком, который способствует увеличению сцепления между колесами автомашины и обледеневшим дорожным покрытием. Холмы, по которым мы проезжаем, составляют одну из самых высоких возвышенностей Верхней Волги, они возникли несколько десятков тысяч лет тому назад во время последнего материкового оледенения, когда гигантский ледниковый щит, мощностью до трех километров, продвигаясь с северо-запада, покрывал эту территорию практически полностью. Впоследствии началось очередное глобальное потепление и он растаял, откладывая принесенные осадки на поверхность, причем наиболее масштабные процессы образования нового рельефа происходили у его концевой (фронтальной) части. Здесь на толщу коренных пород Русской равнины, которую местами ледник, словно огромный бульдозер, соскребал с поверхности, накладывались отложения из его внутренних сколов, которые выдавливались из него, как из мясорубки, а также конусы выноса подледниковых рек, да еще мелкие частицы, сгружавшиеся с сильно запыленной ветрами поверхности старого льда. В результате у края ледника и возникли гряды холмов, получившие название конечно-моренных возвышенностей. Эти возвышенности, сложенные плодородными суглинками, валунами и разнозернистыми песками, были издавна освоены человеком, распаханы и заселены. В окончательном виде система расселения сложилась здесь приблизительно к XVI в., однако церкви, которые мы видим, были возведены позднее, в последней четверти XVIII — начале XIX в., каменные на месте деревянных. Церкви были вписаны в ландшафт таким образом, что с каждой колокольни можно было видеть колокольни еще двух-трех, а то и четырех-пяти церквей на вершинах холмов...».

Как видно, насыщение информации образами в целом, с одной стороны, удлиняет сообщение, но, с другой стороны, делает его доступным для восприятия. Специалисты по информации говорят нам о том, что любые сколь угодно сложные теории, факты и обстоятельства могут быть изложены посредством образов. — понятно и содержательно — для любого контингента слушателей. Жизнь сплошь и рядом подтверждает это правило.

Безусловно, образы огрубляют и искажают информацию, однако такова цена, которую приходится платить за доступность и невозможность пользоваться профессиональными «информационными кодами». Неслучайно опытные экскурсоводы часто говорят

о том, что им просто необходимо знать как можно больше о социальном, профессиональном и психологическом статусе обслуживаемой группы. Это знание дает возможность выстраивать миф посредством доступных и подходящих образов.

Каковы основные свойства туристского мифа?

1. Миф прост и апеллирует к начальному уровню знаний, основывается на простейших понятиях и представлениях (как правило, это не более чем школьный уровень, предполагающий владение историей и географией в самом общем виде).

2. Мифологизации в туризме подлежат прежде всего места (город, селение, вершина горы), объекты (исторические, археологические, архитектурные, иные), события (исторические, биографические), явления (природные или иные), личности.

3. Миф содержит сюжет или, как минимум, фабулу исторического («здесь русские полки сражались с конницей Тохтамыша»), легендарного (Ах-Тамар — легенда о царице Тамаре и ее несчастном возлюбленном) или биографического характера («эту судьбу известный поэт выиграл в карты»).

4. Миф всегда историчен, и как таковой он не просто обращен прошлому, но идеализирует его средствами гиперболизации, преувеличения и романтизации, в этом смысле миф безусловно необъективен и квазинаучен: рассказывая о «старых улочках русского города», гид обычно не упоминает о вони, какую несли кожевенные мастерские или шерстомойки, о «лужах скотской крови» возле колбасных цехов, о ядовитых парах свинцово-белильных заводов и прочих «прелестях» заштатного городка конца XVIII — середины XIX в.

5. Миф конечен и сам живет недолго, будучи адекватен конкретной исторической обстановке и социальной психологии поколения. Конечность существования мифа связана не только с идеологическими перестройками (сюжеты о купеческой или дворянской жизни были мало популярны в эпоху «развитого социализма», а нынешнее поколение мало привлекают сюжеты гражданской войны), но и с меняющимся эмоционально-психологическим портретом поколений. Некоторые мифы не переживают своей эпохи, другие трансформируются с переносом акцентов, вплоть до полной перелицовки смыслового поля, таковы идеологические мифы (о Павлике Морозове, например, или о красноармейце Тугаеве, в честь которого назван старинный город на Волге Романов-Борисоглебск). Кстати, перелицовка мифа продлевает его существование, поскольку делает его значимым для очередного поколения слушателей; некоторые мифы на наших глазах переживают уже третью-четвертую трансформацию.

6. Мифу свойственна та или иная эмоциональная палитра (веселая до неприличия, грустная, печальная и даже философская — вспомним О. Куваева «таков печальный итог»).

«Мотивы» туристских мифов, создаваемых для массового потребления, очень стары и мало меняются от эпохи к эпохе. Таковы:

- мифы о несчастной неразделенной любви с гибелью одного или обоих главных героев, причем в результате один несчастный превращается в вершину горы, остров или, на худой конец, в каменный столб, а другой наплакивает «море» слез, превращающихся в озеро;

- мифы о рожденьях героев из различных природных сред и явлений;

- мифы о потерявшихся и вечно скитающихся по морям, горам, тундрам и пескам пустынь путниках, кораблях, самолетах; все так или иначе восходят к старому мотиву «летучего голландца»;

- мифы о затерянных островах и других «дрейфующих» в пространстве природных объектах;

- мифы о запредельных достижениях (восхождениях, заплывах, забегах, проходах и пр.), в них, как правило, акцент делается на дальности, сложности или протяженности маршрута либо скорости, с которой он был преодолен;

- мифы о лишениях и трудностях; в них главное — обстоятельства похода, а не само перемещение (дождь, ветер, низкая температура, скудный паек, а то и голод);

- мифы о любовных подвигах туристов (как правило, распространяющихся на аборигенов либо других отдыхающих);

- мифы о промысловых подвигах (охотников всех мастей, рыболовов).

Туристскому мифу, безусловно, свойственна структура, в которую входят привязка-ассоциация, позволяющая перейти от реальности (объектов, обстоятельств, сообщений) к выдумке, пролог, кульминация и эпилог, и в этом смысле мифы мало отличаются от сведений, сообщавшихся древними сказителями.

По способу выражения целесообразно различать профессиональные мифы (транслируемые средствами массовой информации, в частности специальными передачами и журналами, Интернетом), а также бытовые мифы, передаваемые изустно, придумываемые и трансформируемые рассказчиками.

Несмотря на внешнюю незамысловатость и даже наивность мифов они выполняют самые разнообразные функции, важнейшие из которых мы уже отметили: насыщение информации образами и эмоциональная ее окраска. Таким образом, миф способен:

- делать информацию доступной для туриста;

- делать информацию запоминающейся (сначала вспоминается байка, которую «прогнал» по поводу названия или объекта гид, а затем уже и само название или объект);

- повышать психофизиологическую устойчивость туриста на маршруте, особенно в трудных моментах («Трудно, да, ребятки?

Это еще что, вот три года назад мы в такой завал попали, страшно вспомнить...»);

- снимать межличностное и внутригрупповое напряжение, повышать уровень взаимопомощи и альтруизма («что вы тащитесь, как черепахи, у меня этот подъем восьмилетняя девчушка с рюкзаком на одном дыхании взяла»);

- наконец, просто развлекать туриста, устающего от значительных объемов серьезной информации или монотонного визуального ряда (скажем, от полотна дороги на равнинном автобане).

Наиболее распространенные в практике туризма мифы могут быть сгруппированы (тематически, по преобладающим мотивам) в следующие крупные группы:

- топонимические, связанные с возникновением тех или иных названий («этот родник называется Варварин, потому что много лет назад жила-была матушка Варвара...»);

- биографические, касающиеся жизни тех или иных людей («в этом кафе, вон за тем столиком, каждый вечер великий художник, потягивая бургундское, рассеянной рукой на бумажных салфетках набрасывал портреты завсегдатаев»);

- страноведческие, характеризующие широкими и очень приблизительными мазками страну («Куба — родина революции, сахарного тростника и свободной любви»);

- спортивно-авантюрные, касающиеся чьих то достижений на конкретных туристских маршрутах («десять лет назад по этому контрфорсу мы прошли практически без снаряжения, вчетвером, да еще и тащили за собой геофизическое оборудование»);

- охотничьи рассказы — представляют собой целый мир мифов, связанных с личными промысловыми подвигами на поприще рыбной ловли и охоты.

Специальная мифология экотуризма еще только возникает на наших глазах, поэтому анализировать ее достаточно сложно. В некотором смысле вся информация, сообщаемая слушателям во время экскурсий на природу либо поглощаемая туристами в процессе преодоления маршрутов активного туризма, также является мифологией, ибо ее научность весьма относительна. Профессиональным знанием о природе обладают лишь представители соответствующих областей науки о Земле (ландшафтоведы, биологи, геологи и т.д.), а их отношение к туризму как роду занятий, как правило, достаточно скептическое. Тем не менее уже существует опыт привлечения высококвалифицированных людей в качестве гидов для путешествий; например, на Селигере, где в команду гребного или парусного судна, либо в группу байдарочников включают специалистов в ранге докторов наук, которые не ведут экскурсий в классическом понимании этого термина, но постепенно, мастерски, сюжет за сюжетом погружают участников похода в мир природы. Отзывы о такого рода путешествиях самые восторженные.

Экотуризм постепенно рождает свои мифы, и если попытаться сгруппировать самые расхожие из них по мотивам, то выделяются следующие:

- *мифы об экологическом благополучии-неблагополучии* призваны расписать в самых разных красках экологическую ситуацию в том или ином регионе, при этом обильно используются выражения (абсолютно бессмысленные) «хорошая экология», «плохая экология», «экологически чистый район», «экологически чистые продукты», «экологически грязное место» и т.д.;

- *мифы об экологических бедствиях и (или) техногенных авариях*, их породивших (взрывы, выбросы), в этом разделе особенно широкое хождение имеют рассказы о «захоронениях чего-то там страшного около такой-то деревни»; обыкновенно расцвечиваются убедительными деталями о врожденных генетических нарушениях живых организмов (это могут быть лягушки размером с кошку или крысы чуть меньше леопарда);

- *мифы о диковинных природных или рукотворных объектах*, находящихся вне зоны доступности, зачастую с примесью «чертовщинки» («говорят, там посреди болота сухая гривка, а на ней усадьба была, только помещик пропал за грехи, да и усадьба провалилась»);

- *мифы, приписывающие необыкновенные свойства довольно обыкновенным объектам* («в этом бору — самая большая сосна с расщепленной кроной, ей тыщу лет, говорят»), другой пример — при обследовании усадебных комплексов Верхневолжья автору неоднократно приходилось слышать от местных крестьян об усадебных прудах («дно-то было камнем (плиткой) выложено, а под плиткой — клад спрятали»), хотя зондированием дна ничего кроме вековых накоплений органического ила выявить не удалось;

- *мифы о рациональном природопользовании прошлого* — целая группа мифов, приписывающая (не без оснований) прежним поколениям поразительную чуткость к природе и невероятное умение с нею обращаться («рыбы в реках было немеряно, деревья росли исполинских размеров»); отчасти эти мифы навеяны объективными процессами: так, приисковые рубки, совершавшиеся на протяжении столетий, действительно привели к выбиванию из древостоя наиболее крупных экземпляров древесных пород первого яруса (елей, сосен, лип, дубов), загрязнение вод промышленно-бытовыми стоками на самом деле уменьшило поголовье рыбного стада, в том числе и на малых реках; автор, будучи шестилетним мальчишкой, ловил рыбу на нитку с крючком и хлебным шариком с мостков на одной из красивейших рек Пошехонского края — Согоже, теперь на этой же реке без особого успеха упражняются с импортными удилищами заезжие питерские рекреанты;

• мифы об экологических преступлениях прошлого и о том, как с ними бороться, таковы раздутые до невероятности мифы о эле водохранилищ и о необходимости их однократного спуска, тиражируемые радикальными экологистами.

Оговоримся, чтобы быть правильно понятыми: в нашей стране действительно имели место серьезные техногенные катастрофы и попытки «взять у природы», не ожидая ее милостей, вроде поворота рек или поднятия целинных земель. Однако надо понимать и другое: человек обречен на взаимодействие с природой практически во всех сферах жизни. Люди, разглагольствующие о бедах Рыбинского или Куйбышевского моря, обычно ничего не знают о катастрофических разливах «бывтовой» Волги, наводнениях и снесенных в затонах судах, пересыхающем в межень русле на главных волжских перекатах, системе водоснабжения и водоотведения, на которой «сидит» нынче без малого 50 млн жителей волжского бассейна. История управления речным стоком только в России насчитывает несколько веков, в Европе этот период «тянет» на тысячелетия, следовательно, речь идет не о том, вмешиваться или не вмешиваться в природу, а о том, как это делать, как поменять агрессивную стратегию господства на адаптивную стратегию терпимости и приспособления к природе. С этих позиций можно объяснить, что сотня мелких плотин с мельничными прудами в бассейне реки могли предотвратить катастрофические паводки в створе ее основного русла и рассказать участникам байдарочного похода, преодолевающим перекат с остатками деревянных свай бывшей мельницы, об истории водяных мельниц и запруд возле плотин...

Нам представляется, что мифология экотуризма должна быть неразрывно связана с историей культурного ландшафта страны, а не с радикальными рассуждениями экологистов и непродуманными заявлениями биологов о том, что экология — «это наука о взаимоотношении организма и окружающей средой, уберите из среды человека, а природа все равно останется». Не вдаваясь в философские основания подобного подхода (а он привнесен в Россию из американской цивилизации перепотребления), заметим только, что на негативных экомифах («испортили природу!») с их, порой, чудовищными преувеличениями и нелепыми заблуждениями невозможно построить экотуризм. Корни туристской мифологии должны лежать во внимательном изучении истории взаимодействия этноса с природой и истории возникновения культурного ландшафта страны — только на этой основе можно воспитать приличного экотуриста с активным конструктивным отношением к природе.

Вам кажется, что реки обмелели и зарастают? Но они зарастали и «при царе Горохе», только их чистили, да-да, прямо с лодок лопатами вычерпывая ил и вырывая с корнем водные растения

на чересчур заросших бочагах и плесах. Старый парк зарос снытью, крапивой и лопухами, сделался темен и неприютен — он нуждается в реконструкции. Устройте возле него экологический лагерь, позовите на помощь эксперта и окажите деревьям элементарную помощь: обрежьте сухие ветви, сформируйте кроны заделайте дупла и морозобойные трещины. Плохие дороги в России? Но у нас повсюду моренные вязкие суглинки, которые превращаются в жижу при осенних дождях, или «вспучивающиеся» на морозе водонасыщенные пески, однако предки как-то справлялись, на немерянных пространствах империи устраивались проезжие дороги, да еще с дренами-канавами по бокам и с красивыми аллеями. А чего стоит старая брусчатка, продержавшаяся три сотни лет, или откос старой волжской набережной, который без бетона и металла, укрепленный валунами и засаженный деревьями, украшает старый город со времен восстания декабристов?

Если всмотреться внимательно, любые национальные программы внутреннего туризма построены на обучении восприятию и пониманию национального культурного ландшафта, будь то сельский туризм во Франции, «Национальный Траст» Великобритании или «Живая Сеть Природы» в Нидерландах. Современный ребенок, выросший в душной городской квартире с игровой компьютерной приставкой в руках, должен научиться видеть ландшафт родной страны. Огромный сельский мир России, так же как и мир ее малых исторических городов, еще жив и ждет своих мифологов — энтузиастов провинциального пространства, которые сумеют овеять романтикой наше прошлое, далекое и близкое. Холмы и равнины, реки и озера, болота и леса, села и деревни, усадьбы и соборы, церкви и монастыри, мельницы и первые мануфактуры — все это должно быть сбережено, прежде всего, в нашем сознании — в этом, а не в пресловутой «охране природы» (от кого — спрашивается?) задача туризма вообще и экологического — в частности.

Выводы

1. Одной из важнейших задач развития рекреационной сферы является определение региональной специфики собственного туристско-рекреационного продукта, поскольку практически любой регион России потенциально способен предлагать на туристско-рекреационный рынок достаточно разнообразный спектр как отдельных услуг, так и их сочетаний, составляющих целостные туры, виды и способы отдыха.

2. Специфика регионального туристско-рекреационного продукта определяется сочетанием многих элементарных рекреационных занятий, укладываемых в типичные рекреационные модули, которые, в свою очередь, составляют целостные туристско-рекреационные циклы и программы. Туристско-рекреационный продукт может быть усовершенствован за счёт добавления новых рекреационных занятий, но лишь в

той мере, в какой это не нарушает экологическую стабильность территории в целом.

3. Важной составляющей туристско-рекреационного продукта является туристский миф, реконструкция которого позволяет одухотворить местность, насытить содержательную часть тура понятными образами и символами, воздействовать на эмоционально-психологическую сферу туриста; особенное значение туристский миф приобретает в экотуризме, который должен быть ориентирован на ценности национального ландшафта страны.

4. На начальных этапах развития рекреации туристско-рекреационный продукт включает в свой состав скрыторекреационные возможности унаследованного культурного ландшафта. Однако в ходе последующего туристско-рекреационного освоения по мере упадка традиционных видов природопользования туризм и рекреация вынуждены брать на себя функции по уходу за ландшафтом и краеустройством.

Контрольные задания

1. Охарактеризуйте различия в толковании понятия «экотуризм» в широком и узком смысле. Можно ли считать разновидностью экотуризма любительскую охоту на основании того обстоятельства, что ряд признаков экотуризма присутствует в этом занятии?

2. Попробуйте сопоставить возможности российской провинции новым тенденциям, проявившимся в туризме и рекреации последних десятилетий.

3. Каким образом развитие внутреннего туризма, в частности экологических его форм, может способствовать оживлению экономики депрессивных регионов? В чем отличие такого способа поддержания экономики от сложившегося «серого» рынка услуг в дачной рекреации?

4. Проанализируйте свой последний опыт отдыха в учреждениях организованной рекреации, туристском лагере, на «диком курорте», в походе. Для этого попробуйте последовательно ответить на следующие вопросы:

- Какие виды элементарных занятий составляли основное содержание отдыха?

- Насколько, на ваш взгляд, удачно они были скомпонованы в модуль?

- Какими другими видами вы могли бы дополнить программу отдыха?

- Насколько предложенные рекреационные занятия были привязаны к тем или иным свойствам территории или ландшафта пребывания?

- Какие свойства территории или ландшафта были подвергнуты изменению для развертывания данного рекреационного занятия?

5. Попробуйте разделить на элементарные рекреационные занятия сложный туристско-рекреационный цикл «отдых на побережьях южных морей». В качестве примера можно рассмотреть Черноморское побережье Кавказа. Какие новые виды рекреационных занятий появились там в последнее время? С какими техническими средствами или нововведениями в организации они связаны? Сравните этот цикл с циклами, предлагаемыми в ведущих рекреационно-туристских центрах мира. Какие виды

рекреационных занятий можно было бы позаимствовать, чтобы сделать более привлекательным отдых на южных морях России?

6. Вспомните сюжеты из собственной практики отдыха, когда туристско-рекреационные занятия явно не соответствовали туристско-рекреационному потенциалу. Опишите последствия, которые вызывало несоответствие для окружающей среды (природных объектов, памятников истории и культуры, архитектурных сооружений). Какие, на ваш взгляд, меры (правовые, организационные, технические) должны быть приняты для снятия данного несоответствия?

7. Проанализируйте известные вам туристские мифы, выделив мотив (или совокупность мотивов). Попробуйте придумать собственный миф, по поводу какого-либо объекта, личности, события (можно использовать собственный жизненный опыт). Попробуйте изложить миф в «экскурсионной редакции», предложив его для узкого круга своих знакомых.

8. Разработайте экологический тур для побережья Черного моря, включив в него рекреационные циклы пляжного отдыха и горного туризма. В качестве сюжетов экотура попытайтесь обыграть следующие темы:

- морские береговые процессы, формирование пляжей, проблемы инженерной защиты берегов;

- фауна моря и подводная охота;

- осыпные и оползневые процессы и формирование клифов (уступов) побережья;

- склоны предгорий и искусственные террасы;

- ландшафты и растительность различных зон высотной поясности, культурные и дикие леса, основные лесообразующие породы и кустарники;

- фауна горных лесов;

- горные ущелья и речные долины, искусственные технические сооружения на горных реках (плотины, мосты);

- альпийские луга и горные пастбища;

- высокогорье — нивальный рельеф и формы горного оледенения, ледниковые языки как индикаторы климата;

- формы этнических поселений, горные села и дома в горах;

- национальные традиции природопользования и обустройства ландшафта;

- проблемы курортной зоны: дикая и организованная рекреация на побережье.

РЕКРЕАЦИОННЫЕ ЗАНЯТИЯ, МОДУЛИ И ЦИКЛЫ В СОСТАВЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЭКОТУРИЗМА

4.1. Водный туризм как рекреационный цикл

«Труднее всего говорить о том, о чем все и так знают». Эта тривиальная истина, к сожалению, распространяется на характеристику традиционных видов активного экологического туризма: пешеходного, водного, велосипедного. Сегодня в журналах и других периодических изданиях, посвященных туризму мы, скорее, найдем пространные описания экзотических и экстремальных видов, таких как бэйсинг, джампинг или каякинг, чем объяснение того, почему десятки тысяч людей каждое лето покидают душные городские квартиры, добираются не без трудностей до «дикой» реки и, усаживаясь в брезентовые байдарки, берут в руки легкое дюралевое весло.

Поэтому в данном подразделе мы предприняли попытку дать описание простейших традиционных видов экотуризма, связанных с вполне определенным туристско-рекреационным потенциалом вмещающего ландшафта с позиций экологии, понимаемой в самом широком смысле (от видеоэкологии восприятия среды до экологии состояния этой среды). При этом мы рассматриваем эти хорошо известные виды туризма в качестве турпродукта с определенными, но до сих пор плохо изученными потребительскими свойствами.

Сплав по равнинным рекам получил распространение с появлением в 70-х годах XX в. брезентовых туристических байдарок, которые отличаются от аналогичных спортивных судов устойчивостью. Конструкция российской туристической байдарки не меняется уже полвека: лодка состоит из продольных дюралевых трубок и поперечных шпангоутов, которые, будучи соединенными вместе, обеспечивают жесткий каркас; на него, в свою очередь, надевается брезентовая «рубашка», стягиваемая с помощью дюралевых фальшбортов. Деревянные «сидушки» крепятся посредством специальных петель к местам соединения продольных и поперечных элементов каркаса и обеспечивают минимальный комфорт гребцам. Форма шпангоутов туристической байдарки такова, что правильно собранный каркас обеспечивает вполне удовлетворительную устойчивость маломерного судна, поэтому в от-

личие от спортивного аналога в туристическую байдарку можно посадить и совершенного «чайника»: на спокойной равнинной реке ему не грозит опасность «поворота оверкиль», т. е. опрокидывания.

Туристическая байдарка — судно с относительно невысокой килеватостью, поэтому в ней предусмотрена возможность управления ходом с помощью фанерного руля, прикрепляемого в кормовой части и регулируемого задним (третьим) седоком с помощью веревочного привода. Как правило, руль сохраняется только в хороших руках «частника»; у байдарок, которые можно взять на прокат, он теряется в первый же год эксплуатации, поэтому обычная техника гребли предполагает, что повороты совершаются с помощью усиления гребка, с одной стороны, и притормаживания — с другой.

Сущность сплава не так элементарна, как это может показаться, ведь вроде бы чего проще: сели и поехали, однако на деле все куда сложнее. Сплав, или хождение (ни в коем случае не плавание — так не говорят ни профессиональные речники, ни туристы) предполагает, что вы получаете удовольствие от быстрого скольжения по водной глади реки, напористо и мерно размахивая веслами, греясь и обозревая проплывающие мимо вас берега с лугами и лесами, деревушками и селами.

На наш взгляд, в каждом виде туризма есть коренное рекреационное занятие, а в этом занятии — основное движение, связанное с получением некоего набора ощущений как на физическом уровне, так и на уровне высшей нервной деятельности. Тонкое и слабо уловимое сочетание между удовольствием ощущений и удовольствием впечатлений и составляет специфику того или иного вида рекреационного занятия и построенного на его основе вида туризма. Несмотря на обилие описаний разного рода походов, восхождений, заплывов это сочетание физических ощущений и духовного состояния остается, как правило, вне обсуждения, между тем именно оно представляет истинную сущность сплава, восхождения, лазания, велопробега. Мастера туризма, с одной стороны, обращают внимание на технику прохождения препятствий, преодоления трудных мест; с другой стороны, психологи в туризме увлеклись анализом внутригрупповых взаимоотношений, но заметим, что ни то, ни другое не является неотъемлемой чертой туристской деятельности: трудности с лихвой преодолеваются и в работе (они свои у каменщика или у офисного менеджера); а межличностные конфликты возникают в любом человеческом коллективе — от матросов в кубрике подлодки до продавщиц в элитном бутике.

Удовольствие ощущений, конечно же, условное определение, за которым скрывается сложный комплекс, который, вероятно, можно разложить:

• на *ощущение от собственного физического усилия*, как правило, аэробного и цикличного: занос лопасти чуть вперед и гребок слева с неглубоким погружением лопасти и проведением ее вдоль борта за счет притягивающего усилия левой руки и отталкивающего — правой, затем крестообразное движение с выходом лопасти из воды и погружением с правой стороны; цикличность обеспечивается естественной сменой и поочередной работой отталкивающих (разгибателей) и притягивающих (сгибателей) мышц предплечья; в движении участвуют кроме мышц предплечья плечевые мышцы, кисть (обеспечивающая доворот лопасти до нужного угла), а также и мышцы спины и ног (выполняющие роль опоры, рычага для усилия рук);

• *ощущение от скольжения*, плохо передаваемое словами, но знакомое каждому чувство перемещения в пространстве «по скользящей»; оно лежит в основе многих элементарных рекреационных занятий и связано с природой человека: обреченный на прямохождение, он привыкает двигаться толчками с постоянным колебанием вверх-вниз центра тяжести и сопутствующим этому колебанию сотрясению всего опорно-двигательного аппарата; поэтому такой «кайф» (не побоимся этого сленгового выражения) доставляет человеку любое скольжение независимо от природы движения — лыжи, коньки, роликовая доска и доска для серфинга;

• *ощущение от встречного ветрового потока*, обтекающего гребцов, которое может быть комфортным в жаркую погоду и бодрящим в более прохладную;

• *ощущение от неизбежных мелких брызг*, слетающих с лопастей весла впереди сидящего гребца, которые также могут доставлять удовольствие в жару и доводить до озноба в прохладную погоду.

Не менее разнообразны и впечатления, получаемые человеком в байдарке, которые могут быть разделены на зрительные (визуальные), звуковые и даже осязательные, но все они переживаются туристом в совокупности и при этом индивидуально, поэтому описывать их — задача непростая.

Зрительные впечатления наиболее важны. Не затрагивая механизма работы зрительного восприятия (которого мы обязательно коснемся в другом подразделе), заметим, что турист-водник в этом отношении находится в совершенно особенных условиях: он находится на «дне» визуального коридора с более или менее выраженными боковыми кулисами (в виде берегов с растительностью): Кроме того, восприятие окружающего пространства у туриста-водника зависит от посадки в байдарке: передний гребец видит отдаленную перспективу, ось его взгляда повторяет все изгибы извилистого русла. Второй и третий пассажир байдарки воспринимают окружающий ландшафт боковым зрением, во всяком случае, на крейсерском ходу и при значительном усилии. Опыт пока-

зывает, что гребля с 75%-ным усилием от максимально быстрого хода уже не позволяет слишком отвлекаться на разглядывание пейзажа, поскольку это сопряжено с поворотами головы, а повороты головы нарушают общий баланс тела гребца и сказываются на скорости и ловкости движений. Поэтому на хорошем ходу турист-водник видит лопасти собственного весла, фальшборт байдарки и водную гладь. Однако о скудости зрительных ощущений говорить не приходится: вода всегда отражает переменчивое небо, а в солнечную погоду на ней играют блики, разбивающиеся от погружения весла на тысячи мелких «осколков».

Водные растения, плавающие и погруженные в потоке (кубышка желтая, «лилия», сусак зонтичный, стрелолист, различные рдесты), также притягивают взгляд туриста. Картинка дополняется бровкой пойменного берега, песчаной бечевой, кустарниками и травами пойменного луга, зарослями ивняка и ольхи.

Для перемещения по воде очень характерен эффект *визуального зацепления за отдаленный зрительный репер*. Идущие по воде на байдарке туристы неосознанно схватывают находящуюся на значительном отдалении «цель»: одиноко стоящее крупное дерево с раскидистой кроной, мыс выпуклого берега, колокольню церкви высоко на речной террасе и т.д. Важно, что зрительный репер воспринимается как предел, до которого надо «дотянуть» на очередном отрезке пути, причем «дотягивание» воспринимается и как физическая задача (дотерпеть на заданном уровне усилий), и как детализация зрительного образа по мере приближения. В этом сочетании задачи на преодоление (уговаривание самого себя как спасение от дурной бесконечности маршрута) с задачей восприятия-рассматривания («что это там такое красивое впереди?») заключается одно из основных различий между туризмом и спортом.

Визуальное членение маршрута с помощью расстановки зрительных реперов — один из механизмов структурирования длительно-го и довольно напряженного процесса перемещения.

Обычная малая река всегда имеет излучины, перемещаясь по которым, турист всегда оказывается среди двух разных берегов: высокого коренного вогнутой части меандра и выпуклого низкого намывного с пляжевой отмелью. Высокий берег часто нависает над байдаркой, создавая ветровую тень и зрительную стенку, по которой взгляд поднимается высоко вверх вплоть до верхушек крон деревьев. Отмели низкого берега находятся на уровне наблюдателя. Восприятие двух почти всегда различных берегов также разнообразит зрительные впечатления.

При этом надо понимать, что позиция туриста-водника не слишком хороша для ориентировки, поскольку положение вровень с водой иногда не позволяет правильно оценить окружающий ландшафт. Так, всякому воднику известно как трудно бывает най-

ти выход из озера, водохранилища или просто расширенного участка реки с низкими заболоченными берегами и многочисленными заливами изрезанной береговой линии.

Звуковые впечатления на воде — особая тема. Акватория малой реки или озера — спокойное место, тишина которого нарушается лишь криками птиц, всплесками рыбы, журчанием впадающих ручьевых притоков. Свой, отличный от других мест на реке шумовой спектр имеют речные перекаты, где вода с ревом (в половодье) или шорохом и журчанием (в межень) проходит через скопления валунов и галек. Однако и собственный ход байдарки, даже относительно мягкий с неинтенсивным гребком, всегда сопровождается своеобразным шумом, который лишь с известной долей условности можно классифицировать как шум, правильнее, наверное, было бы называть его «шорох воды». При интенсивном гребке шорох возрастает и дополняется всплеском с усилием погружаемых весел, что, конечно же, еще не делает байдарку похожей на колесный пароход, но все же создает своеобразие звуковых впечатлений этого вида туризма.

Так или иначе, водный маршрут — настоящая лечебница для изможденного грохотом городских улиц соотечественника. В перерывах, во время отдыха на воде, когда байдарки встают в ряд и гребцы «сушат весла», можно услышать абсолютную тишину, нарушаемую только стекающими с весельных манжетов капельками воды и легким шелестом прибрежных трав, — симфония, с которой могут сравниться не многие, созданные человеком.

Таким образом, туристский сплав на байдарке по равнинной реке — весьма привлекательное рекреационное занятие, где сравнительно невысок уровень начальной подготовки, несложен основной навык работы с байдарочным веслом и в то же самое время богат и разнообразен набор ощущений и впечатлений.

4.2. Сплавной маршрут — от истоков к устью

Не посягая на славу известного английского туриста-водника, создавшего «Трое в лодке, не считая собаки», автор все же хотел бы остановиться на некоторых особенностях водного экотура! Сплавной маршрут привязан к реке, и она диктует последовательность действий, чередование впечатлений, смену сложных и простых, комфортных и неудобных участков.

Подготавливаясь во время предварительного периода к путешествию, туристы, как правило, видят на карте голубую линию реки, наличие которой позволяет молчаливо предполагать возможность сплава, однако это заблуждение. От истоков до устья любая река неоднократно меняет свой облик до неузнаваемости, но в этих переменах есть известные закономерности.

Сплав всегда направлен от верхних отрезков реки вниз по течению; иногда туристы-водники пытаются подниматься вверх на том или ином отрезке русла, но выгребать против течения — всегда нелегкий труд. Даже медленные меженные скорости (0,10—0,15 м/с) значительно затрудняют движение вверх по реке и заметно «добавляют ходу», если вы сплавляетесь вниз по течению.

Главное затруднение, которое часто испытывают неопытные туристы, — это определить, с какого участка реки начинается собственно сплавной ее отрезок.

Верховья рек Европейской России часто привязаны к водораздельным болотным массивам, в пределах которых русло может выглядеть как узкий ручеек, с трудом пробивающий себе путь через заболоченные мочажины, поросшие влаголюбивым разнотравьем и сероольшаниками. Такие отрезки могут представлять интерес разве что для профессиональных экологов, но уж никак не для туристов: сплав здесь невозможен. Поэтому чтобы, проектируя маршрут, не попасть на такой отрезок, необходимо пользоваться крупномасштабной картой, содержащей отметки со значением ширины и глубины русла, скорости течения а также индексы характера грунта дна.

Вообще следует иметь в виду, что, как правило, первые 6—8, а то и 10—15 км своего течения (из показанных на карте) река формирует так называемое *ленточно-грядовое русло*. В таком русле весной в паводок формируется единая цепь подводных гряд с «шагом» (расстоянием между гребнями смежных гряд), обычно составляющим 5—8 ширин русла. Отдельная ленточная гряда имеет очертания языка, концевая изогнутая часть которого чуть приподнята и направлена вниз по течению. В межень движение донных наносов на такой реке напоминает перевевание песков через гребень бархана — вода лениво переносит частицы через песчаный язык, срываясь с него и падая в низовую часть, называемую подвальем.

В межень концевые возвышенные части гряд обсыхают и все русло делится на бочаги и разделяющие их отмеди, зарастающие к июлю водными растениями. К сожалению, десятки малых рек послужили в свое время водоприемниками для мелиоративных систем, развернутых на заболоченных водоразделах; прошедшая по дренам и магистральным каналам торфяная крошка осаждалась в речных бочагах, забивая зоны раскрытия русловых родников; реки мелели и отступали от истоков на многие километры.

Неудачливые туристы, высадившиеся на таком участке, будут вынуждены в течение одного-двух дней идти пешком, наподобие бурлаков волоча груженные байдарки за фал (веревочный трос, привязанный к носовой части байдарки). При этом взявший на себя роль коренника будет вынужден шагать прямо по руслу, бредя по колено в воде, поднимаясь по щиколотку на грядах и прова-

ливаясь по грудь в подвальных ямах ниже по течению... Все это выглядит очень экзотично, но в турпродукт такие путешествия лучше не включать.

Ниже по течению ширина малой реки достигает 8—14 м, а русло становится *побочневым*. Это означает, что русловые гряды располагаются в русле асимметрично, а их выступающие вниз по течению гребни причленяются поочередно то к правому, то к левому берегу. В летнюю межень повышенные части гряд обсыхают и образуют расположенные в шахматном порядке песчаные отмели-побочни. Побочное русло обычно имеет полный набор русловых форм. Каждый побочень заканчивается ухвостьем — нижней (по течению) частью отмели, которая пересекает под углом стрежень потока, соединяясь с верхней (оголовком) частью смежного побочня. Это подводное соединение образует *перекат* — место «торможения» в потоке самых грубых и крупных обломков. Стрежневая часть потока формирует изогнутую *плесовую ложину*, открывающуюся к перекату «корытом». Ниже переката поток как бы срывается с уступа, образуя углубленное подвалье, своего рода «водобойный котел» — элемент, представляющий реальную опасность в большую воду, так как именно здесь наиболее значительна сила, прижимающая пловца или лодку ко дну. Побочное русло уже пригодно для сплава — собранные на побочневой отмели байдарки можно спускать на воду и потихоньку продвигаться вниз по течению, хотя на перекатах при глубинах на более 0,05—0,10 м лодки еще могут «скрести» по дну. В этом случае туристы покидают байдарку и бережно проводят ее с минимальной осадкой, стараясь не задевать за острые края валунов.

Несмотря на эти затруднения побочневый участок чрезвычайно хорош для понимания закономерностей работы течения и образования основных русловых форм. Река еще настолько невелика и прозрачна, что можно наблюдать, как тонкие пески ухвостья побочневой отмели сменяются грубым галечником перекатов. По плесовой ложине струится быстрой стрежневой поток, и не нужно читать учебник по гидрологии, чтобы понять, что такое динамическая ось потока: стрежень заметно «мотает» от берега к берегу, от отмели к отмели, зато становится понятным основной принцип сплава: держаться в стрежневой струе реки, слегка подрезая ее в точке поворота; иными словами, на прямом отрезке течения гребцы должны удерживать байдарку точно в стрежне, но по мере приближения к точке разворота они, как бы опережая события, выходят из струи, разворачивая лодку чуть раньше, чем повернет сама река, тем самым удается избежать сноса к вогнутому берегу и достичь максимальной рациональности хода.

На следующем отрезке течения туристы попадают в область средних течений рек. В слабоизогнутом русле угол разворота динамической оси (стрежня) потока не превышает 45—90° — на то-

пографической карте синяя линия такой реки напоминает синусоиду. Основным элементом русла выступает собственно «меандр» — излучина с вогнутым (размываемым) и выпуклым (намываемым) пляжевым берегом.

Основной аллювиальной формой слабоизогнутого русла является перекошенная гряда — *пляж*. По контуру выпуклого берега излучины располагается прирусловой вал — верхняя обсыхающая в межень часть пляжа. В отличие от побочня пляж может смещаться только вместе со сползанием излучины, он всегда приурочен к ее выпуклому берегу. Каждая излучина имеет два переката и плес, расположенный между ними. Наиболее глубокая часть плеса приходится на низовую треть вогнутого берега излучины.

Важнейшим элементом излучины является пойменный массив — горизонтальная площадка сегментной формы, наклоненная вниз по течению (от верховой части к низовой). В ходе развития излучины (ее изгибания и сползания) на выпуклой внешней стороне пляжа создаются новые валы, а старые как бы отодвигаются вглубь поймы. В конечном счете каждый развитый пойменный массив оказывается состоящим из веера параллельных дугообразных береговых валов (особенно хорошо видных на сенокосных лугах в речных долинах), как бы фиксирующих историю перемещений русла. Береговые валы, отодвинутые вглубь пойменного массива, называются *гривами*. У обычной реки в вершине излучины (т. е. в точке поворота стрежня реки) русло имеет два резко асимметричных берега: низкий пляжевый и высокий коренной; это связано с тем, что излучина смещается в сторону вогнутого берега и постепенно подмывает его. При продвижении вниз берега как бы «меняются местами», отмельный повышается и переходит в вогнутый коренной, эта постоянная смена и составляет уже отмечавшееся нами основное разнообразие пейзажного ряда во время путешествия по реке.

Средние отрезки рек идеальны для сплава: ширина реки в 25—50 м с пойменными бровками, возвышающимися над руслом на 1,5—2,0 м, делают акваторию уютной и закрытой от ветра, что немаловажно в прохладную погоду. Глубины в стрежневых лощинах составляют в среднем около 1,5 м, такая толща воды еще легко пробивается солнечными лучами, поэтому проходя по лощине на прямом отрезке течения, сплавщики видят перебиваемые водой курчавые заросли рдестов, длинные, как женские волосы, клиновидные листья сусака зонтичного. При подходе байдарки к пляжевой отмели из воды живописно торчат листья и цветоносы стрелолиста или ежеголовника с шаровидными головками цветков. На перекатах блестят разноцветные гальки, кое-где закрытые плотными, полоскающимися в воде зарослями лютика жестколистного, омежника водного. В спокойной воде плеса — целые подводные леса рдеста плавающего, кубышки желтой, кувшинки чисто-белой.

В средних областях речных долин наши реки, как правило, еще действительно имеют течение. Именно здесь можно разогнаться и поставить личный рекорд скорости, местами течение буквально проносит над перекатами. А можно найти тихий плес под вогнутым берегом в тени деревьев, вытащить весла из воды и, зацепившись за ближайшие кусты, на несколько минут замереть. Тогда вы увидите, как перелетают с места на место синие стрекозы-красотки, как тащится по дну неуклюжий рак, как пролетает низко над водой неизвестная пичужка, как бултыхнулась в потоке водяная крыса, как выпархивают из своих круглых гнезд в обрыве высокой поймы юркие ласточки.

В среднем течении река обычно имеет хорошо террасированную долину; на ровных площадках террас фасадами к реке выстраиваются дома старых деревенек, выше за бровкой коренного берега долины можно видеть купола и колокольни исторических сел, словом, удовольствие зрительских впечатлений гарантировано.

Сплав в среднем течении можно считать классическим: удерживаясь в срежневой зоне потока и избегая крутых поворотов за счет «подрезки» потока в вершине излучины, байдарочники на равнинной реке могут развивать скорость до 6—7 км/ч, что обеспечивает и приятное скольжение, и быструю смену впечатлений. К недостаткам средних отрезков течений рек можно отнести зарастание: к середине лета отмельные участки и плащеобразные перекаты могут практически полностью зарастать водными растениями, причем некоторые из них, например камыш озерный (схеноплектус), способны забивать все живое сечение русла. Продвижение по таким участкам крайне затруднено: если в поперечном створе русла сохраняются отдельные протоки приходится вписываться в них, что требует от гребцов немалого искусства. При прохождении сплошных «мертвых зон» весла становятся почти бесполезными, гребцы продвигают лодку толчками, перехватываясь по ходу за стебли камыша.

Однако эти неудобства с лихвой восполняются общими свойствами ландшафта речной долины на ее средних отрезках. Хорошо выраженный поперечник с площадками террас и пойм предоставляет широкие возможности для устройства палаточного лагеря. Лагерь побольше может быть расположен на коренном берегу надпойменной террасы на опушке ленточного бора. Здесь можно установить пять-шесть палаток, обустроить полевую кухню, в глубине лесного массива на водоразделе «припрятать» аккуратно сделанную яму для отходов, которую после использования обязательно закопать и прикрыть ломтиками дерна. В таком лагере, если позволяет погода, можно оставаться на несколько дней, чередуя купание и отдых на воде с прогулками по лесу.

Продолжительные стоянки используются опытными сплавщиками и для специальных целей, прежде всего для «текущего» ре-

монта байдарок. Проход над перекатами не всегда заканчивается для байдарки благополучно — острые обломки могут сильно поцарапать даже прорезиненный поддон рубашки. Иногда плавсредство получает царапины от столкновения с топляками. В межень на реках в створе деревень часто устраивают низкие мостки из врытых в дно деревянных столбиков и прибитых горизонтально досок, называемые лавами. Трехдюймовые гвозди, порой торчащие наружу из такой конструкции, сколоченной местными умельцами, пробили не один «нырок» и продырявили рубашку не одной байдарки. Для ремонта и подклейки байдарки необходимо от нескольких часов до полутора-двух суток. Поэтому длинная стоянка часто становится «находкой» по причинам технического порядка.

Стоянка — хороший повод поучиться «ходу» на разгруженных байдарках, совершая разведывательные поездки вниз и вверх по течению. Уставшие от работы на веслах взрослые могут уступить место детям и подросткам, которые наконец-то почувствуют себя капитанами.

Отдых на стоянке — такая же часть турпродукта в водном туризме, как и сам сплав по воде. Выбор места для остановки на ночлег — тоже своего рода искусство, которое в коммерческом туризме должно стать частью камерального проектирования маршрута. Плохо, если на глазах усталой и голодной группы, да еще в плохую погоду, оператор будет неуверенно «нащупывать» место: то ли здесь остановиться, то ли там, то ли где-то еще. В общем случае признаками хорошего места служат такие условия, как сочетание свеженамытого пляжа с высокой пойменной площадкой без признаков сырости и тем более заболачивания; в идеале хорошо, если поблизости будет и бровка террасы с лесом (так как в сосняке всегда много валежника, да и горят сосновые и березовые дрова лучше сырой ольхи). Ставить палатки лучше на высоком берегу, это предотвратит их от росы и вымокания. Однако на практике, если долина лежит в пределах обширной низменности, приходится «цепляться» и за сухие гривы на пойме.

Хорошо если рядом есть источник. Некоторые родники бьют из поноров — низко расположенных отверстий в бровке пойменного берега; иные дают начало небольшим притокам возле тылового шва поймы. Набирать воду прямо из реки, к сожалению, на большей части водотоков Русской равнины уже не рекомендуется.

Не подойдут ни сплошной лес, подходящий к кромке берега, ни голый луг. Лучше всего турист (как и его отдаленный предок — человекообразная обезьяна) чувствует себе в парковой саванне: вот такое сочетание куртин деревьев с лужком и выбирайте.

Ощущение кайфа у сидевшего целый день в байдарке туриста-водника начинается уже после первого шага по твердой земле: затекшие за день и разучившиеся ходить ноги с трудом удерживают усталое тело, но после нескольких минут ходьба начинает достав-

лять настоящее наслаждение (тут-то и начинаешь вспоминать о магеланнах и куках, проводивших в море многие месяцы, а то и годы). Опытные туристы, прибыв на стоянку, прежде всего заботятся о судах, то бишь о байдарках, которые выносят на берег и аккуратно укладывают вверх днищем, чтобы вытекла собравшаяся за день с весел и от брызг (а также от «пробоин» вода).

Дальше группа должна быть разбита по рабочим функциям. Настоящие туристы ведут себя в природе как профессионалы природного быта (геологи, изыскатели, геодезисты, охотники). Каждый берет на себя какое-либо дело, которое делает споро и молча, не болтаясь под ногами у других и не пытаясь выговорить себе часть полегче.

Последняя по времени часть сплавного маршрута, как правило, приурочена к нижним отрезкам течений рек. Здесь русло еще раз меняет свою морфологию, соответственно меняются и условия сплава. В нижнем течении значительно увеличиваются размеры реки: ширина возрастает до 40—60 и даже 80—100 м, глубины достигают сначала 3,0—3,5, а затем и 4,0—4,5 м. Излучины приобретают подковообразную (или петлеобразную) форму, одновременно происходит сближение центральных участков выше и ниже расположенных излучин, которое завершается образованием узкого перешейка. В очередное половодье может произойти прорыв этого перешейка и образовавшаяся короткая спрямляющая протока с большим продольным уклоном быстро разрабатывается, превращаясь в основное русло и перехватывая весь сток реки. Отпавшая излучина обращается в старорестье. Оно вскоре отчленяется от вновь сформировавшегося русла, заиливается и постепенно превращается в серпообразное пойменное озеро.

Петлеобразные излучины сильно отличаются от побочного русла. На перегибе такого русла располагается перекат, низовая оконечность которого переходит в неподвижный *пляж* — полукруглую серповидную отмель у выпуклого берега реки. На ранних стадиях развития излучины плес находится там, где ему и положено быть, — в нижней части вогнутого берега. Однако затем в изгибе излучины возникают дополнительные плесы, уже не являющиеся подвальем переката. Таким образом, русло реки начинает напоминать неправильный желоб с чередой ям, разделенных мелководными участками («перевалами») и не всегда хорошо выраженным перекатом. Тем не менее перекааты встречаются и на этих отрезках течений рек, в особенности там, где река переходит с одного топографического уровня (скажем, возвышенности) на другой (низменность). В таких местах возникают обширные плащеобразные перекааты с крупными валунами, возле которых образуются «стоячие волны», «прижимы» и «сливы».

Петлеобразные излучины нижних отрезков течений рек значительно удлиняют весь маршрут сплава. Именно здесь «набегают»

наибольшие ошибки при предварительном «домашнем» исчислении продолжительности сплава. Если вы работали с картой мелкого масштаба (скажем, в 1 см — 2,5—3,5 км), а как раз такие карты и были до недавнего времени в открытом пользовании для граждан, то вымеренная вами длина может отличаться от истинной в несколько раз. Река шириной 40—50 м может делать излучины радиусом 300 м, и эти осцилляции будут совершенно «генерализованы» в мелком масштабе: вы попросту их не увидите.

Ошибки могут быть поразительными. Автору этих строк пришлось сталкиваться с ситуацией, когда выходящая на маршрут группа ошибалась с определением длины сплава (и, следовательно, с количеством потребного провианта) в нижней его трети на 50—70 км, что удлиняло весь поход на два-три дня и заставляло туристов-водников переходить на более чем скудный рацион питания, поскольку села с магазинами, в которых можно было докупить провианта, оставались далеко позади.

Однако помимо этих «гастрономических печалей» нижний отрезок течения готовит и другие сюрпризы. Прохождение петлеобразных излучин быстро утомляет психологически. Ведь при угле разворота русла в 240—270° у туристов, идущих по реке, возникает ощущение, что они крутятся практически вокруг одного и того же места. Представьте себе пойменный массив в пределах русловой петли с надежным зрительным репером, скажем старой раскидистой ветлой на перешейке излучины. Входя в верхнее крыло излучины, вы уже видите справа по борту эту крупную иву и оставляете ее за спиной, продвигаясь к вершине излучины. Находясь на самой вершине, вы сможете увидеть разве что верхушку дерева, отдаленную от вас на всю глубину пойменного массива. Однако, совершая поворот в вершине излучины и входя в ее нижнее по течению крыло, вы опять будете постепенно приближаться все к тому же дереву, которое может уже и не показаться вам живописным, так как, отработав 800—900 м пути, вы считаете себя вправе полюбоваться новым видом и зацепиться глазами за свежий репер.

Мало того, излучины самого русла часто оказываются вложенными в так называемые макроизлучины речной долины (представьте, что на графике синусоиды на крупные колебания наложены более мелкие — по фазе и размаху). Тогда сплавщикам в отдельные моменты вообще начинает казаться, что они двигаются в обратную сторону. В этом случае особенно плохую службу могут сослужить высокие издали заметные реперы. Например, довольно известный в центральной России сплавной маршрут по реке Устье-Которосль заканчивается в предместьях города Ярославля, с южной стороны которого высятся огромный нефтеперегонный завод. Так вот, трубы этого завода становятся видны за несколько десятков километров до конца сплава, но при этом туристам кажется, что они так никогда и не доедут до финально-

го створа, так сильно меандрирует Которосль в пределах широкой озерной Ярославско-Костромской низины.

Если добавить к этому, что к низовьям рек приурочена заключительная часть сплава и туристы уже действительно могут быть обуреваемы параноидальным стремлением попасть домой, да еще вполне понятная накопившаяся усталость, то картина становится полной.

Тем не менее и в низовьях сплав может доставить немало удовольствий. Физические параметры русла таковы, что ровное спокойное течение обеспечивает нормальную скорость практически по всей ширине потока; здесь нет необходимости активно рулить и пытаться держаться непременно в стрежне. Сплавщики лишь по привычке «подрезают» излучину, сокращая путь, однако по мере расширения русла значимым становится совершенно иной фактор — встречный ветер. Вообще на широкой акватории аэродинамика несущейся байдарки во многом определяет интенсивность затрачиваемых усилий. Даже слабый встречный ветровой поток значительно замедляет продвижение, к тому же гребцы начинают испытывать все прелести холодного душа, так как брызги с лопастей весла переднего гребца перелетают на лица и тела сидящих за его спиной сотоварищей. В прохладную погоду на двенадцатый день сплава после завтрака, который состоял из подмоченных сухарей (ибо остальные продукты уже закончились), очень трудно поверить в то, что вас обдали холодным душем не специально. Начинаются взаимные обвинения по поводу индивидуальных навыков гребли, которые перерастают в напряженность и затаенное раздражение. В некоторых случаях при встречном ветре переднего вообще просят не работать, ибо вымокание становится невыносимым, но и сидящего в созерцательной прострации «первого номера» выносить не легче...

В нижнем течении водные растения уже не могут служить помехой продвижению. Пояса зарастания — живописные круглые листья кубышки желтой и рдеста плавающего — окаймляют русло по берегам, но фарватер почти всегда свободен. Если и приходится «жаться» под берег, то именно из соображений уменьшения ветрового сопротивления.

Увеличивающаяся акватория — обширное водное зеркало — уменьшает субъективно эффект от усилий гребцов. Если в узком русле каждый рывок продвигает вас вдоль видимого боковым зрением берега, то на широкой реке в поле зрения только водная гладь и ощущение скорости как бы гасится. Здесь труднее «расславлять» репера и приходится запасаться терпением на большие отрезки дистанции.

Удовольствие от восприятия окружающего ландшафта на широкой реке зависит от состояния погоды. В теплый солнечный день вода имеет множество оттенков, на ее поверхности отражаются

небо и облака; окидывая взглядом панорамный пейзаж, увидишь и луга на низкой пойме, и опушку леса на бровке высокой террасы, и крыши деревеньки на водоразделе. Роскошные крупные хищники вроде ястреба или скопы парят кругами над рекой, высматривая добычу. То там, то тут плеснет плавником рыба (всегда кажется, что в-о-о-о-т такая огромная), оставляя на воде круги. Ветерок приятен и лишь слегка обдувает обожженное солнцем лицо. Легкие брызги освежают и забавляют. Солнце дробится в отсветах от всплеска после гребка. Всегда сильный в низовьях речной запах кажется уже почти родным; можно на полминуты положить весло на борт и опустить усталые руки в воду, ощущая, как вода бежит сквозь растопыренные пальцы и холодит ладони.

Можно устроить соревнование на перегонки — именно так сознательно или полусознательно и поступают команды, поскольку ширина реки позволяет свободно разойтись многим лодкам. Смена монотонного ритма гребли на «рваный» на некоторое время принесит облегчение или, во всяком случае, развлекает гребцов.

Однако северное лето ненадежно: затянутое облаками с утра небо, упавшая на 3—4° дневная температура и холодный встречный ветер значительно меняют картину ощущений. Вода кажется серо-стальной, и прикасаться к ней не хочется. Брызги раздражают, а ветер пробирает до костей, согреться можно только интенсивной работой, но при этом и быстрее устаешь, а через 3—4 ч просто выматываешься. Серая поверхность воды сливается в перспективе с серым же небом, ничто на горизонте не притягивает глаз. Берега кажутся скучными и невыразительными, рассмотреть отдельные детали невозможно, да и не хочется. Если же вдобавок займется накрапывающий дождь, то настроение и вовсе падает, здесь уже не отсидишься под кустом ивняка или ольхой, как в верховьях, — приходится прибиваться к берегу и становиться на отдых...

Мы лишь коснулись того, о чем обычно умалчивают скупые строки туристских отчетов, но что составляет, на наш взгляд, сущность этого вида экотуризма. В России существуют сотни рек, пригодных для обучения навыкам спокойного равнинного сплава, хождение по таким водотокам гарантирует ощущение удовольствия уже на начальной стадии путешествия. Кроме того, традиции водного туризма имеют в нашей стране давнюю историю. Для создания качественного турпродукта зачастую необходимо лишь «застолбить» наиболее удобные места для стоянок и минимально их обустроить, соорудив фиксированные кострища, элементарные навесы от дождя, простейшую лесную «мебель» и обеспечив минимальный запас дров. Такого рода работа вполне может быть проделана лесниками местных лесничеств по специальному договору с турфирмами.

4.3. Характеристика занятий и модулей: велотуризм

Современный велотуризм столь многолик и разнообразен, что мы и не будем пытаться описать все его виды в деталях и подробностях. Путешествие на велосипеде как вид элементарного занятия хорошо демонстрирует закономерность, распространяющуюся и на другие виды туризма и экстремального спорта, а именно: если элементарное рекреационное занятие связано с каким-либо техническим средством, то усовершенствование этого технического средства увеличивает потенциальные возможности основного рекреационного занятия, что приводит сначала к распространению его на разные типы ландшафтов. В свою очередь использование технического средства в специфических условиях определяет появление специализированных разновидностей, которые также совершенствуются и развиваются. В итоге возникает разделение единого вида туризма на разновидности, каждый из которых занимает свою экологическую нишу. В ходе такого разделения (которое с точки зрения современной теории эволюции представляет собой классический пример «дивергентного развития в благополучных условиях») возникают виды, различающиеся:

- вмещающим ландшафтом (горный и равнинный велотуризм);
- уровнем сложности и соответственно приемлемого с точки зрения участников уровнем риска;
- базовым техническим средством и комплектом сопутствующих аксессуаров, обеспечивающих вид деятельности и иногда вызывающих развитие целой ветви специализированной индустрии.

Так, техническим средством велотуризма в СССР начиная с 1970-х годов был спортивный велосипед. Особым спросом пользовались изделия Харьковского велосипедного завода (ХВЗ), отличавшиеся качеством и надежностью. В велотуризм приходили, как правило, бывшие спортсмены или просто поклонники велоспорта, поэтому использование спортивных машин было для них делом естественным. Практиковались два варианта: либо на основную модификацию спортивного велосипеда «Старт-шоссе» ставились камеры с покрышками (спортивная резина угрожала частыми проколами на дороге), либо использовались полуспортивные машины серий «Спорт» и «Спутник». В обоих случаях опытные туристы проводили операции, которые теперь принято называть тюнингом, т. е. доводили машины до требуемых кондиций. На раму крепились титановые багажники, над задним колесом ставились крылья от грязи, укреплялась тормозная система. Такой прошедший тюнинг «Старт-шоссе», по мнению автора, и до сих пор является непревзойденной машиной равнинного велотуризма.

В то же время во всем мире велотуристы активно осваивали полугорные и горные территории. Это привело к настоящей эво-

люции туристического велосипеда и появлению существенных изменений в его конструкции (которые специалисты по теории эволюции назвали бы ароморфозами, т. е. такими изменениями, которые значительно расширяют спектр осваиваемых видом экологических ниш). Именно это и произошло со спортивным велосипедом. Появление усиленной надежной рамы с отказом от классического спортивного «треугольника», а также применение амортизаторов мотоциклетного типа для рулевой колонки и обоих колес избавило туриста от постоянных ударов по позвоночнику и сделало более комфортной езду при пересечении сложных и каменных участков.

Широкие шины с прочным ободом, усиленными спицами и надежной глубоко профилированной покрывкой камеры превратили велосипед в «почти вездеход», который позволяет туристу чувствовать себя уверенно и на песке, и на гравийном грунте, и в условиях смертельной для всех спортивных машин жидкой глинистой грязи.

Отказ от спортивного руля в пользу руля с расширенной базой и дополнительными подлокотниками позволяет одинаково успешно «рулить» на ровном автобане и совершать головокружительные манипуляции на сложной полугорной тропе, не рискуя при этом утратить равновесие.

Усиление механики передаточных шестеренок, pedalной «звездочки» и суппорта с сохранением большого количества передач (на некоторых моделях их так много, что пользователи просто теряются, не зная что с ними делать) позволяет быстро переключаться и менять скорость, а следовательно, и мощность мускульного усилия на разнообразных покрытиях и при резких сменах уклонов трассы. Словом, современный туристический велосипед со всеми «наворотами» выглядит «серьезной машиной», которая в общем тяжелее былого «Старт-шоссе» и не может похвастаться его инерционностью и скоростью, однако проигрыш в скорости с лихвой компенсируется возросшей проходимостью и надежностью машины (если, конечно, в вашем распоряжении не окажется дешевенькая подделка из Китая).

Технические нововведения привели к самой настоящей вспышке распространения велопутешествий как вида туризма. Велотуризм оказался возможным практически всюду: от песков полупустынь до болотных тундр и даже арктических льдов. Безусловно, российские велотуристы и раньше брали штурмом Памирские трассы, но такого рода достижения были уделом уникальных спортсменов. Появление туристического велосипеда сделало велотуризм повсеместным, возникли и специализированные его направления связанные с предпочтением горных территорий и (крайний вариант) со спортивным трюкачеством на экстремальных субстратах типа каменных рек и скальных россыпей.

Характерно, что в результате такого развития (или все-таки точнее — эволюции) генеральная популяция велотуристов поделилась на специализированные группы, занявшие различные экологические ниши. Так возникли и оформились подвиды велотуризма, дальнейшее развитие некоторых подвидов привело к оформлению технических занятий, которые уже относятся, скорее, к экстремальному спорту (последний, впрочем, также принадлежит в широком смысле к туризму, но отличается от него «элитарностью»). Так появились и зажили своей жизнью *кросскантри* — езда по пересеченной местности, *даунхил* — скоростной спуск (бывает летний и зимний), *триал* — передвижение на велосипеде по замысловатым препятствиям.

Развитие велосипедного движения привело к существованию достаточно хорошо различающихся рекреационных занятий, каждое из которых использует свой особенный велосипед в своем типе ландшафта (местности) и предполагает специфическое вождение. В этом плане можно выделить следующие виды велотуризма.

1. *Велопрогулки* (или так называемые покатушки) — непродолжительные поездки на 0,5—1,5 ч, совершаемые в аэробном небыстром темпе (скорость, как правило, не больше 20 км/ч) с общей длиной маршрута (часто кругового, например по набережной реки или парковой дорожке) от 5 до 25 км. Для этой цели используются любые велосипеды: от старых советского производства до новых «навороченных», в том числе весьма специализированных, однако владельцы таких машин, как правило, не имеют представления о возможностях своего железного коня, да это и неважно для них: они получают удовольствие. Непременным атрибутом таких покатушек является любование городом и горожанами, а также лучше или хуже скрываемое желание «показать себя» — немаловажный психологический аспект некоторых рекреационных занятий.

Покатушки обычно совершаются одиночно или небольшими (два-три человека) группами и могут быть в первом приближении поделены на три вида занятий:

- прогулочное катание в культурном ландшафте города (часто для этой цели используются набережные или пешеходные зоны центральных частей города, парковые дороги);
- прогулочное катание по пригородным отрезкам автодорог в сельской местности;
- катание по специально подготовленным трассам (для России пока что экзотика, но первые примеры уже имеются).

2. *Равнинный классический велотуризм* — велопутешествие меньшей (100—150 км) или большей (300—600 и более) протяженности, совершаемое уже на хорошей крейсерской скорости (25—30 км/ч) с преодолением в течение дня значительных расстояний (от 60 до 150—200 км и даже более — в зависимости от уровня

подготовленности туристов). Может быть разделен на различные виды в зависимости от целей классифицирования, например:

- велотуризм с культурно-познавательным уклоном по трассам, пересекающим исторические города (очень популярны маршруты по городам Золотого кольца), для таких путешествий обычно характерен относительно спокойный темп, ночевки в палатках, задержки на экскурсиях; к нему более склонны люди зрелого и старшего возраста (автору как-то раз в городе Мышкине встрети-лась группа велотуристов из Москвы, самому молодому участни-ку которой было 55 лет, причем все велосипедисты находились в уникально хорошей спортивной форме);

- велотуризм с природным уклоном по дорогам, проходящим по уникальным или просто красивым ландшафтам;

- велотуризм со значительной долей спортивных задач, кото-рые могут быть поставлены различным способом: увеличение про-должительности как общего маршрута, так и ежедневных отрез-ков, и выбор усложненных (например, холмистых или предгор-ных трасс).

3. *Горный велотуризм* — предполагает преодоление горных трасс, в классическом своем варианте отпочковался от равнинного, имеет все его атрибуты — ночевки на природе, тяжелые велосипеды со специальным багажниками и пр. Однако специфичность и слож-ность задачи потребовали не только трансформации машины (по-явился горный велосипед — маунтбайк), но изменения образа жизни туриста. Нынешние маунтбайкеры свысока смотрят на «мешочников», для них цель — преодоление сложной трассы, поэто-му они путешествуют налегке (часто подвозят себя и велосипеды к интересующему участку на автомобилях) и предпочитают отели палаткам. Ныне существует множество подвидов горного велоту-ризма:

- классический горный велотуризм с преодолением продолжи-тельных трасс по горным дорогам и перевалам, маршруты не пред-полагают схода в асфальта, основная сложность — вождение на серпантине и преодоление тяжелых подъемов (и спусков);

- маунтбайкерский туризм с прохождением технически слож-ных трасс, в том числе коротких или разбитых на этапы, по естест-венному рельефу без покрытия (щебенка, фрагменты «каменных рек», горные тропы, морены, альпийские луга).

Эволюция маунтбайка привела к выделению его отдельной спортивно-технической ветви, связанной с велотрюкачеством, которое именуется у специалистов фристайлом и которое, на взгляд автора, очень близко к цирковому катанию (даже и велосипед усовершенствован схожим образом — нет холостого хода цепи и можно двигаться как вперед, так и назад). Под «свободным ката-нием» понимают преодоление очень сложных фрагментов трасс или даже особенных отельных элементов, вроде перепрыгивания

с валуна на валун или преодоления крутого каменистого откоса. Разновидностей фристайла ровно столько, насколько хватает у подростков фантазии затащить велосипед на некий субстрат (вроде груды валунов, деревянных ящиков или железобетонных конструкций). Фристайл уже даже и не туризм, а скорее спортивно-рекреационное занятие, но упомянули мы о нем неслучайно: во всех видах туризма есть крайние спортивно-технические ответвления, которые в конце-концов возвращают человека от природы обратно к городу как техноурбосистеме. В этих ответвлениях проявляется индивидуальность потребительских предпочтений в отдыхе: оказывается, определенной части новой генерации человечества порой удобнее не бывать на природе, а получить все прелести преодоления трудностей по месту основного проживания, т. е. в городе. Тогда и возникают построенные стенки для «скалолазания», замороженные ледяные стенки для айсбоулдеринга, бетонные желоба и другие конструкции для маунтбайкеров и поклонников фристайла.

Точно такую же эволюцию претерпели и претерпевают на наших глазах и другие виды перемещений в пространстве: вид-прародитель, получая популярность, вызывает к жизни цепь усовершенствований технических средств (неважно каких — лыжи, байдарки); в свою очередь, более совершенное средство передвижения открывает новые возможности и наиболее активная часть туристов (спортсмены от туризма) берет на себя риск применения этих средств в необычных условиях (на новых территориях или акваториях). В результате этих экспериментов рождается новый стиль (техника), производятся некоторые специальные усовершенствования под конкретные условия и возникает по сути новое рекреационное занятие, которое хоть и связано с видом-прародителем, но значительно от него отличается. Так, с лыжами генетически связаны все виды современных досок: лыжероллерная, роликовая, серфинговая для волн, серфинговая под парусом, «снежная», но кто теперь помнит об этой связи?

Понимать эти закономерности развития туризма и появления его новых видов чрезвычайно важно для менеджеров туристской сферы, поскольку появляется возможность предвидеть спрос и прогнозировать общее направление движения этой части рынка туруслуг.

Например, сегодня ни одна фирма не предлагает катания на лыжероллерах, ибо у нас нет или почти нет подходящих отрезков трасс, которые сочетали бы необходимое качество асфальта с живописностью местности и безопасностью перемещения. Но если представить себе 3—4-километровую дорожку шириной 3 м, проложенную по пересеченному рельефу с веселым сельским ландшафтом, то можно вполне предвидеть возникновение соответствующего турпродукта. «Рассекать» под летним солнцем на лыжерол-

лерах по чистому гладкому асфальту — ничуть не хуже, чем кататься на лыжах по сугробам, и легко предположить, что многим любителям тепла больше понравится именно такой вариант.

Рассмотрим теперь более пристально туристскую поездку на велосипеде, совершаемую в неспортивных целях:

Физическое усилие в велотуризме лишь отчасти совпадает с усилием туриста-водника: оно также аэробное и цикличное, но сущность его совершенно иная. Движение велосипедиста — «педалирование» — элементарно только на первый взгляд: «давить» на педали совершенно бесполезно, их следует «крутить», что подразумевает усилие как при нисходящем, так и при восходящем движении стопы.

Правильное педалирование обеспечивается, во-первых, правильной посадкой, при которой вес туриста распределен между рулем и сиденьем. «Табуреточная» посадка, которую можно наблюдать у многих любителей, катающихся в том числе и на весьма дорогих спортивных машинах, обусловлена неверным подбором высоты сиденья, высоты рулевой колонки и (или) величины «базы» — длинной стороны треугольника рамы, которая как раз и определяет, насколько вы будете наклонены вперед в стандартной позе. Некорректная посадка ведет к перегрузке ног, раскачиванию велосипедиста и сопровождается расставленными в стороны коленками. Высота установки сиденья выбирается такой, чтобы достающая до педали нога оставалась в чуть согнутом положении, тогда при нисходящем движении ноги носок стопы чуть задирается вверх, затем утапливается вниз; поэтому стопа, проходя крайнюю нижнюю точку вращения педали, выходит в восходящее движение с опущенным вниз носком. Усилие при восходящем движении падает на туклипсы педалей — специальную скобу с ремешками, фиксирующими стопу. Интенсивность этого усилия во многом определяет техничность и эффективность педалирования, поэтому многие фирмы, выпускающие туристические машины, совершают большую ошибку, полагая туклипсы (равно как и специальные закрепляющие шипы на велотуфлях) принадлежностью исключительно спортивных велосипедов. Без сплошного вращающего усилия обеих ног, при котором колени максимально приближены к раме (а не развернуты в стороны), невозможно научиться правильно ездить на велосипеде, а тем более совершать значительные по длине передвижения.

Возможно, исчезновение туклипсов из туристических моделей объясняется стремлением обеспечить большую безопасность, но надо отметить, что падение на значительной скорости на трассе (т.е. так называемый завал) травматично в любом случае и, как правило, человек, не успевавший совершить сколь-нибудь осознанные страховочные действия вне зависимости от того, сумел ли он выдернуть ноги из туклипсов педалей или полетел на асфальт

вместе со своим железным конем, обдирая в кровь внешние поверхности бедер.

Итак, при правильном педалировании интенсивно задействованы практически все мышечные группы ног, причем огромная нагрузка падает на крупные мышцы задней и передней поверхности бедра. Именно эти мышцы, накачиваясь кровью, заметно увеличиваются в размерах и первыми сигналият о запредельной нагрузке и усталости. Значительно нагружаются ягодичные мышцы, а также мышцы нижней части спины, на которые падает постоянная статическая нагрузка. Педалирование — однообразное движение, разнообразие в него вносят разве что меняющийся уклон трассы и выбор велосипедистом разных передач: переключаясь с одной на другую, турист регулирует скорость вращения, характер и интенсивность прилагаемого усилия, требуемого для однократно-го проворачивания ведущей «звездочки».

Статическая нагрузка падает также на мышцы рук. Монотонность совершаемых усилий только отчасти искупается ощущением скольжения (здесь оно совершенно особенное, близкое к «полету»). Для снятия напряжения велосипедисты часто привстают с седла, работая на прямых ногах и разминая нижнюю часть спины вместе с крестцовым отделом позвоночника. Этот способ применяется особенно часто на подъемах, когда усилия по педалированию без отрыва от седла могут оказаться запредельными и привести к мышечной судороге.

Мы столь подробно остановились на физической стороне велотуризма, чтобы подчеркнуть: в отличие от водного туризма здесь неприемлем вариант посадки в седло «чайника». Даже человек, который в детстве овладел несложным искусством сохранять равновесие на двухколесном велосипеде (и поэтому заявляющий, что он «умеет кататься»), как правило, не способен проехать за раз более 10—15, максимум 25 км, причем такая попытка часто заканчивается очень болезненной мышечной судорогой. Велотуризм требует тренировок и значительного объема предварительной подготовки.

Особые ощущения от езды на велосипеде связаны и с чрезвычайно активным задействованием дыхательной и сердечно-сосудистой систем. Велоспорт недаром называют лошадиным видом спорта: активность кровотока и объем перекачиваемой сердцем крови, сам ритм сокращения сердечных мышцы возрастают многократно. У тренированного человека такое «включение» организма после первых нескольких разминочных километров создает радостное ощущение физической готовности и удовольствия от движения, своего рода эйфорию. Однако для неподготовленного туриста такого рода ощущения очень быстро переходят в муку.

Другая сторона специфики физических ощущений велотуризма как рекреационного занятия связана с групповым характером перемещения. Велотуристы являются почти полным аналогом стаи

перелетных птиц, поскольку на скорости свыше 20 км/ч встречный ветровой поток становится существенным фактором, тормозящим движение и требующим дополнительных усилий на его преодоление. Даже в полный штиль велосипедист «режет» воздух, испытывая ощутимое сопротивление встречного потока; непосредственно за его корпусом образуется воздушный карман, в который стремится пристроиться следующий велосипедист; этот прием с давних времен называется «сидением на колесе». На этом аэродинамическом по своей природе эффекте основана вся тактика велосипедного спорта и стратегия передвижения велотуристов. Те 15—20 % экономии усилий, которые выигрывает ведомый, оказываются значимыми при высоком общем уровне физической нагрузки, поэтому велотуризм унаследовал от велоспорта практику смены ведущего (через определенные отрезки дистанции, длина которых определяется многими факторами: силой ветра, рельефа, подготовленностью участников группы и т. д.). Отработав на максимуме усилий, лидер передает эстафету следующему и отправляется отдыхать в хвост группы; такая смена позволяет постоянно поддерживать высокую скорость, выдержать которую в одиночку не способен ни один из членов группы. Таким образом, группа велосипедистов в потенциале всегда сильнее одиночки, поскольку каждый член группы поочередно принимает на себя роль лидера, ведущего остальной пелатон, участники которого могут экономить силы.

Для безопасности перемещения туристы едут по шоссе парами, дабы создать «габарит», примерно аналогичный габаритам легкового автомобиля, это заставляет водителей обгоняющих машин обходить пелетон по всем правилам обгона, а не прижимать туристов к бровке (именно так поступают водители большегрузных автомобилей с одиночными велосипедистами на шоссе, объясняя это дорожное хамство тем, что велосипедисты им «мешают»). Следовательно, в велотуризме роль лидера обычно выполняют два человека и сменяться приходится паре ведущих, поэтому смена превращается в непростой технический прием, который должен быть отработан до автоматизма.

Мало того, и само «сидение на колесе» требует навыка, который дается серьезными тренировками. Для того чтобы удержаться в ветровом кармане, надо выбрать правильный угол и расстояние, не слишком большое, чтобы не растерять преимущество), но и не маленькое, поскольку малейшая «притирка» переднего колеса ведомого к заднему колесу ведущего приводит в резкому «заваливанию» набок ведомого с хорошими шансами завалить далее и всю группу. Велосипедисты-профессионалы ощущают веломашину как продолжение собственного тела, можно только удивляться, как на узком шоссе в единой «стае», почти касаясь рулями, на бешеной скорости, превышающей порой 50 км/ч, несутся

сотни спортсменов, совершая повороты на крутых виражах, в раскачку забираясь на горки и бешено финишируя. Такого искусства достигает уникально одаренные спортсмены, проводящие большую часть своей сознательной жизни в седле на тренировках и соревнованиях. Для туристов это высший пилотаж, но и туристская поездка в группе из 4—8 машин требует схожих навыков. Поэтому к физическим усилиям педалирования добавляется комплекс физических усилий, который можно охарактеризовать как «удержание равновесия и места в группе». Все это требует от велотуриста большой концентрации внимания и контроля за собственным телом и его положением в пространстве.

Описанная специфика физической стороны велотуризма во многом определяет и специфику впечатлений. Концентрация внимания и высокая степень внутренней группировки отчасти обуславливают сенсорное «голодание» велотуриста. Вопреки распространенному мнению на крейсерском ходу в велогруппе относительное богатство зрительных впечатлений гарантировано только ведущему группы. Только он воспринимает пейзаж фронтально, разглядывая достопримечательности, наблюдая встречные и попутные автомобили и цепляясь глазами за зрительные реперы (тут сходство с водным туризмом абсолютное). Однако следует сразу же отметить специфику велотуризма: взгляд перемещающегося на велосипеде привязан к полотну дороги и в силу позы (голова продолжает линию позвоночника и слегка опущена вниз), и в силу необходимости соблюдать прямую ось движения. При этом велосипедист неосознанно для себя запараллеливает траекторию пути, постоянно сканируя имеющиеся в пространстве дороги линии: разделительную полосу слева от себя или край асфальтового покрытия справа. Таким образом, свобода обозрения у ведущего пелетон весьма относительна, его основная задача — строить прямую траекторию движения, нарушая ее лишь ради необходимости объезда каких-либо препятствий (скажем, ям) на дороге.

В еще большей степени рабами дорожного полотна являются ведомые. «Сидение на колесе» позволяет экономить усилие, но требует постоянного психологического напряжения: необходимо соблюдать дистанцию, приравливаясь к скорости ведущего, что совсем непросто, особенно при боковом ветре. Поэтому в поле зрения ведомых — обод колеса ведущего и дорожное полотно. Нелучайно спортсмены-велосипедисты на вопрос: «Вы объехали с турне пол-Франции, что произвело на вас наибольшее впечатление?» — честно отвечают: «Ничего я не видел, кроме колеса и дороги», — чем повергают вопрошавшего в шок.

И все же велотуризм, безусловно, имеет и свои прелести. Хорошо тренированные туристы, идущие по шоссе с приличной скоростью и в хорошую погоду на начищенных до блеска машинах, одетые в цветные майки (а у велотуристов всегда был свой

«барахольный шик»), действительно получают наслаждение от велопутешествия.

Подготовка и привычка ездить в группе позволяют расслабиться и рассмотреть окружающий ландшафт в подробностях, причем восприятие ландшафта у велосипедиста совершенно особенное, свойственное любым пассажирам «пространственных проникателей», т. е. объектов,двигающихся в пространстве с высокой скоростью.

Скоростное движение коренным образом меняет пространственное восприятие, саму сущность связи между пространством и временем: человек, владеющий «проникателем», — уже не прежний неприкаянный путник. Пейзаж для не него неподвижен, он «трогается» и «вовлекается» в движение. Несущийся на скорости человек приближает даль прямо перед собой, подминая полотно пути под себя. Чуть сбоку мимо него пролетают края разрезанного пространства: они сходятся в точке перспективы на горизонте и отлетают, расходясь рваными краями позади. Так возникает эффект проникновения. Взгляд, обращенный в бок, по нормали к движению уловит и вовсе волшебную картину: левая и правая «отрезанные половины» пейзажа участвуют в круговом движении, как две огромные театральные сцены. Предметы переднего плана проносятся со скоростью конвейера, мелькают, почти сливаясь между собой. Дальний план где-то в глубине этих гигантских вращающихся дисков почти недвижим, зато средний поворачивается в церемонном театральном ритме: кружась, в прихотливом танце проходят мимо деревни и церкви, мачты ЛЭП и окраины городов.

Есть и совершенно особенные зрительные впечатления. К таковым относится шоссейный мираж, который можно наблюдать в жаркий летний полдень, когда дорожный асфальт далеко впереди кажется «мокрым и темным».

Велотуризм, несмотря на сказанное, — один из лучших способов познать страну и прочувствовать местность; вращающийся педали привязан к полотну дороги, а она повторяет все изгибы и основные неровности местности. Вы запоминаете «горушки» и холмы по тому усилию, которое было приложено для их преодоления; «побежденные» версты надолго западают в душу, оставляя ощущение принадлежности к пространству.

Выводы

1. В каждом виде туризма есть коренное рекреационное занятие, а в этом занятии — основное движение, связанное с получением некоего набора ощущений как на физическом уровне, так и на уровне высшей нервной деятельности. Характерное сочетание между удовольствием ощущений

и удовольствием впечатлений и составляет специфику того или иного вида рекреационного занятия и построенного на его основе вида туризма.

2. Удовольствие ощущений представляет собой сложный комплекс, который можно разложить на ощущение от физического усилия совершаемого туристом, ощущение от специфики движения (скольжения, перемещения, езды, плавания), ощущение от сопротивления окружающей среды.

Удовольствие впечатлений складывается из зрительных (визуальных), звуковых и даже осязательных впечатлений, переживаемых туристом в совокупности и при этом каждым индивидуально. Особенное значение имеют визуальные впечатления, которые зависят от характера и интенсивности развертывания видеоряда — серии зрительных картинок переднего, среднего и дальнего планов. Визуальное членение маршрута с помощью расстановки зрительных реперов — один из механизмов структурирования длительного и довольно напряженного процесса перемещения.

3. В том случае, если элементарное рекреационное занятие связано с каким-либо техническим средством, то усовершенствование этого технического средства увеличивает потенциальные возможности основного рекреационного занятия, что приводит сначала к распространению его на разные типы ландшафтов, затем использование технического средства в специфических условиях определяет появление специализированных разновидностей, которые совершенствуются, в итоге возникает разделение единого типа туризма на виды, каждый из которых занимает свою экологическую нишу. В ходе такого разделения возникают виды туризма, различающиеся:

- вмещающим ландшафтом;
- уровнем сложности и соответственно приемлемого с точки зрения участников уровнем риска;
- базовым техническим средством и комплектом сопутствующих аксессуаров, обеспечивающих вид деятельности и иногда вызывающих развитие целой ветви специализированной индустрии.

Контрольные задания

1. Попробуйте описать рекреационный цикл, связанный с путешествием по воде на других видах технических средств, например на парусной лодке (яхте, шверботе). Сравните этот цикл с классическим байдарочным туром, обращая внимание на различия в физической активности туристов, восприятии окружающего пространства («удовольствие ощущений и удовольствие впечатлений»), способы и характер общения между туристами.

2. Дайте возможно полную характеристику рекреационного цикла, связанного с конным путешествием, придерживаясь приблизительно следующего плана:

- специфика перемещения на лошадях (техника, различные аллюры, используемые в походе, виды и способы ухода за лошадей);

- специфика физической активности туриста (кинетика, основные движения, задействованные группы мышц, дыхание, уставание);
- ощущения от движения при перемещении верхом на лошади;
- зрительные впечатления при движении верхом на лошади;
- общий комплекс впечатлений (звуковые, осязательные, другие);
- характер структурирования (членения маршрута);
- типология конных путешествий.

3. Изобразите эволюцию различных видов велотуризма с помощью графов, принимая во внимание изменения самого велосипеда и расширение экологических ниш его использования в туризме. Попробуйте разработать такие же схемы для других видов туризма: водного, пешеходного, альпинизма.

4. «Экстрим» — новое понятие для обозначения сложных рекреационных занятий с четко выраженным спортивным уклоном, явными элементами авантюриности и, как правило, огромного риска. Большинство видов экстрима связано с техническими средствами (парашютами, парaplанами, каяками, рафтами, велосипедами, сноубордами, серфинговой доской и т.д.).

Попробуйте разработать свою классификацию видов экстрима, следуя уже освоенной нами логике: вид-прародитель, специализация, усовершенствование спортивных навыков, трансформация технического средства — отпочковавшийся специализированный вид.

5. Спроектируйте сплавной маршрут по любой доступной топографической карте своего края (масштаба не мельче, чем в 1 см 2 км). Для этого выясните следующие параметры:

- общая длина маршрута;
- средняя скорость течения;
- характерные ширины русла (максимальные, минимальные, средние);
- характерные глубины русла;
- характер донного грунта;
- уклон водной поверхности (в метрах на километр течения);
- наличие источников пресной воды;
- наличие непроходимых препятствий, требующих «обноса» по берегу;
- наличие бродов и их параметры (характеристики).

Выберите места, пригодные для организации лагеря-стоянки туристов-водников, которые удовлетворяли бы следующим условиям:

- находятся на выпуклом от мелом берегу излучины;
- являются частью поймы;
- имеют зеленые насаждения (деревья в сочетании с луговой травой);
- принимают чистый приток со стороны вогнутого берега излучины.

6. Используя крупномасштабную карту спроектируйте карту для соревнований спортивного туристского ориентирования. Трасса по условиям должна включать различные участки ландшафта, в которых размещены контрольные точки. Участники отыскивают их с помощью карты и компаса.

Составьте трассу длиной 5—6 км, которая включала бы следующие типы урочищ:

- участок зрелого леса с просеками (контрольная точка может находиться на пересечении точек);
- днище оврага (точка может находиться в его вершине);
- высоту, возвышающуюся над местностью;
- долину ручья (точка у опоры моста);
- берег озера (точка на мельнице);
- отдельно лежащие валуны;
- родник;
- отдельно стоящее дерево;
- ветряную мельницу.

Трасса не должна более одного раза пересекать автомобильное шоссе.

Трасса отрисовывается на кальке, наложенной на карту, и описывается словами (от одного репера к другому): «от валуна бежим на северо-запад 300 м до отдельно стоящего дерева, поворачиваем на северо-восток и двигаемся до вершины холма с высотой...»).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ПОТЕНЦИАЛА, РЕСУРСОВ И ПРОДУКТА ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

5.1. Потенциал экотуризма и его компоненты

Россия с ее богатейшими природным и культурным наследием, региональным разнообразием традиционных форм природопользования в XXI в. может стать одной из наиболее привлекательных стран мира, реализующей альтернативную стратегию рекреации и туризма. На издавна освоенных землях российской провинции сохранились фрагменты культурных ландшафтов разных эпох: неолитические стоянки и раннеславянские городища, монастыри и монастырские угодья, дворянские усадьбы и старинные села, мемориальные и художественные музеи, наконец памятники истории техники и промышленного производства. Природные раритеты России представлены обширной и разнообразной сетью особо охраняемых природных территорий, включающей в себя крупные ареалы (заповедники, заказники национальные парки) и отдельные уникальные объекты (памятники природы).

Социальный потенциал российского экотуризма также можно считать достаточно значительным, поскольку в России, как ни в одной иной стране, широко были развиты самодельный и спортивный туризм, отчасти адекватные западному приключенческому туризму. Достаточно сказать, что в 1980-е годы в этих видах туризма участвовали около 20 млн человек, среди которых преобладали молодежь (школьники, студенты) и другие группы населения с относительно низким уровнем дохода. Разумеется, самодельные туристы и туристы-спортсмены не были движимы собственно экологическими целями, но многие из них любили и берегли природу, хотя массовый самодельный и спортивный туризм нередко причинял уязвимым экосистемам значительный ущерб.

Существующая региональная структура экотуризма России в настоящее время формируется пятью основными группами факторов:

- 1) размещением блоков экологического каркаса, в первую очередь национальных парков; при этом национальные парки пока еще оказываются недостаточно значимыми объектами вследствие их молодости и, как правило, плохой инфраструктурной обеспеченности;

2) разнообразием и аттрактивностью экосистем и ландшафтов регионов, а также их экологической и биоклиматической благоприятностью;

3) удаленностью от центров расселения, что во многом определяет стоимость тура;

4) транспортной доступностью и инфраструктурной обеспеченностью;

5) известностью и популярностью регионов и маршрутов; по этим параметрам существенно различаются группы регионов, популярных у самостоятельных туристов, и регионов, известных клиентам через рекламу в средствах массовой информации.

Следует, однако, иметь в виду, что несмотря на обширность неосвоенных или слабо освоенных пространств состояние окружающей среды на территории России в целом далеко от благополучного, поэтому одним из ограничений для развития рекреации и экотуризма является высокая чувствительность многих экосистем России к антропогенным воздействиям, их хрупкость, причем как раз в районах, привлекательных «дикой» природой или аборигенными формами хозяйства.

В этих условиях особенно важно корректно определить реальный туристско-рекреационный потенциал того или иного региона.

А. В. Дроздов совершенно справедливо отмечает некоторую размытость термина «туристско-рекреационный потенциал» и осязаемый разрыв в его трактовке и использовании [13]. Видимо, целесообразно различать объектную и субъектную трактовку этого термина: первая связана с объектом, потенциал которого характеризуется (например, потенциал Угличского Верхневолжья), вторая — определяется целевой установкой, конкретной задачей, для которой предполагается использовать потенциал (рекреационный, туристский и т. д.).

Ясно, что в ходе детального анализа объектный потенциал «распадается» на ряд составляющих его компонентов. Можно, с одной стороны, говорить о «рекреационном потенциале ландшафта», который определяется в словаре «Охрана ландшафтов» как «совокупность природных и культурных условий, оказывающих положительное влияние на человеческий организм и обеспечивающих путем сочетания физических и психических факторов восстановление работоспособности человека». С другой стороны, при анализе конкретных видов и форм туристско-рекреационной деятельности приходится определять, скажем, потенциал рек региона для водных видов туризма. Такая оценка будет нести уже явно прикладной целевой характер, связанный только с теми параметрами рек и их русел, а также свойствами водного режима, которые позволяют развивать сплав на различных видах туристских судов и спортивных приспособлений (байдарки, каяки, спортивные плоты, катамараны, резиновые лодки и пр.). В этом, кстати,

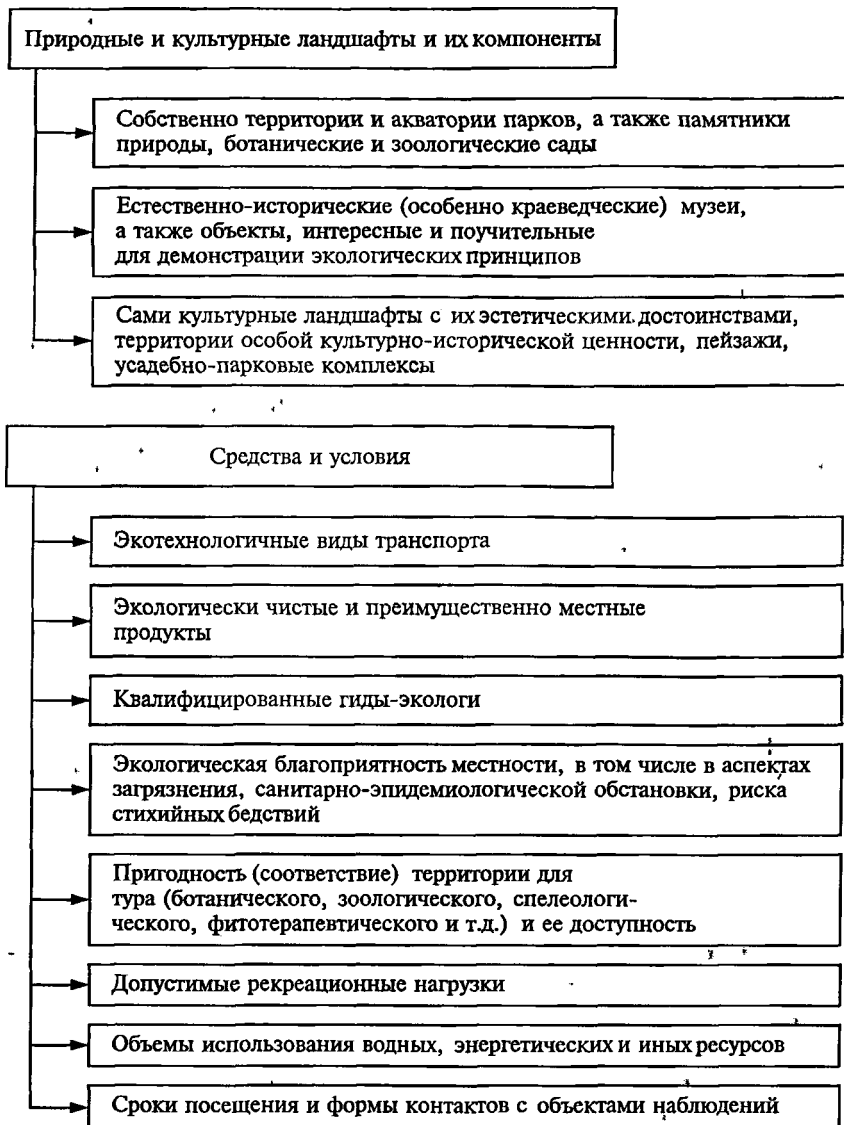

Рис. 5.1. Компоненты туристско-рекреационного потенциала

отличие потенциала от ресурса, так как водные ресурсы, тоже вроде бы связанные с вышеозначенными параметрами, на самом деле будут характеризоваться иначе, ибо востребованы в ряде других видов деятельности: сельском хозяйстве, водопользовании, промышленности и т.д.

Таким образом, наиболее корректной является трактовка туристско-рекреационного потенциала, предложенная А. В. Дроздовым [13], который определил ТРП как «совокупность приуроченных к данному объекту (территории) природных и рукотворных тел и явлений, а также условий, возможностей и средств, пригодных для формирования туристского продукта и осуществления соответствующих туров, экскурсий, программ».

Множество компонентов из которых складывается туристско-рекреационный потенциал целесообразно разделить на две основные группы:

- 1) природные и культурные ландшафты и их компоненты;
- 2) средства и условия осуществления туров (программ, экскурсий).

Рис. 5.1 иллюстрирует примерный перечень важнейших компонентов туристско-рекреационного потенциала, совокупность которых необходимо охарактеризовать в целях его выявления и оценки.

5.2. Подходы к оценке туристско-рекреационного потенциала

Аналізу, оценке, бонитировке рекреационных территорий и ресурсов посвящена обширная литература. Отчасти эти методы пригодны и для оценки туристского потенциала территории, что подтверждается, в частности, опытом работ коллектива географов МГУ в нескольких регионах России [29] и специалистов Российской международной академии туризма.

Оценка рекреационных ресурсов всегда осуществляется в нескольких аспектах или по нескольким блокам параметров. Эти параметры различны (и специально подбираются) для основных видов рекреационной деятельности. Обычно ресурсы рекомендуются оценивать в аспектах функциональном, гигиеническом, эстетическом, технико-экономическом и природоохранном. Эти же аспекты можно иметь в виду, оценивая и туристский потенциал территории.

Всякая деятельность по развитию туризма разворачивается на конкретной территории, свойства которой — природные и приобретенные в ходе антропогенного освоения — часто имеют решающее значение и определяют эффективность (или неэффективность) вложений в туристско-рекреационную сферу.

Оценка территории для развития туризма имеет целью, во-первых, выявление потенциала, возможностей и ограничений развития туризма, во-вторых, оценку рациональности и целесообразности существующей сети туризма и рекреации, в-третьих — разработку системы проективных и экономических решений по территориальной организации туристской отрасли.

Данный подход требует взаимоувязанного анализа территориального потенциала, возможностей и ограничений развития туризма в регионе. В первом приближении такой анализ предполагает оценку территории (как «театра» развития отрасли) по ряду параметров, к важнейшим из которых следует отнести:

- аттрактивность природного ландшафта и его экологическую емкость;
- богатство и разнообразие элементов культурно-исторического наследия;
- экологические ограничения развития туристских центров, районов и зон;
- целесообразность существующей территориальной сети учреждений и баз отдыха, туризма и рекреации;
- территориальные предпочтения самодеятельного туризма и стихийной рекреации;
- степень и характер дачной освоенности региона и др.

Общим итогом такого рода анализа — своеобразным выходом из «серого ящика» построенной территориальной модели — должна стать интегральная оценка территории с выявлением мест и зон притяжения вновь формирующейся туристской сферы бизнеса — участков наиболее выгодного вложения инвестиций.

Очевидно, что оценки в каждом из названных аспектов могут и должны основываться на различающихся принципах и критериях, наиболее адекватных каждому конкретному аспекту оценивания. Однако туристско-рекреационный потенциал целесообразно оценивать отдельно, прежде всего по основным группам перечисленных выше компонентов или слагаемых потенциала, подбирая для каждой группы различные способы и критерии, а также выбирая тот или иной из названных аспектов оценки.

Так, критериями оценки отдельных элементов природных и культурных ландшафтов, а также самих ландшафтов, в первую очередь, должны служить их происхождение и история, уникальность, сохранность (нарушенность), аттрактивность и различные характеристики разнообразия, включая видовое богатство флоры и фауны.

Сложность процедуры оценивания ТРП заключается в том, что далеко не все компоненты потенциала удастся оценить количественно. Поэтому для получения итоговой, суммарной оценки целесообразно переводить все количественные оценки в качественные, причем опыт показывает, что применять слишком детальные шкалы не всегда разумно, поскольку в таких случаях повышение точности оценок зачастую оказывается мнимым. Превращать количественные шкалы оценок в качественные удобно, разбивая ранжированные ряды оценок с равномерными интервалами на естественные классы по частоте попадания оценок в соответствующий класс и проводя границы между классами по интервалам ряда с миним-

мальными частотами. Затем ту или иную качественную шкалу следует превратить в пяти- или соответственно в семибалльную. Далее осуществляется простое суммирование баллов. Мы согласны с А. В. Дроздовым в том, что «интегральная оценка туристского потенциала любого объекта или территории конвенциональна, поскольку она неизбежно включает качественные показатели и может получить осмысленную трактовку только в сравнении с оценкой потенциала другого объекта». Это означает, во-первых, что в зависимости от детальности принятой шкалы необходимо при оценивании (сравнении) иметь в поле зрения, как минимум, пять или семь объектов (по числу градаций шкалы), и, во-вторых, что следует всегда четко определять, в пределах какого региона выполняются оценка и сравнение потенциалов, поскольку от этого обстоятельства очевидным образом зависит расстановка высших и низших оценочных баллов.

Итак, выявление и оценку эколого-туристского потенциала какой-либо территории имеет смысл проводить как оценку сравнительную:

- оценивая фиксированный набор компонентов потенциала;
- используя для расчета итоговой оценки качественные шкалы в их балльной форме;
- вовлекая в сравнительную оценку необходимое число объектов оценки;
- четко обозначая территориальные рамки сравнения.

5.3. Особенности покомпонентной оценки регионального туристско-рекреационного потенциала на примере южно-таежной зоны Европейской России

В данном подразделе мы приводим покомпонентную оценку на примере региона, приблизительно совпадающего с исторической Северо-Восточной Русью, охватывающего территорию, обычно относимую к так называемому Верхневолжью. Этот район, являющийся согласно Павлу Милюкову одним из этнических ядер консолидации русской нации, до сих пор сохраняет памятники российской истории и культуры на фоне типично русской природы. В бытующей социально-политической трактовке районирования нынешней эпохи его положение несколько двусмысленно: с одной стороны, он, безусловно относится к Центру Европейской России, с другой — тяготеет к Северу. Это сказывается как в природных, так и этнокультурных признаках. В пределах этого района хвойно-широколиственные леса и древнеосвоенные приозерные ополья сменяются лесами южной тайги. Последние подвергались жесточайшему перерубу на протяжении XX в., однако и сохранившиеся массивы способны составить типичный русский ланд-

шафт и соответствующий ему пейзажный ряд. Многие города региона входят в Золотое кольцо России, однако он не стал пока туристской «меккой», так что его туристско-рекреационный потенциал еще остается «вещью в себе» — тем больший интерес представляет для нас попытка его оценки. Изложенные далее сведения, безусловно, имеют самый общий характер и должны быть детализированы в ходе оценки для любой из входящих в данный регион областей: Тверской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Ивановской, Владимирской.

5.3.1. Оценка климатических условий региона — туристские микросезоны

Роль климата в туризме варьируется от решающего фактора (поскольку смена сезонов часто диктует смену видов туризма) до фона (на котором осуществляется та или иная туристская деятельность). Верхневолжье в целом сравнительно благоприятно для развития многих видов экологического туризма. Мы не станем останавливаться на анализе принятых региональных климатических показателей, обуславливающих комфортность пребывания человека на природе, а обратим внимание на то, как смена сезонов структурирует туристское пространство — время.

Климат российского Центра и Севера (во всяком случае до подзоны северной тайги) не экстремален для развития любых видов экотуризма. Сравнительно спокойная и хорошо выраженная смена сезонов с продолжительным межсезоньем и отсутствием природных явлений катастрофического характера (сравним хотя бы с ураганами южноамериканских штатов) определяют возможность разветвления широкого спектра рекреационных занятий.

Несмотря на бытующее (особенно у иностранцев) представление о «русском холоде» продолжительность солнечного сияния составляет в среднем 1700—1800 ч за год, что немало для территории с умеренно-континентальным климатом. Количество дней без солнца в летние месяцы незначительно, не больше 10—12.

Практически все сезоны пригодны для тех или иных видов отдыха и туризма. Однако рассматривая возможности разветвления различных рекреационных занятий, необходимо использовать значительно более дробную, чем это принято, классификацию сезонов. В этом смысле целесообразно различать микросезоны с преобладающими погодами внутри основных четырех сезонов, поскольку комфортность состояния человека определяется весьма узким диапазоном метеорологических параметров (температуры, влажности, силы ветра, характера и режима осадков). Прибегая к заимствованиям из экологии, можно утверждать что есть *виды рекреационных занятий с широким метеорологическим ди-*

апазоном, когда в зависимости от состояния погоды меняются лишь техника и комплекс ощущений, которые получает человек; и *виды рекреационных занятий с узким метеорологическим диапазоном*, раз-вертывание которых возможно лишь при совпадении нескольких благоприятных параметров в течение очень непродолжительного срока (от одной-двух до нескольких недель).

В качестве примера рекреационных занятий с широким метеорологическим диапазоном можно привести лыжные прогулки или велопутешествия. Лыжные переходы становятся возможными после появления устойчивого снегового покрова в конце ноября — начале декабря и продолжаются до марта. Однако внутри зимнего сезона можно выделить несколько микросезонов, в рамках которых условия лыжных походов кардинально различны, что сказывается и на технике скольжения, и на ощущениях туристов, и на характере прокладываемых трасс. Рыхлый и мягкий снег начала зимы с частыми оттепелями собирает не так уж много поклонников, хотя пластиковые лыжи позволяют добиваться хорошего скольжения и в таких условиях. Частые добавочные порции снега заставляют в основном бороться «за сохранение» лыжни, которая за ночь может быть перекрыта свежим слоем, что привязывает лыжника к классическому стилю. Январские морозные трассы, накатывание которых в России традиционно удачно совпадает с рождественскими праздниками и каникулами, характеризуются жестким игольчатым снегом, стабильностью покрова и выходом на трассы большинства любителей. Именно на этот период приходится пик лыжного туризма, длящийся до конца февраля с его метелями, которые часто «переписывают» лыжню в городских парках и пригородных лесах. Наконец, третий лыжный микросезон совпадает с установлением мартовских «фирновых» полей, уплотненных солнечными лучами и покрытых отшлифованной ветром коркой. Несмотря на общий спад любительского катания именно на таком снеге можно получить ни с чем не сравнимое удовольствие «раскатывания», когда жесткий наст позволяет перемещаться коньковым ходом в любом направлении, выписывая прихотливые кренделя на открытых пространствах.

Достаточной широкий метеорологический диапазон присущ и велотуризму. Поклонники колеса начинают совершать первые «покатушки» по только что освободившимся от снега и наледи мартовским шоссе. Такая езда — настоящий экстрим, поскольку от потоков холодного воздуха горло очень быстро превращается в подобие старого пионерского горна, а количество одежды, которую приходится на себя «напяливать» туристу, делает его похожим на снеговика; кроме того, сцепление с покрытием еще очень нестабильно и вероятность падения на боковых наледях или набросах соленого песка (оставшихся после борьбы с гололедом) весьма велика. Тем не менее возможность вернуться к любимому

занятию и захватить кусочек мартовского солнца с лихвой перекрывают все минусы ранних «покатушек». По-настоящему летней езда на велосипеде становится, пожалуй, начиная с первой декады мая, когда после дождей шоссе очищается от пыли и грязи, погода становится теплой и появляется возможность надеть велоформу, красота и функциональность которой вкупе с многочисленными мелкими аксессуарами (вроде фляжек на раме) составляют неотъемлемую принадлежность турпродукта в этом виде туризма. Разгар велотуризма — вершина и третий месяц лета, опять-таки совпадающие с каникулярным и отпускным периодом наиболее активной части населения, когда появляется возможность совершать многодневные велопутешествия.

К рекреационным занятиям с узким метеорологическим диапазоном следует отнести большую часть видов отдыха у воды, и главным образом купание. Физиологи считают комфортной для человека температуру от 18 до 26 °С. В реках Центра и Севера России прогрев воды до близких к этим значениям температур начинается только во второй половине мая. К концу мая — началу июня при среднестатистическом развитии летнего сезона вода в небольших реках прогревается до 13—14 °С или чуть больше — в зависимости от доли подземной составляющей питания реки, поскольку многочисленные родники, воды которых начинают заметно влиять на объем стока с установлением летней межени, обычно имеют очень низкую температуру (4—11 °С). В воде с температурой 13—15 °С можно лишь освежиться, окунувшись разок другой, плавание в таком водоеме имеет характер рискованного мероприятия, поскольку шанс получить мышечные судороги более чем вероятен. Прогрев до температуры 17—18 °С делает купание возможным во второй половине июня, но лишь в июле, когда жаркое солнце и теплые летние дожди доводят температуру до 19—22 °С, купание становится по-настоящему комфортным. Однако этот период длится недолго — уже в начале августа в старой России купаться считалось нездоровым: холодные ночи и частые туманы быстро понижают температуру речных и озерных вод, таким образом общая продолжительность микросезона, действительно подходящего для отдыха у воды, составляет едва ли три-четыре недели.

Теперь попытаемся дать общую климатическую характеристику региона, обращая особое внимание для значимые для того или иного вида рекреационных занятий микросезоны.

Весна. Итак, начнем с мая. Май вообще необыкновенное время для России. Стряхнув с себя долгое ожидание тепла, наши соотечественники бросаются на дачи и огороды, стремясь захватить первые дни жаркого, богатого ультрафиолетом солнца. Оживающая природа становится дополнительным и очень мощным стимулом: пешеходные прогулки, «покатушки» на велосипедах, экологиче-

ские экскурсии — все это можно и должно делать именно в мае, когда природа напоминает о своем существовании и пением птиц, и распускающимися и цветущими деревьями, и водоемами, в которых закипает своя особенная подводная жизнь. Май уникален для любых экскурсий на природу, ажурность растительного покрова делает рельеф Русской равнины практически обнаженным, заметны и хорошо различимы не только крупные формы, но и детали земной поверхности; общая пластика рельефа становится понятной и открытой для изучения.

В мае как никогда явлена человеку динамика природы: перелеты и гнездование птиц, половодье рек, окончание нереста, массовое цветение наполняют событиями любую поездку на природу. Однако учреждения организованной рекреации в это время как правило пусты: май несправедливо считается межсезоньем, пригодным лишь для поглощения шашлыков. Еще одним несомненным преимуществом мая является отсутствие комарья и мошки по крайней мере до середины последней декады месяца. Значит, в течение двух-трех недель в пространстве российского ландшафта можно действительно расслабиться: спокойно посидеть, прилечь на только что пробившуюся траву, полюбоваться кронами деревьев и небом. Это немаловажно — многочисленные теоретики российского туризма до сих пор не признались: российский ландшафт, во всяком случае в его таежном варианте, мало способствует расслаблению. Обилие кровососущей фауны в течение всего вегетационного периода, духота, возникающая при высоких температурах в сочетании с повышенной влажностью делают наш ландшафт весьма суровым — во всяком случае в восприятии иностранцев. Эротические сцены любви на природе (столь популярные в западном кинематографе), будучи мысленно перенесенными в русский ландшафт, вызывают разве что смех, поскольку руки главных героев окажутся занятыми не ласками, но «охлопыванием» всех обнаженных частей тела. В этом кроется одна из проблем российской рекреации на природе и всего экотуризма в целом.

Первая декада мая характеризуется свежей и неустойчивой погодой: возможны перепады температур от +18 до 0 °С, но несмотря на это начало мая — наиболее подходящее время для любителей спортивного сплава. Многие даже небольшие речки российского Центра и Севера обладают в это время мощным водотокком и доступны для сплава на любых видах спортивных средств (плоты, катамараны, байдарки, каноэ). Более крупные реки в половодье становятся доступными для сплава от самых верховьев, поток характеризуется большими скоростями (0,5—1,0 м/с) и мощностью.

Лето. Лето средней России характеризуется теплой погодой, которую способны «испортить» лишь сильные циклоны, приходящие с запада. По условиям инсоляции северное солнце пред-

ставляет относительно небольшую опасность. Риск перегрева и передозировки ультрафиолетового облучения реален лишь в конце мая — конце июня при условии нахождения под солнцем в течение нескольких часов подряд. Для здорового человека северное солнце в сочетании с воздействием воды и воздуха не приносит ничего, кроме пользы. Однако следует иметь в виду, что «северное» (с точки зрения жителя Черноморского побережья Кавказа) солнце может быть и жарким и жестким. Кроме того, как мы уже упоминали, высокие температуры (выше 27—28 °С) в сочетании с повышенной влажностью в русском ландшафте переносятся тяжело. «Горячие» деньки, наступающие после дождей, сопровождаются повышенной испаряемостью. В начале антициклонов на Русской равнине «местная» кучевка дает послеобеденные дожди (почти как в экваториальной Африке) и влажность держится высокой, что гарантирует ощущение духоты и переносится нелегко. Лишь долгий антициклон, удерживающийся более недели, гарантирует по-настоящему сухие дни, но и они воспринимаются комфортно только при наличии бризов и, как правило, у водоемов.

В летнюю жару принципиальным для отдыха и туризма становится различие между ландшафтами на глинах, суглинках (коренные биоценозы — ельники) и ландшафтами на песках и супесях (коренные биоценозы — сосняки). Избыточное тепло гораздо тяжелее переносится на классических глинистых моренах — в связи с «затяжной» водоотдачей глин. Ленточные боры на террасовых и дюнных песках в жару «звенят», здесь тихо, но свежо, дышится легко и тень приносит реальное облегчение (в то время, как в «суремном» ельнике в тени вас просто «съедят» прячущиеся от солнца комары). Возможно в этом обстоятельстве кроется объяснение отсутствия у русских крестьян традиции загорать и вообще обнажать тело под солнцем.

В течение лета сменяют друг друга несколько микросезонов, охарактеризовать которые читатель может и сам. Затянувшаяся жара — время отдыха у воды на русском Севере, однако разгар лета связан с активным цветением всех вод с замедленным водообменом, т. е. любых крупных рек, озер и водохранилищ. Купание в цветущей воде может вызывать развитие разнообразных аллергических реакций; простейшие из них хорошо всем знакомы — покраснение слизистых оболочек и острый ринит, который совершенно напрасно «списывают» на счет «простуды».

Микросезон жаркого летнего антициклона, как мы уже упоминали, — лучшее время для водного туризма и велосипедных прогулок. Одновременно становятся желанными многие достаточно экзотичные для нас рекреационные занятия, которые хорошо дополняют туристско-рекреационный цикл: бадминтон, большой теннис, пляжный волейбол, катание на роликовых досках

и т. д. Очень хороши в такой микросезон прогулки на любых видах речных и озерных маломерных судах: поскольку акватория всегда холодней твердой земли, в жару именно здесь возникает желанный оптимум.

Летние циклональные погоды связаны с частыми и сильными дождями, иногда затягивающимися на неделю и более. В этом случае температуры дня опускаются до 16—18 °С, а ночи — 13—14 °С. Следует подчеркнуть, что «сплошными» и «обложными» дожди выглядят все-таки из окна городской многоэтажки в спальном районе или стеклобетонного офиса в центре города. Автор, вкусивший немало месяцев палаточной жизни, всегда удивлялся тому обстоятельству, что для приличного недеморализованного туриста, так же как для крестьянина, геолога или промысловика, дождливая погода складывается из «окон» слабого дождя или «почти-нет-дождя» (который испаряется, едва долетая до земли, особенно если вы хлопчете по хозяйству у костра), и действительно сильной досадной «сечки», во время которой приходится «заползать» в палатку и слушать шорох капель, разбивающихся о поверхность натянутого палаточного тента. Поэтому пасмурный дождливый день способен принести в палаточный городок и свои прелести и свою романтику «борьбы» с непогодой (которая у незадачливых «чайников» часто имеет характер борьбы за «огонь»).

Вообще говоря, дождь не перекрывает радикально возможности для пеших походов и любых других путешествий, однако в этих условиях предпочтителен ночлег под надежным кровом: установка и снятие палаток в дождь при ежедневном перемещении не возможны: С другой стороны, в стационарном лагере с современными тентовыми палатками можно с успехом пережить любую непогоду.

Особый микросезон лета составляют дни продолжительной непогоды с резким падением суточных температур и вторжением холодного арктического воздуха. Пасмурные, пусть без частых дождей, но уж очень неудобные дни заставляют отказаться от многих видов отдыха. Единственное преимущество при условии достаточно свежего ветра — отсутствие кровососущих насекомых. Однако пешие путешествия хороши в такую погоду: ходьба под рюкзаком (вес которого может достигать 35—40 кг) на холодке и при встречном ветре куда приятнее!

Осень. Золотое время для отдыха, когда исчезают практически все кровососущие насекомые, а ландшафт становится особенно красивым. Для осени характерны возвраты тепла (сентябрь, реже октябрь) длительностью от нескольких дней до нескольких недель: В дни «бабьего лета» стоит тихая, ясная и теплая погода. Такие периоды — настоящая находка для туристской деятельности: помимо открывающегося в конце августа сезона охоты турист

может наслаждаться тихой грибной охотой в многочисленных лесах и перелесках.

Совершенно пропашими для туризма можно считать затяжные осенние дожди в сентябре-октябре и мучительный микросезон перехода от промозглого сырого холода ноября к первому устойчивому снеговому покрову декабря. Сценарии осени непредсказуемы и разнообразны. Бывает, и октябрь простоят золотой и теплый, а бывает, и в сентябре уже выпадет снег. Живописен и относительно не потерян для туризма вариант с «медленным остыванием»: когда в ноябре холод постепенно сковывает землю, прибавляя ночь от ночи льда к береговым окраинам и потихоньку присыпая холмы снеговой порошей. Поздняя осень — не сезон на русском Севере, а напрасно: ландшафты в это время красивы какой-то особенной, печальной красотой. Однако так или иначе осень кладет предел всем сугубо летним видам рекреационных занятий и требует составления принципиально иных циклов. Впрочем, познавательный туризм с его традиционными автобусными поездками и экскурсиями в музеи и парки, центры старинных городов и монастыри вполне хороши и осенью, в том числе поздней, требуется лишь перенести некоторые акценты и предусмотреть возможность временного приюта под надежной кровлей на случай непогоды. Турист — тот же обыватель, только тронувшийся с насиженного места, поэтому осенью он также нуждается в усиленном уходе, следовательно, маршрутный сценарий должен предполагать возможность пребывания на своего рода «станциях переживания» (если использовать экологический лексикон), в роли которых могут выступать и небольшие кафе, и приюты с простейшим набором удобств, и просто избышки с чугунной печью и чайником.

Зима. Это туристский антипод лета, что означает необходимость полной смены рекреационных занятий и рекреационных циклов. При этом сохраняется известная аналогия, хотя и весьма относительная: если лыжные прогулки еще можно считать аналогом пеших, а катание на санях в упряжке — прогулкам на дилижансе, то отдых у воды в зимнем спектре развлечений замены нет, разве что мы сочтем моржевание в проруби нормальным купанием... Зато появляются исконно зимние занятия: коньки, катание с горок на разнообразных приспособлениях, быстрая езда на снегоходах, зимняя рыбалка и многое другое.

Россия — безусловно зимняя страна, ежегодный «малый ледниковый период» отнимает здесь 6—8 месяцев, однако в туристско-рекреационном отношении зимний сезон можно считать «полумертвым». Отчасти это объясняется утратой народных традиций зимнего отдыха и коренным изменением образа жизни, который повсюду сопутствует тотальной урбанизации. Любое взрослое рекреационное занятие уходит корнями в детские игры. Дети России всегда много и с наслаждением гуляли зимой. В «старые вре-

и т. д. Очень хороши в такой микросезон прогулки на любых видах речных и озерных маломерных судах: поскольку акватория всегда холодней твердой земли, в жару именно здесь возникает желанный оптимум.

Летние циклональные погоды связаны с частыми и сильными дождями, иногда затягивающимися на неделю и более. В этом случае температуры дня опускаются до 16—18 °С, а ночи — 13—14 °С. Следует подчеркнуть, что «сплошными» и «обложными» дожди выглядят все-таки из окна городской многоэтажки в спальном районе или стеклобетонного офиса в центре города. Автор, вкусивший немало месяцев палаточной жизни, всегда удивлялся тому обстоятельству, что для приличного недеморализованного туриста, так же как для крестьянина, геолога или промысловика, дождливая погода складывается из «окон» слабого дождя или «почти-нет-дождя» (который испаряется, едва долетая до земли, особенно если вы хлопчете по хозяйству у костра), и действительно сильной досадной «сечки», во время которой приходится «заползать» в палатку и слушать шорох капель, разбивающихся о поверхность натянутого палаточного тента. Поэтому пасмурный дождливый день способен принести в палаточный городок и свои прелести и свою романтику «борьбы» с непогодой (которая у незадачливых «чайников» часто имеет характер борьбы за «огонь»).

Вообще говоря, дождь не перекрывает радикально возможности для пеших походов и любых других путешествий, однако в этих условиях предпочтителен ночлег под надежным кровом: установка и снятие палаток в дождь при ежедневном перемещении не возможны: С другой стороны, в стационарном лагере с современными тентовыми палатками можно с успехом пережить любую непогоду.

Особый микросезон лета составляют дни продолжительной непогоды с резким падением суточных температур и вторжением холодного арктического воздуха. Пасмурные, пусть без частых дождей, но уж очень неуютные дни заставляют отказаться от многих видов отдыха. Единственное преимущество при условии достаточно свежего ветра — отсутствие кровососущих насекомых. Однако пешие путешествия хороши в такую погоду: ходьба под рюкзаком (вес которого может достигать 35—40 кг) на холодке и при встречном ветре куда приятнее!

Осень. Золотое время для отдыха, когда исчезают практически все кровососущие насекомые, а ландшафт становится особенно красивым. Для осени характерны возвраты тепла (сентябрь, реже октябрь) длительностью от нескольких дней до нескольких недель: В дни «бабьего лета» стоит тихая, ясная и теплая погода. Такие периоды — настоящая находка для туристской деятельности: помимо открывающегося в конце августа сезона охоты турист

может наслаждаться тихой грибной охотой в многочисленных лесах и перелесках.

Совершенно пропашими для туризма можно считать затяжные осенние дожди в сентябре-октябре и мучительный микросезон перехода от промозглого сырого холода ноября к первому устойчивому снеговому покрову декабря. Сценарии осени непредсказуемы и разнообразны. Бывает, и октябрь простоит золотой и теплый, а бывает, и в сентябре уже выпадет снег. Живописен и относительно не потерян для туризма вариант с «медленным остыванием»: когда в ноябре холод постепенно сковывает землю, прибавляя ночь от ночи льда к береговым окраинам и потихоньку присыпая холмы снеговой порошей. Поздняя осень — не сезон на русском Севере, а напрасно: ландшафты в это время красивы какой-то особенной, печальной красотой. Однако так или иначе осень кладет предел всем сугубо летним видам рекреационных занятий и требует составления принципиально иных циклов. Впрочем, познавательный туризм с его традиционными автобусными поездками и экскурсиями в музеи и парки, центры старинных городов и монастыри вполне хороши и осенью, в том числе поздней, требуется лишь перенести некоторые акценты и предусмотреть возможность временного приюта под надежной кровлей на случай непогоды. Турист — тот же обыватель, только тронувшийся с насиженного места, поэтому осенью он также нуждается в усиленном уходе, следовательно, маршрутный сценарий должен предполагать возможность пребывания на своего рода «станциях переживания» (если использовать экологический лексикон), в роли которых могут выступать и небольшие кафе, и приюты с простейшим набором удобств, и просто избушки с чугунной печью и чайником.

Зима. Это туристский антипод лета, что означает необходимость полной смены рекреационных занятий и рекреационных циклов. При этом сохраняется известная аналогия, хотя и весьма относительная: если лыжные прогулки еще можно считать аналогом пеших, а катание на санях в упряжке — прогулкам на дилижансе, то отдыху у воды в зимнем спектре развлечений замены нет, разве что мы сочтем моржевание в проруби нормальным купанием... Зато появляются исконно зимние занятия: коньки, катание с горок на разнообразных приспособлениях, быстрая езда на снегоходах, зимняя рыбалка и многое другое.

Россия — безусловно зимняя страна, ежегодный «малый ледниковый период» отнимает здесь 6—8 месяцев, однако в туристско-рекреационном отношении зимний сезон можно считать «полумертвым». Отчасти это объясняется утратой народных традиций зимнего отдыха и коренным изменением образа жизни, который повсюду сопутствует тотальной урбанизации. Любое взрослое рекреационное занятие уходит корнями в детские игры. Дети России всегда много и с наслаждением гуляли зимой. В «старые вре-

мена», когда в иные суровые зимы школы закрывались в крещенские морозы и каникулы поневоле продлевались на две, а то и три недели, дети попросту не уходили с улицы. Катание с горок-ледянок на полах собственной шубки или на картонке, лыжи и коньки на валенках, такой же хоккей в валенках и с «самопальными» клюшками по утоптанному снегу с шайбой или мячом, бесконечное строительство снежных баб по мокрому снегу и возведение целых снежных крепостей и городков с их последующим взятием (игра в «снежки») — все это уцелело в русской культуре вплоть до последних десятилетий XX в. Лишь нынешняя городская жизнь с ее отсутствующими дворами, которые по воле архитекторов превратились в «придомовые транзитные пространства», и новым поколением тинэйджеров положила конец этой безудержной детской гулянке: нынешние «навороченные» дети предпочитают платные катки новейших спортивных комплексов...

Тем не менее рекреационный опыт детства поучителен, ибо он дает в наши руки ключ к понимаю тех ощущений, которые способны дарить человеку бодрость и наслаждение, азарт и смену впечатлений. Зимние рекреационные занятия нового времени так или иначе будут строиться на подобных же, потребительских ожиданиях, однако будучи включенными в турпродукт старые забавы потребуют специальных приготовлений и обустройства.

За исключением аномально холодных зим общее число дней, пригодных для туристско-рекреационной деятельности в зимний сезон, может быть оценено в 100—120 дней — и это немалый потенциал. В зависимости от конкретных условий сменяемости погоды в течение зимы можно выделить, как минимум, четыре микросезона:

1) предзимье с неустойчивым снежным покровом и частыми оттепелями;

2) начало зимы и «теплые» периоды с многочисленными снегопадами и часто подтаивающим снежным покровом — мягкая пасмурная погода с закрытым облаками небом, слабыми снегопадами и температурой 0—5 °С (устанавливается обычно после прохождения циклона);

3) холодная зима с крещенскими морозами — солнечная морозная антициклональная безветренная погода с прогревом воздуха в течение дня и максимальными температурами не ниже 10—15 °С;

4) окончание зимы с ясным солнцем и резкой разницей ночных заморозков и дневных оттепелей.

Устойчивый и достаточно мощный (к концу зимы не менее 0,5 м) снежный покров позволяет развивать практически все виды зимнего отдыха: катание на лыжах, санях, коньках и пр. Особый интерес может представлять возрождение забытого искусства ямской гоньбы, автогонки по льду озер и т. п.

Из существенных для развития сферы рекреации и туризма микроклиматических особенностей следует отметить следующие.

В пределах резко расчлененных форм рельефа (возвышенностей и речных долин) возможны весьма ощутимые различия по температурным и ветровым условиям, что должно быть учтено при проектировании инфраструктуры отрасли на местном уровне.

Наветренные берега водоемов, особенно водохранилищ, крупных озер и рек, отличаются четко выраженным бризовым режимом. Влияние водной массы крупных водохранилищ особенно велико и ощущается на расстоянии от 800 м до 3 км. Здесь отмечаются большие скорости ветра, а также значительно увеличено общее число дней с сильным ветром (до 15 м/с).

В зимнее время особенное значение приобретают условия инсоляции, которые на склонах южной экспозиции будут заметно более благоприятными, чем на северо-западных склонах.

5.3.2. Оценка рельефа и дренированности территории

Все типичные для севера и центра Русской равнины типы рельефа: от высоких моренных гряд до плоских озерных равнин — в той или иной степени пригодны для развития туризма и рекреации. В инженерном плане рельеф не является препятствием для развития туризма и рекреации. Устойчивость к нагрузкам и несущая способность пород всюду достаточна для сооружений туристской инфраструктуры: кемпингов, небольших отелей, домов и баз отдыха. Среди опасных геологических явлений должны быть упомянуты лишь оползни и осыпи, разрушающие местами высокие уступы волжских берегов (например, под Мышкиным и Угличем, Рыбинском и Тутаевым), а также берега практически всех искусственно созданных «рукотворных морей». Среди неблагоприятных явлений следует также отметить подтопление прибрежных зон этих же водоемов, вызывающее местное заболачивание ландшафтов.

Вообще колебание уровня воды в верхних и нижних бьефах волжских водохранилищ должно быть оценено как отрицательный фактор, выводящий из потенциальной сферы развития рекреации и туризма многие километры побережий. В условиях высоких берегов происходит, как уже отмечалось, разрушение берегового уступа. Вблизи низких берегов колебания уровня воды вызывают образование значительных площадей осушки (отмелей переменного затопления) и подмывание прибрежной растительности.

Простейшая экспресс-оценка различных форм рельефа и связанных с ними ландшафтов в инженерном плане для развития туризма может быть дана по следующим показателям (табл. 5.1):

I — несущая способность грунтов (3 — высокая, 2 — средняя, 1 — низкая);

**Региональная инженерная оценка типов рельефа
(на примере Верхневолжья)**

Классы ландшафтов	Признаки				
	I	II	III	IV	E
Высокие моренные гряды и холмистые возвышенности	3	0	2	3	8
Моренные равнины	3	1	3	3	10
Водно-ледниковые равнины	2	2	2	2	8
Зандры и высокие террасы	2	1	1	1	5
Озерные равнины	1	2	2	1	6
Речные долины и побережья водохранилищ и крупных озер	1	1	0	0	2
Низкие обширные поймы и котловины озер	0	3	2	0	9

Примечание: показатель «0» означает чрезвычайно высокую вероятность развития неблагоприятных экзогенно-динамических процессов.

II — развитие эрозионных процессов (3 — незначительное, 2 — заметное, 1 — весьма значительное);

III — развитие дестабилизирующих процессов — оползни, осыпи, блоки отседания и т.п. (3 — незначительное, 2 — значительное, 1 — потенциально опасное);

IV — развитие процессов подтопления (3 — маловероятное, 2 — возможное, 1 — весьма возможное);

E — интегральный показатель инженерной оценки.

Данная оценка позволяет обоснованно подойти к выбору территорий для размещения крупных туристических объектов.

Следует отметить, что в ходе обустройства туристско-рекреационных местностей и проектирования туристских комплексов оценка рельефа производится в ходе специальной операции выявления так называемой пластики рельефа, о чем мы расскажем подробнее в соответствующем подразделе.

5.3.3. Оценка речной сети территории

Оценка системы водотоков по пригодности для туризма и рекреации складывается из следующих аспектов:

- наличие «идеальных» рек с подходящими русловыми параметрами;

- скорость течения и выраженность русловых форм;
- тип поймы (заболоченность, заозеренность);
- степень развития подпорожных явлений на приустьевом участке.

Отдельные звенья речной сети представляют собой совершенно разные объекты и играют различную роль в территориальной системе рекреации и туризма. Для бассейна Верхней Волги могут быть выделены следующие типы речных звеньев — участков речных долин (табл. 5.2).

Верховья рек в пределах возвышенностей — это ограниченно меандрирующие и слабоизогнутые русла шириной до 8—10 м с неправильным чередованием русловых ям (бочагов) и перекаатов; средняя глубина водотока — 0,2 м, на перекатах до 1,0 м в пределах бочагов. В межень русла подвергаются сильному зарастанию.

Таблица 5.2

Сводные характеристики различных звеньев долинной сети и возможности их использования в развитии туризма и рекреации

Характеристики	Звенья долинной сети		
	Верховья рек	Средние течения	Низовья рек
Русловые формы	Бочаги	Плесьи и перекааты	Корытообразное днище
Глубины	0,5—1,0	1,0—2,5	2,5—6,0
Скорости течения	0,2—0,3	0,3—0,7	0,0—0,0 (обратные токи)
Зарастание	Нет	Да	Нет
Эвтрофикация	Нет	Средняя	Сильная — «цветение»
Пригодность для водоснабжения туриста в походе	Пригодны	Ограниченно пригодны	Непригодны
Пригодность для купания и отдыха	Непригодны	Пригодны	Ограничено пригодны
Спортивный сплав на байдарках	Невозможен	Возможен до середины лета	Невозможен
Аттрактивность долины	Заболочена, малопривлекательна	Наиболее привлекательная	Малопривлекательная
Отрасли, конкурирующие в использовании отрезка долины	Мелиорация, осушение, распашка	Животноводство, заготовка кормов	Высокая степень урбанизации (градо-строительство)

Ограниченно пригодны для купания и отдыха населения (отдых на берегу). Долина слабо врезана, пойма отсутствует или эфемерна, часто переувлажнена и занята малоценными зарослями ольхи и ивняка.

Ограничения к использованию: малые параметры русла, сильное зарастание, отсутствие хорошо выраженной пойменной площадки, пригодной для прибрежного отдыха.

Отрезки среднего течения рек — реки в пределах склонов возвышенностей до перехода в тектонически обусловленные низменности. Ограниченно и свободно меандрирующие русла с излучинами классической формы. Правильное чередование глубоких плесов в крыльях излучин с перекатами в точках разворота излучин. Ширина русла от 10 до 30 м. Средняя глубина русла 1,5 м. Глубины на перекатах до 0,5 м, на плесах — 3,0 м. Скорость течения до 0,7 м/с на перекатах. Хорошо выраженная пойма с выпуклой стороны излучины. Развитая долина реки с выраженной надпойменной террасой, которая подходит к руслу с вогнутой стороны излучины.

Вся долина идеально подходит для отдыха и рекреации. Особенную ценность представляют участки боровых надпойменных террас, вплотную подходящие к руслам, а также сухие гривы пойм с разнотравными лугами, которые могут быть использованы для размещения объектов туризма и рекреации.

Качество воды удовлетворительное, за исключением участков, непосредственно примыкающих к крупным животноводческим фермам и выгонам скота, а также мелким сельскохозяйственным предприятиям.

Ограничения: русла большинства рек к началу июля сильно зарастают макрофитами. Образуются отдельные практически непроходимые водным путем «мертвые зоны».

Русло реки件годно для некоторых видов водного туризма: байдарочного, сплава на небольших плотах, резиновых лодках.

Возможно подразделение по строению долины на два подвида: 1) участки среднего течения нормальной долины (суженной ее части);

2) участки среднего течения в озеровидных расширениях долин с увеличенной поймой.

Участки нижних течений рек — русла, свободно меандрирующие, с крупными, хорошо выраженными излучинами; ширина русла от 30 до 80 м. Глубины от 2,0 до 5 м. Русло подпорное, развито в пределах бывшей поймы, нормальные русловые формы отсутствуют, течение замедлено до 0,1 м/с, на ряде рек наблюдаются противотечения, связанные с режимом работы ГЭС.

Участки рек пригодны для прибрежного использования и плавания на крупных судах типа гребных лодок, ботиков. Эстуарные участки могут быть использованы для прогулок на яхтах.

Ограничения: низовья малых и средних рек, впадающих в крупные в верхних бьефах водохранилищ, подвержены подпору, с чем связано аномально «раздутое» русло и пониженная способность воды к самоочищению. Поэтому зачастую речная вода в низовьях к середине лета должна быть оценена по третьей категории как непригодная для купания и отдыха населения. Таким образом, значительный подпор следует считать наиболее неблагоприятным фактором, ограничивающим использование рек в нижнем течении, особенно в тех случаях, когда вода выходит за пределы бывших пойменных бровок и в устье реки, водохранилище долинного типа. Кроме того, нижние отрезки долин отличаются напряженным ветровым режимом и не вполне благоприятным микроклиматом.

Среди рек Средней России следует особо выделить реки и отрезки их течений, пригодные для спортивного сплава. Поскольку практически все реки территории являются типично равнинными водотоками, они представляют ограниченный спортивный интерес. Маршруты, проходящие по их руслам, в соответствии с принятыми в спортивной классификации оценками должны быть оценены по категории I, Ia. Однако некоторые реки на отдельных участках своего течения (при переходе с одного высотного уровня на другой) имеют весьма быстрые пороги, осложненные валунными полями. На этих отрезках могут проводиться тренировки туристов-водников.

Кроме того, ряд сравнительно небольших рек, прорезающих высокие борта волжской долины, представляют определенный интерес в «большую воду», когда в половодье на русле возникают «прижимы», пороги и другие сложные для прохождения элементы, характерные для II спортивно-туристской категории сложности. Так, например, уникальное русло имеет глубоко врезанная долина небольшой речки Колокши (левый приток Волги между Тутаевом и Рыбинском): русловое ложе практически полностью выложено крупными валунами, поэтому в половодье быстрый водный поток, возникает практически полная иллюзия горной реки.

5.4. Оценка аттрактивности региональных ландшафтов

5.4.1. Оценка эстетики ландшафта

Ландшафт «участвует» в туризме на правах важнейшего ресурса данной отрасли человеческой деятельности. Рекреанты и туристы активно «потребляют» ландшафт, даже тогда когда с их собственной точки зрения они ничем особенным не заняты: просто едут в автобусе или сидят в шезлонге на веранде пансионата. Любуясь

пейзажами за окном или греясь в лучах заходящего солнца, мы незаметно для себя «эксплуатируем» такое сложное определяемое качество ландшафта, как «красота», и другие его свойства: комфортность, экологическую безопасность и т. д. Определяя общую эстетичность и пригодность места, отдельные свойства ландшафтов довольно жестко регламентируют возможность развертывания тех или иных видов отдыха и туризма. Так, возможности водного туризма зависят от существования речных русел с определенными параметрами и скоростями течения, «тихая охота» требует наличия нетронутых лесных массивов, а зимнее катание на санках и лыжах с горок — соответствующих склонов с достаточной крутизной и протяженностью.

Таким образом, ландшафт оказывается вовлеченным в туризм и как системный ресурс, обуславливающий общую эстетическую ценность — пригодность пространства, и как набор конкретных свойств, определяющих потенциал развития того или иного вида туристской деятельности. Поэтому матрица территориальной оценки ландшафтных условий должна быть достаточно развернутой.

Ландшафт — сложный природный объект, внутреннее содержание которого обусловлено, как мы уже могли убедиться, сочетанием форм рельефа, механическим составом грунтов, преобладающими древесными породами и напочвенным покровом. Однако ландшафту присуща и внешняя форма — облик, воспринимаемый человеком через визуальную картинку. Смена пейзажных картинок происходит непрерывно при созерцании ландшафта из одной точки, а также в процессе перемещения наблюдателя как внутри ландшафта, так и снаружи.

Глаз человека — путешественника, туриста — скользит по ландшафту независимо от его желания по очень сложной траектории, напоминающей полет стрекозы: фокус восприятия «перелетает» от одного объекта к другому, задерживаясь («зависая») на основных, характеристических акцентах пейзажной картинки. Полученное в результате такого своеобразного восприятия-сканирования картинок впечатление результируется в сознании человека как пейзаж.

Пейзаж — это именно совокупное впечатление человека от увиденного в ландшафте, как таковое оно отличается от документальных снимков. Художники, рисующие пейзаж, как правило прибегают к его обобщению (т. е. к идеализации реальных визуальных картинок), поэтому изображение ландшафта на полотне никогда не совпадает с фотографией, сделанной с той же точки. Многие лучшие пейзажные полотна вообще написаны по памяти — это хорошо известный факт.

Но, так или иначе, ландшафт обладает собственной эстетикой, т. е. теми или иными свойствами, определяющими его красоту.

Последние исследования в области экологии ландшафта убедительно доказали, что красивый ландшафт — это обычно экологически благополучный и обустроенный ландшафт, и, наоборот, изуродованная местность, как правило, несет в себе многие экологические проблемы и беды. Следовательно, оценка ландшафтной эстетики — весьма полезная операция в полевой экологии ландшафта; к тому же она не требует специальных навыков и доступна любому желающему.

Существуют различные методики оценки эстетической ценности — красоты ландшафта.

В пейзаже можно выделить составляющие его отдельные элементы — конкретные предметы, образующие общую картину местности: ручей, купы деревьев, огромный валун, холм на горизонте и т. д.

Чаще всего отдельные элементы пейзажа связаны со структурными единицами ландшафта (если наблюдатель отстранен и способен увидеть значительную по размеру территорию). Находясь на вершине холма, вы, скорее всего, получите панорамный обзор, т. е. сможете крутить головой во все стороны и повсюду вас встретит пейзаж — более или менее живописный, образуемый гольми или покрытыми лесом вершинами других холмов, долиной реки, протекающей у подножья, опушкой леса на склоне холма, зарослями кустарников в пойме, разноцветными лентами лугов вдоль русла.

Если наблюдатель находится внутри ландшафта, то воспринимаемая картинка будет состоять из «деталей» конкретного урочища. Так, стоящий на бровке поймы рыбак с удочкой сможет видеть водную гладь реки, песчаный пляж и разнотравную пойму, а также склон долины и бровку террасы.

Сюжеты-картинки образуются всякий раз, когда мы бросаем взгляд в ту или иную сторону, пейзаж образуется от слияния этих картинок в общую композицию, которая формируется уже в нашем сознании.

Использование элементов композиции, притягивающих взгляд наблюдателя, — принцип, широко используемый в живописи, графике и архитектуре. Глаз человека и его сознание откликаются на визуальное воздействие предсказуемо и быстро. Не вдаваясь в подробности восприятия, заметим, что в общем и целом вектора зрительного восприятия совпадают с основными характеристическими линиями и точками ландшафта: от точек вершин и седловин взгляд скользит по гребням-водоразделам гряд и ребрам холмов вниз к их подножьям. И наоборот, взгляд поднимается вверх от подножья по тальвегам (долинам рек и ручьев, ложбинам и ложбинам) до бровки склона водораздела — линии уступа, ограничивающей свод возвышенности. Таким образом, каркасные элементы рельефа побуждают взгляд двигаться в определенном

направлении и определяют визуальные аспекты восприятия ландшафта.

Так, в уходящей вдаль ложбине — долине ручья — очертания отрогов (ребер) холмов, уходящих в перспективу и вверх, заставляют взгляд перемещаться от одного склона холма к другому: кажется, будто отроги сходятся вместе и каждый из них (за счет извилистого русла) вдается в расположенную напротив долину бокового притока или элементарный водосборный бассейн.

Наблюдатель в ландшафте безотчетно для себя самого «сканирует» местность (как это делают киборги из научно-фантастических фильмов), поднимаясь взглядом по тальвегам вдоль ложбин и долин и опускаясь вниз по ребрам и гребням холмов, создавая прочную зрительную взаимосвязь между гребнекилевыми каркасными формами рельефа. Здесь сама природа подсказывает нам законы дизайна: растительные сообщества понижений (ложбин и долин), как правило, имеют более сочный зеленый оттенок, чем сообщества выпуклых форм: гребней, ребер и грив. Очертания опушки леса, отражающие подобный характер распределения растительности, совпадают с нашими представлениями о том, как должен выглядеть красивый природный ландшафт.

Неслучайно поэтому *выразительность рельефа* — наиболее сильный фактор восприятия пейзажа.

Характер рельефа оказывает существенное влияние на масштабность и пропорции пейзажей. Исключительное значение имеет ширина водораздельных пространств, их относительная высота, расположение холмов, особенности их склонов. В целом по сравнению с равнинными и слабохолмистыми ландшафтами более высокой пейзажной выразительностью характеризуются холмистые ландшафты.

Форма склонов существенно влияет на угол наблюдения пейзажа. В зависимости от угла наблюдения меняется восприятие ландшафта.

Выпуклая форма склона заслоняет ближнюю перспективу, исключает элементы ландшафта, скрывая их в складках рельефа. Вогнутые склоны увеличивают угол обзора и формируют многоплановые пейзажи с хорошей просматриваемостью как ближней, так и дальней перспективы.

Экспозиция склонов (т. е. их ориентация по сторонам света) определяет микроклимат, который, в свою очередь, сказывается на сезонной аспектности пейзажа — его цветовом разнообразии. На склонах южной экспозиции наблюдается более ранний сход снега весной и большая вероятность обнажения коренных пород. На более холодных и пологих склонах северной и восточной экспозиций снег тает медленнее и его накапливается в три раза больше, чем на световых склонах. Даже в мае на теневых склонах можно наблюдать пятна снега. Такие же различия можно наблюдать и в осен-

ний период за счет разных темпов изменения цвета листвы на деревьях, скорости листопада и т. д. Тепловой режим склонов влияет на формирование растительного покрова и ее аспектность в течение вегетационного периода.

Наличие водных поверхностей — другой важнейший признак пейзажа. Руслу рек и блюдца озер образуют очень динамичные поверхности, резко отличающиеся по визуальным характеристикам от остальных элементов ландшафта. Водную поверхность недаром называют «водным зеркалом»: в ней отражается небо, то ясное при солнечной погоде, то свинцовое, затянутое низкими тучами. Поверхность воды меняет не только цвет, но и фактуру в зависимости от ветрового режима, то покрываясь рябью при ветре, то успокаиваясь и застывая. Зимой водоемы покрываются льдом, который (в зависимости от условий ледостава) также может иметь различные цвет, прозрачность фактуру.

При прочих равных условиях пейзажи, в которых присутствуют водные поверхности, имеют большую эстетическую ценность, они являются притягивающим элементом ландшафта. Поэтому при оценке водных объектов учитываются характер их размещения, величина и просматриваемость. Просматриваемость водных объектов определяется как хорошая, если она формирует пейзаж, и плохая, если рельеф или растительность способны ее скрыть.

Открытость или закрытость ландшафта оценивается по соотношению открытых и закрытых пространств или степени залесенности территории. С этой точки зрения ландшафты могут быть открытыми, полуоткрытыми и закрытыми. При залесенности, составляющей более 50 %, эстетические свойства ландшафтов резко снижаются несмотря даже на хорошо выраженный холмистый рельеф, поскольку при этом формируются замкнутые пространства. Для оценки открытости-закрытости ландшафта может быть использована следующая шкала (табл. 5.3).

Особое значение имеет характер размещения лесных массивов. Наиболее эстетически ценные ландшафты формируются за счет сочетания небольших массивов лесов с извилистой опушечной линией с отдельными группами деревьев и одиночными раскидистыми деревьями-солитерами с развитой кроной на фоне открытых пространств.

Таблица 5.3

Шкала оценки открытости ландшафта

Тип пространств	Залесенность, %	Оценка в баллах
Закрытое	60 и более	0
Полуоткрытое	20—60	2
Открытое	Меньше 20	1

Потенциальная *обозримость ландшафта* также может легко быть оценена наблюдателем. Различают панорамные пейзажи, которые можно наблюдать вращая головой во всей стороны (потенциально возможный угол восприятия здесь не меньше 270°), и секторные пейзажи (угол восприятия обычно менее 180°). Точки в ландшафте, с которых открываются наиболее ценные виды-картинки, называются точками обзора, их безотчетно ищет любой турист, охотник или путник в поисках привала на маршруте. Секторность таких точек, как правило, не менее 120° . В роли ограничителей сектора восприятия, как правило, выступают боковые границы — *кулисы*. Кулисами могут служить отроги холмов, лесная опушка, крутые склоны долины. Живописность, ажурность или плотность, высота и характер очертаний кулис во многом определяют эстетическую ценность ландшафта.

Элементы, составляющие пейзаж, формируют различные планы — визуальные ряды, отдаленные на различные расстояния от наблюдателя. В классическом пейзаже три плана: ближний, средний и дальний. Каждый, кто имеет хотя бы минимальный опыт фотографирования, безотчетно для себя самого формирует эти три плана. Фотографируя в походе или на экскурсии друга (подругу), вы, как правило, ставите его (ее) на передний план, выбирая в качестве фона группу деревьев или красивый храм (средний план), а дальний план образуется независимо от вашего желания — это может быть опушка леса на горизонте, холмы или уходящие вдаль берега реки.

В пейзаже выделяют зрительные фокусы — *доминанты*, притягивающие взгляд наблюдателя. В роли таковых также выступают различные элементы ландшафта: одинокий валун на склоне, старое дерево с мощным стволом и раскидистой кроной, живописная куртина кустарника. Понятно, что описывая пейзажные качества ландшафта, вы просто обязаны упомянуть и основные доминанты.

Пейзажи могут иметь протяженную *визуальную ось*, вдоль которой скользит взгляд наблюдателя: русло реки, старую дорогу.

До сих пор мы говорили о составных элементах пейзажа. Однако на эстетическую ценность ландшафта влияют и некоторые комплексные качественные характеристики, оценивать которые чуть сложнее: здесь потребуется некоторый навык.

Масштабность и пропорции ландшафта — это гармоничность (соразмерность) составляющих его элементов в пространстве.

Масштаб воспринимаемого ландшафта становится тем больше, чем шире угол неограниченного обзора и чем выше отметка, на которой находится наблюдатель. Следовательно, пространство воспринимаемого ландшафта выглядит более масштабным на вершинах холмов и высоких участках склонов и, напротив, более камерным у подножья склонов и в долинах. Поэтому очер-

тания малых фрагментов ландшафта нарушают пропорции, если они видны на фоне обширного пространства. Основными деталями изображения дальних планов должны быть крупные элементы (кромка леса, линия слившихся верхушек деревьев). На среднем плане «заиграет» сплошная опушка зрелого леса, на ближнем — рощица посреди поля, осложняющие линию опушки выступающие куртины деревьев, отдельно стоящие крупные деревья-акценты.

По мере изменения масштабности ландшафта меняются также пропорции очертаний лесов и лесопокрытых земель.

Если ландшафт кажется расчлененным, наиболее удачное сочетание его частей составляет $1/3 : 2/3$ — классический канон, многократно проверенный во всех сферах человеческой деятельности.

В соответствии с принципом *постепенного визуального раскрытия ландшафта* с точек общего обзора, господствующих над местностью, должны восприниматься лишь опущенные линии и основные формы рельефа, иначе пейзаж будет казаться перегруженным деталями.

Рассмотрим разнообразие элементов и характер ландшафта. В общем смысле под разнообразием понимается количество и отношение общего числа различных элементов к единице площади. Разнообразие — ценнейшая черта любого ландшафта, связанная как с его естественными свойствами (геоморфологическими — пластика рельефа, биотическими — разнообразие растительных ассоциаций), так и со свойствами, возникшими в результате многовековой деятельности человека в ландшафте (сенокосение, распашка, терраформирование, огораживание и т. д.).

С одной стороны, однообразный визуально монотонный ландшафт с выровненным рельефом, прямоугольными огромными полями и «подстриженными» монокультурными насаждениями выглядит убогим, и за этой убожеством скрывается экологическое неблагополучие (запаханные тальвеги и водоразделы, эродированные почвы, нездоровый и наполовину безжизненный лес).

С другой стороны, чрезмерное разнообразие и перегрузка «деталями» лишает ландшафт ощущения устроенности и возвращает его в состояние зрительного хаоса, которое часто есть признак хаоса экологического.

Следует иметь в виду, что в общем случае увеличение элементов разнообразия создает эффект уменьшения масштабности и наоборот; так можно визуально увеличивать или уменьшать некоторые формы рельефа.

К элементам разнообразия относится *культурно-историческое наследие территории* — курганные и грунтовые могильники, городища и селища различных эпох, валуны и обелиски, руины монастырей и храмов, остатки усадебных парков, мельницы, верстовые столбы и многое другое.

Вместе с природными акцентами (одинокими стоящими деревьями, вершинами холмов, родниками, выдающимися останцами рельефа) такие объекты являются визуальными и смысловыми узлами пейзажной картины, придающими ландшафту смысл, историчность, одухотворенность (а также «дух», «атмосферу», «ауру»).

Целостность ландшафта — единство его компонентов — зависит от увязки биоты ландшафта (растительности) с пластикой рельефа. Очертания лесов, перелесков, роц и отдельных куп деревьев и куртин кустарников должны укладываться в общую «схему» каркасных линий рельефа. Это правило «работает» в крупномасштабных пейзажах, где опушки лесных массивов должны определенным образом соответствовать линиям гребней водоразделов, ребер склонов и подножий холмов. Также и в камерных закрытых или полузакрытых ландшафтах растительность следует топологическому каркасу местности (на сенокосных поемных лугах светло-зеленые и желтые разнотравные луга гармонизируют с темно-зеленым ковром осок и злаков межгрядных понижений).

Биота ландшафта «ответственна» во многом и за общую *красочность* воспринимаемого человеком пейзажа: обилие ярких красок и оттенков придает ту или иную степень выразительности пейзажных картин. Сезонные изменения оттенков листвы и наземного покрова, абрисов отдельных деревьев, контуров куртин, зарослей, опушек и крупных массивов порождают разнообразные, сменяющие друг друга во времени виды...

Степень *натуральности* или *урбанизированности ландшафта* позволяет отличать естественные ландшафты от ландшафтов, сильно измененных человеком. Натуральным, или девственным, условно считается естественный ландшафт, в котором преобладают коренные урочища. Это могут быть леса, речные долины или луга, которые являются «дикими» или (как это чаще всего и бывает) представляются таковыми наблюдателю...

Атмосфера места, образ ландшафта — пожалуй, наиболее трудно определяемые качества, которые тем не менее хорошо ощущаются на интуитивном уровне. Атмосфера места — это как раз то, что трудно нарочито сформулировать, ибо этот сторона восприятия ландшафта поистине загадочна и непостижима. Особая атмосфера свойственна уникальным ландшафтам, насыщенным своеобразной мифологией, которую, в общем-то, создают люди...

Проведенный анализ позволил оценить основные классы ландшафтов Центра Европейской территории России следующим образом. Наибольшей ландшафтной привлекательностью обладают долины крупных и средних рек, а также расчлененные высокоподнятые холмистые возвышенности. Однако если первые уже хорошо известны туристам и рекреантам, то холмы и гряды морен-

ных и конечно-моренных возвышенностей, сохранившие типично сельские ландшафты, освоены лишь дачниками.

Оценка эстетичности конкретной туристско-рекреационной территории проводится по методике визуального анализа, который уже составляет часть операции ландшафтного планирования.

5.4.2. Оценка лесов для развития туризма и рекреации

Определяя состояние лесов для развития туризма и рекреации прежде всего следует оценить соотношение массивов различной размерности на территории региона. Очевидно, что если островная березовая рощица может быть использована разве что для привала и установки мангала под шашлыки, то в массиве протяженностью 30—50 км можно устроить и многодневный поход со всеми признаками «экстрима».

Центр Европейской территории России принадлежит к среднелесным территориям Российской Федерации. В последние годы лесистость областей этого региона колебалась между 30—46 %. Большая часть территории лежит в зоне южной тайги с преобладанием хвойных (сосновых и еловых) лесов. Южная часть относится к зоне хвойно-широколиственных лесов с примесью в древостоях к хвойным породам липы и дуба. Общий лесной потенциал территории для развития туризма и рекреации может быть оценен как благоприятный. Однако следует иметь в виду, что для территории Центра в полной мере характерны все те негативные процессы, которые были вызваны истощительным ресурсным лесопользованием в СССР на протяжении послевоенных лет. К ним прежде всего относятся:

- замена ценнейшего в рекреационном отношении фонда хвойных пород на мелколиственные малоценные породы (осина, ольха, береза);
- общее омоложение лесов и уменьшение удельного веса зрелых и приспевающих насаждений;
- уменьшение среднего размера лесных массивов (массивности лесов).

Большая часть лесного фонда региона на сегодняшний день представлена мелко массивными и островными смешанными и мелколиственными лесами. Крупномассивные леса сохраняются лишь на заболоченных слабозаселенных водоразделах (табл. 5.4).

По функциональной нагрузке, которая ложится на леса в сфере туризма и рекреации, все лесные участки области могут быть поделены на три группы (отчасти совпадающие с эксплуатационными группами, выделяемыми в лесном хозяйстве): пригородные, рекреационные периодического посещения, заповедно-резервные.

Таблица 5.4

Роль лесов региона в туристско-рекреационной сфере

Показатели	Типы лесов		
	Пригородные	Рекреационные	Резервные
Размерность, км	Мелкомассивные (до 5 км). Островные и полосные (0,5—5 км)	Среднемассивные (5—10 км)	Крупномассивные (более 10 км)
Лесохозяйственная категория	Леса I группы. Лесопарки. Зеленые зоны городов	Леса I и II групп, водоохранные	Леса II группы, эксплуатационные
Экологические функции	Очистка воздушного бассейна городов. Формирование микроклимата	Регулировка речного стока, защита водоемов от химической денудации с водосборов, сохранение местообитаний	Формирование мезоклимата, защита от кислотных дождей, сохранение генфонда флоры и фауны
Туристско-рекреационные функции	Кратковременный отдых, прогулки	Отдых уик-энда, сбор грибов и ягод, палаточные лагеря, рыбалка, стоянки на маршрутах пешего и водного туризма	Отпускной отдых, «погружение в природу», охота, рыбалка, сафари, элитарный туризм
Доступность	0,5 ч	0,75—1,5 ч	1,5—4,0 ч
Длительность пребывания туриста	0,5—3,0 ч	4,0—32 ч	От 1,5 дней до 2—3 недель
Задачи регламентации	Перевод в парковый режим эксплуатации	Ландшафтно-архитектурное обустройство мест «дикого» туризма	Разработка маршрутов, не нарушающих заповедный режим

Особое внимание в развитии туризма и рекреации должно быть уделено формированию зеленых зон городов и районных центров, многие из которых сегодня значатся существующими лишь на бумаге, номинально. Пригородные зеленые зоны должны вся-

чески охраняться и реконструироваться, поскольку им принадлежит важная роль в развитии городского туризма.

Определенное значение для туризма имеют и многочисленные мелкокомассивные и островные леса межхозлеса — «вписанные» в мозаику сельскохозяйственного освоения. К сожалению, эти леса (менее 0,5 км) ныне не подлежат даже детальной инвентаризации, в большинстве своем они находятся в земфонде, мелиораторы относят их к мелколесью, подлежащему уничтожению при культурно-технических работах. Между тем такие островки леса и лесополосы прекрасно «работают» в культурном ландшафте на местном уровне и, как выяснилось, играют роль защитно-кормовых ремизов для множества видов птиц и зверей, обитающих и кормящихся вблизи сельхозугодий. В странах Европы именно в таких лесах занимаются дичеразведением для спортивной охоты.

Особое значение имеет определение возраста лесных массивов. Опыт показывает, что для большинства видов туризма наиболее привлекательными являются зрелые или «перестойные» (в терминологии лесозаготовителей) леса. Причина такого предпочтения очевидна: в зрелом лесу крупные деревья с высокими сформировавшимися кронами отстоят друг от друга на значительном расстоянии (4—6 м), они имеют высокие пейзажно-эстетические и функциональные качества. При этом перевод их в лесопарковый режим, как правило, происходит естественным образом.

5.4.3. Биоресурсная оценка туристско-рекреационного потенциала

Оценка потенциальных ресурсов любительской охоты. К охотничьим угодьям относятся все земельные, лесные и водопокрытые площади, которые служат местом обитания диких зверей и птиц и могут быть использованы для охоты (кроме специально запрещенных для охоты мест, входящих в состав заповедников и охотничьих заказников).

Территориальная оценка потенциальных ресурсов любительской охоты затруднена в силу того, что учет данных по охотничьей фауне в охотоуправлениях построен по принципу валового учета. В целом можно констатировать, что охотничьи угодья тяготеют к сохранившимся массивам лесов, берегам рек и озер. Наиболее продуктивными по оценкам профессионалов являются экотонные участки ландшафтов — переходные полосы между лесом и лугом, поймы рек, окраинные зоны болот.

Продуктивность охотничьих угодьев оценивается по выходу добычи (мяса) с единицы площади. Так, для одной из типичных областей южно-таежной зоны Европейской территории России — Ярославской области — этот показатель составляет 229 кг/1000 га

(это на порядок меньше, чем в странах Северной Европы). О продуктивности охотничьих угодий косвенно можно судить также и по количеству зарегистрированных охотников. На сегодняшний день в той же Ярославской области их более 40 тыс. человек. Общая загруженность охотничьих угодьев (посещаемость) оценивается в 285 500 человекодней.

Таким образом, при планировании сюжетов рекреации и туризма, связанных с охотой, следует иметь в виду, что наиболее оживленные периоды этого вида деятельности приходятся на конец августа — начало сентября (открытие охоты, охота на дичь) и на отрезок времени с глубокой осени до конца календарной зимы.

Весной разрешаются следующие виды охот:

- на самцов глухаря на току;
- токующих самцов тетерева из укрытия;
- вальдшнепов на вечерней тяге;
- селезней, уток из укрытия;
- гусей из укрытия.

Весенняя охота разрешается продолжительностью не более 10 календарных дней на конкретный вид дичи.

Следует отметить, что увеличение ресурсов охоты может быть достигнуто путем целенаправленного финансирования соответствующей системы мероприятий:

- акклиматизации и реакклиматизаций;
- биотехнических мер (устройство солонцов, искусственных гнездовий, подкормка и др.);
- борьбы с вредными животными.

Однако и в нынешних условиях успешность охоты составляет в среднем 70—80 %, достигая при охоте на лося 100 %. Существующая система выдачи лицензий может считаться весьма подходящей для элитарного туризма. Так, при покупке спортивной лицензии (30 % от общего количества выдаваемых лицензий) охотнику достается вся туша, а также трофеи. Приобретение товарной лицензии (бесплатной) дает право на владение сувенирными трофеями — рогами, мясо в этом случае должно быть сдано охотхозяйству.

Хотелось бы отметить, что по мере того, как российский Центр и отдельные регионы Севера приближаются по уровню освоенности к средневропейскому стандарту, само по себе уничтожение диких животных — даже и под видом спортивно-любительской охоты — должно рассматриваться как нонсенс. Охотничье снаряжение становится все более совершенным, а фауна нашей страны — все более бедной. Так, например, в пределах Верхневолжья, некогда славившегося весьма значительным поголовьем лосей, сейчас нечасто увидишь этого обитателя южной тайги.

Охота в отдаленных районах российской провинции уже многие годы является частью стихийно складывающегося туристско-

рекреационного продукта. Состоятельные люди приезжают в «глубинку» специально для охоты на лося, кабана, медведя. К их приезду (весьма помпезно обставленному — непременно на дорогах джипах и с супермощным оружием) местные охотники проводят предварительную подготовку: животное выслеживается, загоняется, облачивается, словом «подводится» под выстрел. Горе-охотникам остается лишь спустить курок. Такого рода услуги стоят недешево и расчет за них производится «черным налом», причем подобными занятиями не брезгают ни подготавливающая, ни подгребающая стороны (например, по случаю приезда «особо высоких гостей» в подготовке может принять участие и глава местной районной администрации).

Не нужно быть великим спортсменом, чтобы попасть из ружья с оптическим прицелом в крупного лося, вышедшего на опушку осинника. «Расстрел» диких гусей,севших подкормиться на весеннюю старицу в пойме Волги, вряд ли сильно обогащает душу охотника-рекреанта. Так, может быть, пора сделать охоту уделом лишь самых отдаленных и все еще слабо освоенных регионов, а на остальных территориях предложить туристам замену в виде не менее авантюрной и захватывающей по своей сути фотоохоты и кино съемки?

Оценка потенциальных ресурсов любительского лова. Рыбное стадо российского Центра и Севера некогда считалось весьма значительным. На территории областей Верхневолжья действовало множество нескольких рыбозаводов, существовали даже рыболовецкие колхозы и рыбоотварные фермы. Значительный улов давали водохранилища волжского каскада. Так, средняя продуктивность Рыбинского «моря» оценивалась в 6,2 кг/га, продуктивность Горьковского водохранилища — 3,4 кг/га; в сравнении с этими показателями продуктивность естественных озер всегда была несколько меньшей (оз. Плещеево — 6,9 кг/га; оз. Неро — 4,8 кг/га).

Ареалы любительского лова лишь отчасти совпадают с водоемами промышленного значения, что объясняется различиями в методах лова. В Центральной России вообще развита как летняя, так и зимняя рыбалка (подледный лов). Первое место по популярности у рыболовов-любителей занимают русла малых рек, крупные озера и разливы, затем сама Волга (ее крупнейшие притоки — Ока, Кама) и, наконец, мелкие озера. Излюбленные места любительского лова довольно хорошо накладываются на участки произвольного рекреационного освоения, что объяснимо, поскольку рыбалка является одним из основных занятий рекреантов во все времена года, с которым по популярности могут соперничать лишь сбор грибов и ягод.

Рыбная ловля, особенно зимняя (в том числе в браконьерской форме), давно входит в состав «дикого рекреационного продукта». К скованному льдом водохранилищу всю зиму подкатывают те же

джипы со столичными номерами. Владельцев пересаживают на «бураны» и подвозят к уже установленным сетям, выборка которых (а это дело нелегкое) производится местной наемной бригадой. Однако кроме такой заказной рыбалки рыбное стадо страдает и от обычного промыслового браконьерства. Рыба добывается в огромных количествах и продается скупщикам прямо на побережье, не попадая ни в торговую сеть, ни на местные рыбоперерабатывающие заводы.

Таким образом, борьба с браконьерством во всех его формах, в том числе и в форме самых жестких ограничений, — единственная надежная гарантия сохранения потенциала промысловой фауны и рыбного стада. Одновременно это и преграда на пути развития уродливых форм туристско-рекреационного продукта.

Оценка потенциала «тихой» охоты. Территориальный потенциал сбора грибов и ягод практически трудно поддается учету, поскольку обычно в регионах отсутствуют необходимые данные по потоку рекреантов-сборщиков и по продуктивности «тихой» охоты.

Данные полевых обследований дают основание утверждать, что лучшие грибные угодья тесно связаны с мозаичным сельским ландшафтом в районах экстенсивного традиционного освоения (чередование мелкокомассивных островных лесов и рощ с лугами, небольшими мелкоконтурными полями и пастбищами), находящихся вдали от крупных урбанизированных ареалов. Против ожидания наиболее продуктивными оказываются не дремучие темнохвойные леса с преобладанием ели и с густой щеткой подроста, а просветленные смешанные хвойно-мелколиственные островки леса, разновозрастные, разнообразные по составу, с прогалинами, тропами и даже следами выпаса.

Таким образом, грибные угодья явно совпадают с экотонами в ландшафте. О продуктивности грибной охоты можно судить по косвенным данным. В среднем отдыхающие в Центре Европейской России проводят в лесах (занимаясь сбором грибов и ягод) около 70 ч в год, причем жители больших городов тратят на лесной отдых даже больше — 100 ч. Проводимое нами на протяжении 15 лет экспресс-обследование этого вида рекреации позволяет утверждать, что средний годовой сбор грибов на человека в год колеблется от 10 до 30 кг (естественно, показатель весьма усредненный — некоторые собирают на порядок больше, иные не собирают вообще).

Продуктивность сбора ягод составляет от 3 до 10 кг на человека в год.

В регионе имеют распространение почти все виды съедобных грибов (белые боровики, подосиновики, подберезовики, лисички, грузди, разнообразная «солонина», опята, шампиньоны и др.).

Следует иметь в виду, что выход грибов с единицы лесной площади сильно колеблется из года в год (чередование грибных и

негрибных годов), да и сами «грибные места» в известной степени непостоянны — в разные годы наиболее продуктивными оказываются разные районы области. Все это, естественно, затрудняет оценку территориального потенциала по данному виду рекреации.

Тем не менее абсолютно непригодными для сбора грибов могут считаться только нелесные площади, прошедшие этап интенсивного сельскохозяйственного освоения и мелиорации (окрестности Ростова Великого, например), а также любые пригородные территории и лесопарки. Последние — в силу того, что грибы являются мощными биогеохимическими аккумуляторами. Однако в последние годы в регионах России все чаще фиксируются случаи массового отравления грибами; по нашим наблюдениям, они связаны с первыми сборами грибов после длительной летней засухи, что вполне объяснимо с позиций биогеохимии.

Места сбора ягод могут быть в первом приближении разделены на две категории урочищ.

Первая — места сбора черники — привязана к надпойменным борovým террасам рек и долинным зандрам — холмистым дюнообразным полям, сопровождающим долины многих рек. Основной тип ландшафта — сосняки, иногда с примесью ели и березы. Боры-черничники хорошо известны местному населению и подвергаются ежегодному нашествию сборщиков ягод. Среди наиболее известных — надпойменные террасы и долинныи зандры рек. Часто черничники приурочены к сосновым борам широких озерно-аллювиальных равнин. Черника произрастает и в сосновых борах на песчаных водноледниковых холмах.

Не меньшую ценность для развития туризма и рекреации представляет другая категория урочищ — «комплексные» ягодники, разнообразных болотных массивов. Наибольший интерес как ягодные угодья представляют верховые сосново-сфагновые клюквенные болота, на которых кроме клюквы ведется сбор голубики, морошки, костяники. Следует отметить, что многие болота подверглись фрезерным торфоразработкам и в настоящее время представляют собой бедленды. Тем большую ценность составляют оставшиеся болотные массивы — места произрастания ягод, гнездования птиц, поэтому многие из них получили в последние годы статус заказников.

5.4.4. Оценка ограничений развития туризма и рекреации экологического и иного характера

Среди ограничений, связанных с антропогенным воздействием на ландшафт, наиболее важны те, которые диктуются степенью антропогенной геохимической трансформации ландшафта

Интегральная оценка ландшафтов для развития туризма и рекреации

Ландшафты	Ограничения
Слабоизмененные ландшафты с почвенным покровом без признаков эрозии под среднемаассивными условно-коренными хвойными лесами, находящиеся практически вне влияния антропогенного геохимического пресса	Отсутствуют, возможно длительное пребывание, пользование дарами леса, купание и отдых у воды, рыбная ловля, возможно выращивание чистой продукции
Заметно измененные ландшафты со слабородрированными почвами на придолинных склонах под сельхозугодиями и с ненарушенными почвами под условно-коренными и производными хвойно-мелколиственными средне- и мелкомассивными лесами со слабыми следами техногенного геохимического воздействия	Возможно продолжительное пребывание, сбор грибов и ягод, рыбалка, желательна проверка продуктов на качество, возможно размещение любых объектов туризма
Сильно измененные ландшафты с преобладанием среднесмытых почв под сельхозугодиями и производными мелколиственными и хвойно-мелколиственными мелкомассивными лесами, испытывающие среднюю степень техногенной геохимической трансформации	Экскурсионное и непродолжительное пребывание, эпизодический отдых возле островков леса, рек и озер, сбор грибов и ягод нежелателен
Кризисные ландшафты с преобладанием сильносмытых почв под сельхозугодиями и деградирующих почв под урбанизированными территориями с остатками полосных и островных мелколиственных и парковых сосновых лесов с многочисленными очагами сильного геохимического загрязнения	Экскурсионное пребывание, проезд и прохождение транзитом, полный запрет на сбор грибов и ягод, возможно строительство технических сооружений: автодромы, горки для лыжного спуска и т. п.

(табл. 5.5). Геохимическое загрязнение природных сред (воздуха, почвы и снега) наиболее опасно. Соединения, входящие в состав аэрозолей воздуха, непосредственно попадают в организм человека при дыхании. Токсичные вещества, накапливающиеся годами в почвах, сравнительно легко проходят цепочку «почва — растение — организм животных — организм человека» и в конечном итоге способны не менее пагубно воздействовать на здоровье.

Отметим, что возможность получать экологически чистые продукты особенно важна для развития туризма и рекреации и составляет пока один из главных козырей российского туристского рынка. Однако и на нашей территории далеко не везде имеются чистые поля, на которых можно вырастить чистые овощи; и чистые луга, на которых коровы «нагуляют» чистое молоко.

Степень техногенной геохимической трансформации ландшафта традиционно оценивается по данным снего- и почвенно-геохимических съемок, а также по космоснимкам, отражающим запыленность снежного покрова. Территория региона по данному признаку может быть разделена на четыре типа земель:

1) трансформация отсутствует (загрязнение не выявлено и потенциально не предполагается);

2) слабая трансформация (обнаружены следы загрязняющего влияния в виде отдельных очагов превышения фона по ряду элементов, наблюдается заметная запыленность снежного покрова);

3) средняя трансформация — обнаружены отдельные очаги превышения фоновых содержаний элементов в 3—5-раз, наблюдается весьма значительная запыленность снежного покрова;

4) сильная трансформация — выявлены обширные очаги загрязнения почвенного и снежного покрова, в том числе связанные в единые ареалы, превышение фона по ряду элементов в 5—10 и более раз, наблюдается сильная запыленность снежного покрова.

Следует иметь в виду, что картина геохимической трансформации ландшафтов на сегодняшний день выявлена далеко не в полной мере. Кроме крупных и очевидных ареалов загрязнения вокруг главных промышленных центров обнаруживаются и аномалии иного характера, связанные с радиоактивным загрязнением, в том числе в результате различного рода «экспериментов», проводившихся в конце 1970 — начале 80-х годов и до сих пор не получивших полного разъяснения. Не исключена возможность обнаружения подобных аномалий и в сравнительно благополучных с ландшафтной точки зрения районах в силу довольно сложного природно-антропогенного механизма их возникновения.

Итоговые интегральные варианты степени антропогенной измененности ландшафтов могут быть получены в результате одновременного учета нескольких факторов:

- степени геохимической трансформации;
- степени деградации почвенного покрова;
- степени нарушенности растительного покрова.

Степень деградации почвенного покрова территории можно оценить по преобладающим формам эрозии (линейная, плоскостная: слабо-, средне- и сильносмывые почвы, их распространение). Степень нарушенности растительного покрова определяется по проценту лесистости территории и доле мелко-, средне- и крупно-массивных лесов.

Особые медико-географические ограничения обусловлены наличием более или менее постоянных ареалов распространения разнообразных заболеваний, связанных с пребыванием в природной среде; к таковым в регионе относятся клещевой энцефалит, лептоспироз, геморрагические лихорадки, туляремия.

Сложность анализа медико-географических ограничений определяется тем обстоятельством, что большинство перечисленных заболеваний не имеют постоянного ареала и характеризуются неясно выраженной периодичностью, связанной со сложными экологическими циклами (так, туляремия зависит от вспышек размножения мышевидных грызунов).

В последние годы настоящим бичом российского туризма и отдыха на природе становится клещевой энцефалит. Энцефалитный клещ вплотную приблизился к городам, являясь ныне не редкостью и для городских парков и скверов, не говоря уже о пригородных лесах. Сезон наибольшего риска совпадает с концом весны — началом лета, что особенно неприятно, так как именно в это время идет «раскрутка» летнего турпродукта. Медико-географических исследований в этой области явно недостаточно: происхождение и перемещение очагов энцефалита фиксируются слабо, главврачи санэпидемстанций для перестраховки в последние годы объявляют энцефалитными (следовательно, опасными для посещения) практически все сельские районы. Однако закономерности все же существуют и они должны внимательно анализироваться. Так, очевидно, что клещ приблизился к урбанизированным и вообще освоенным территориям: риск быть укушенным в глухой тайге многократно меньше, чем в детском лагере отдыха в пригородной рекреационной зоне. Это заставляет нас предположить, что в распространении клеща активно участвуют синантропные (т. е. сопутствующие человеку и его жилью) виды, в частности обитатели свалок и мусорок — врановые птицы (вороны, галки). Очевидно также, что следует вернуться к практике обработки мест организованного отдыха, а также туристско-рекреационных местностей химикатами.

Оценка ограничений иного, неэкологического, характера включает в себя учет неблагоприятного (по разным причинам) соседства, а именно:

- соседство с военными объектами (части и гарнизоны, полевые полигоны, дивизионы, хранилища, ракетные пусковые установки и т. д.);
- соседство с объектами специального или стратегического значения (аэродромы, плотины ГЭС, крупные водозаборы и пр.).

Данные ограничения должны в обязательном порядке учитываться на уровне детальной порайонной проработки схемы развития туризма, при проектировании конкретных объектов туристской сферы и туристских маршрутов. В недалеком прошлом Стра-

на Советов была территорией со множеством ограничений: целые города считались закрытыми для посещения, а прогуливаясь по лесу, можно было столкнуться с колючей проволокой и грозной надписью «Стоять! Опасная зона». Регионы Центра и Севера России были просто напичканы различного рода объектами, связанными с размещением сил противовоздушной обороны (командными пунктами, ракетными дивизионами, техническими дивизионами, станциями слежения — высотомерами, дальномерами, аэродромами, ангарами и т. д.), что вполне объяснимо: ведь время подлета крылатых ракет от западной границы СССР до Московского округа противовоздушной обороны составляло 14—15 мин. Ныне ситуация изменилась кардинально, а вместе с ней изменилась и военная стратегема России: военных частей, объектов инфраструктуры и запретных зон стало значительно меньше; тем не менее оставшиеся должны быть приняты во внимание при оценке территориального потенциала и разработке районных схем развития туризма.

Пролет на параплане над дивизионом противовоздушной обороны не нанесет непоправимого ущерба обороноспособности страны, но вызовет неизбежный конфликт, в котором не заинтересованы ни туроператоры, ни отдыхающие: люди в погонах — тоже профессионалы своего дела и их требования следует уважать, даже когда они представляются нам избыточными.

5.4.5. Оценка богатства и разнообразия элементов культурно-исторического наследия

» При определении потенциала культурно-исторического наследия региона следует попытаться сосредоточить усилия на выявлении следующих элементов.

1. Выявление каркасных элементов наследия:

- древние водные пути;
- старинные тракты;
- локусы зарождения «верхневолжской цивилизации»;
- исторические центры городов;
- монастырские «углы»;
- центры зарождения и развития ремесел;
- княжеские и графские земли.

2. Выявление и анализ конкретных объектов, оценка их потенциальной функциональной роли в сфере развития туризма:

- архитектурные центры старинных сел и деревень;
- монастыри;
- дворянские усадьбы и памятные парки;
- археологические комплексы в ландшафте.

Как правило, многие из перечисленных объектов фигурируют в так называемых сводах памятников истории, архитектуры и

культуры, хранящихся в областных Управлениях по архитектуре и градостроительству. В некоторых областях созданы и функционируют специальные центры охраны памятников истории, архитектуры и культуры, в которых также созданы соответствующие банки данных. Однако зачастую эти сводки хранят информацию в табличной форме и не снабжены соответствующими картами, что затрудняет их использование в оценке территориального потенциала. Очевидно, что анализ элементов наследия должен проводиться средствами геокартографии.

Для этой цели во ВНИИ природного и культурного наследия по различным регионам России уже многие годы разрабатываются Атласы природного и культурного наследия. Имея в распоряжении карты природного и культурного наследия, туроператор может без труда составить новый маршрут или доработать старый, уже существующий, привязывая его к вновь открытым и закартированным элементам.

Анализ выявленных элементов и определение их роли в системе туризма включает в себя следующие аспекты:

- значимость объекта — уникальный, выдающийся, значительный; местного значения;
- сохранность — хорошая, средняя, плохая, руины;
- оценка — предложение новой функциональной роли объекта в системе туризма;
- оценка (на перспективу) — необходимых усилий и затрат по восстановлению объекта;
- форма собственности.

Проведенная оценка показала, что расположение элементов наследия далеко не равномерно. Косвенно это связано с тканью прежней (дореволюционной) русской жизни — бывшими графскими, монастырскими, княжескими землями и владениями, богатыми торговыми и ярмарочными селами, усадебными местами. Однако совершенно очевидно, что XX в. с его жесткими реалиями экономической и социально-политической действительности по сути перекроил эту ткань. Многие очаги прежде активной экономической и духовной жизни, насыщенные архитектурно-историческими сооружениями и интересными элементами культурного ландшафта, подверглись забросу и запустению, при этом большая часть памятников оказалась утраченной. Лучше элементы наследия сохранились в тех местах, где новая жизнь оказалась по соседству: так, большая часть доставшихся нам в наследство усадебных домов сохранились лишь благодаря тому, что в этих зданиях начиная с 20-х годов XX в. располагались сельские школы. Монастырские стены — и те оказались недостаточно крепки для того, чтобы пережить вековой рубеж: так, из более чем 40 монастырей Ярославской губернии уцелели до нашего времени чуть более десяти.

5.5. Оценка ареалов туристско-рекреационного освоения

Оценка ареалов туристско-рекреационного освоения предполагает, во-первых, оценку существующей системы организованного туризма; во-вторых, выявление и оценку зон самостоятельного туризма и рекреации. В рассматриваемом нами центральном регионе Европейской России существующая система организованного туризма ориентирована на традиционные маршруты Золотого кольца.

Наиболее мобильной структурой, освоившей местные маршруты, является система детско-юношеского туризма, в рамках которой проводятся постоянно действующие учебные курсы, маршруты, туристские слеты, фестивали.

Организационная структура детско-юношеского туризма (областной центр и подчиненные ему районные центры) сказалась и на территориальной организации туризма — каждый район имеет свои традиционные маршруты (водные, пешеходные и др.), а также места ежегодных сборов. Кроме того, туристы регулярно проводят общеобластные сборы и соревнования на наиболее популярных общих базах. Для оценки системы организованной рекреации составлялась «Карта типов существующих учреждений и предприятий (дома отдыха, санатории, пансионаты, пионерские лагеря, дачи, турбазы)».

Для оценки системы организованной рекреации и должны быть проанализированы следующие материалы.

1. Карта типов существующих учреждений и предприятий (дома отдыха, санатории, пансионаты, пионерские лагеря, дачи, турбазы).

2. Оценка загруженности и пропускной способности существующей сети (число мест, оборачиваемость за год и по сезонам, годовой поток).

3. Состояние существующих учреждений и предприятий в соответствии с мировыми стандартами (степень амортизации и необходимые меры по улучшению состояния)

Так, анализ территориальной системы организованной рекреации Центра Европейской территории России позволил сделать следующие выводы. Учреждения организованной рекреации распределены по областям и сельским районам крайне неравномерно, что связано, по-видимому, с существовавшей в 1960—1970-е годы системой землеотвода, отраслевым принципом финансирования сферы и общей неподготовленностью инженерных инфраструктур.

Пионерские лагеря, так же как и базы отдыха, могли себе позволить лишь предприятия «богатых» ведомств, при этом во избежание лишних затрат каждое новое учреждение «сажали» на уже

существующий каркас инженерной инфраструктуры (дороги, очистные сооружения, водозабор и пр.), таким образом сформировались явно перегруженные рекреацией ареалы.

Результатом несовершенства территориальной системы туризма и рекреации явилась рекреационная перегрузка ряда мест и очевидная деградация ландшафтов. Рекреационному истощению уже подверглись отдельные урочища ландшафтов речных долин Волги и ее притоков.

Признаками такого истощения являются нарушенный почвенный покров, переуплотнение почв, механические повреждения древостоя, отсутствие благонадежного покрова, суховершинность деревьев и др.

Дадим оценку сложившейся системе курортно-бальнеологических учреждений.

Практически все подобные учреждения расположены в долинах средних рек региона, а также в долине Волги и ее крупнейших притоков.

Таким образом, Центр Европейской России включает в себя ряд зон, в разной степени интегрирующих в себе рекреационный потенциал территории вместе с бальнеологическими ресурсами и средствами размещения (санаториями, профилакториями). Дальнейшее развитие этих зон предполагает:

- исследование и применение более широкого набора бальнеологических средств (минеральные воды, лечебные грязи, сапропели, илы;
- строительство учреждений с более разнообразным набором услуг и повышенным их качеством;
- поиск путей подключения историко-культурного потенциала к формирующемуся рекреационному продукту.

Выводы

1. Оценка территории для развития рекреации и туризма должна складываться из выявления потенциала, возможностей и ограничений развития, что предполагает предваряющее определение аттрактивности и рекреационной емкости ландшафта, богатства и разнообразия элементов культурно-исторического наследия, выявление экологических ограничений развития туристских центров, районов и зон, оценку рациональности и целесообразности существующей территориальной сети учреждений и баз отдыха, туризма и рекреации. Только на основе подобной оценки возможна разработка системы проекторочных и экономических решений по территориальной организации туристской отрасли.

2. Наибольшую важность и интерес представляет прикладная (целевая) оценка ландшафта территории, поскольку ландшафт оказывается вовлеченным в рекреацию и как системный ресурс, обуславливающий

общую эстетическую ценность — пригодность пространства, и как набор конкретных свойств, определяющих потенциал развития того или иного вида туристической деятельности.

3. Учреждения организованной рекреации распределены по сельским районам субъектов РФ крайне неравномерно; что связано с существовавшим в 1960—1970-е годы отраслевым принципом финансирования сферы, действовавшей системой земледелия и общей неподготовленностью инженерных инфраструктур. Результатом несовершенства территориальной системы туризма и отдыха явилась рекреационная перегрузка и очевидная деградация ландшафтов многих ареалов и зон отдыха.

Контрольные задания

1. Рельеф может как благоприятствовать, так и ограничивать развитие разных видов туризма, в том числе экстремального и спортивного. Какие виды спортивно-туристских занятий возможны в вашей области? Какие ограничены или вовсе невозможны? Приведите известные вам примеры. Может ли человек подкорректировать недостатки рельефа для развития некоторых видов туризма? Если да, то каким образом?

2. Оцените пейзажную привлекательность известного вам (часто посещаемого) ландшафта, используя предложенную далее матрицу описания и выставляя ландшафту оценки по этим или иным параметрам, приведенным в табл. 5.6.

Оценка каждой из групп проводится по нескольким признакам. Так, общее впечатление от пейзажа оценивается по наличию доминанты, многоплановости, красочности, натуральности с точки зрения визуального восприятия.

Таблица 5.6

Шкала оценки пейзажной выразительности

Признаки пейзажной выразительности		Шкала оценок	
Общее впечатление от пейзажа	Наличие доминанты	Не выделяется	0
		Выделяется	1
	Многоплановость	1 план	0
		2—3 плана	2
Более 3 планов		1	
Красочность	Невыразительная	0	
	Изменяется один раз в вегетационный период	1	
	Меняющаяся чаще	2	
Натуральность (девственность)	Измененный частично	0	
	Измененный	1	
	Девственный	2	

Признаки пейзажной выразительности		Шкала оценок	
Выразительность рельефа	Характер рельефа	Ровная местность Слабохолмистая Сильнохолмистая	0 1 2
	Характер склонов	Выпуклые Сложные вогнутые Прямые	0 1 2
	Экспозиция склонов	Более 50 % северной, северо-восточной и северо-западной Более 50 % южной, юго-восточной и юго-западной	1 2
Обилие водных поверхностей	Характер размещения и величина водных объектов	Сухие балки, редкие малые ручьи и озера Средние озера и реки Крупные реки с долинными комплексами, озера	0 1 2
	Просматриваемость водных объектов	Плохая — закрыта растительностью или скрыта в рельефе Хорошая — просматривается, формирует пейзаж	1 2
Пространственное разнообразие, растительность	Тип пространств	Закрытые — с залесенностью 60 % Открытое — с залесенностью менее 20 % и сверхоткрытые Полуоткрытое 20—60 %	0 1 2
	Характер размещения	Только насаждения специального назначения Небольшие площади роц и полноценные леса местами образуют массивы Скопление рассеянных роц	0 1 2
Природоохранные и уникальные объекты	Наличие и разнообразие природоохранных объектов	Нет Однообразные Многообразные	0 1 2
Антропогенное воздействие	Степень и характер изменения	Условно измененные Слабо измененные Рационально преобразованные	1 2 3

Признаки пейзажной выразительности		Шкала оценок	
	Наличие архитектурных акцентов историко-культурного и эстетического значения	Нет	0
		Есть	1
Использование территории в рекреационных целях	Пригодность территории для отдыха	Неудобная (труднодоступная или интенсивно используемая в хозяйственной деятельности территория)	0
		Удобная (экстенсивно используемая в хозяйственной деятельности, легкодоступная территория)	1
	Наличие рекреационных территорий	Территории эпизодического отдыха	0
		Стационарные (санатории, базы отдыха, детские оздоровительные учреждения)	1
Максимальное количество баллов			30

Оценке подлежат прежде всего степень и характер изменения ландшафтов. Слабоосвоенные местности обычно маловыразительны; так как велика вероятность формирования монотонных пейзажей. Слабо- и сильноосвоенные местности формируют разнообразные пейзажи, где доминантой могут выступать не только природные объекты, но и элементы культурного ландшафта. В сельской местности доминантой служит зачастую церковь, являющаяся архитектурным украшением визуально воспринимаемого ландшафта.

3. Дайте краткую характеристику интересным, с вашей точки зрения, пейзажам по следующей схеме:

- присутствие планов (переднего, среднего, дальнего);
- наличие боковых кулис;
- выраженность и характер визуальной оси;
- элементы-аттракторы, притягивающие взгляд;
- наличие и выраженность линии горизонта;
- выраженность сезонных цветовых аспектов;
- монотонность или разнообразие элементов разного плана;
- выраженность водных объектов;
- выраженность рельефа;

- растительность, ее компоновка и роль в построении пейзажа (отдельные деревья-акценты, купы деревьев или куртины, наземный покров);

- антропогенные элементы в пейзаже, их состояние и роль в построении пейзажа;

- атмосфера места и общее настроение пейзажа.

4. Охарактеризуйте туристско-рекреационный потенциал своего района по следующему плану.

А. Наличие привлекательных объектов исторического наследия:

- монастыри;

- сельские храмы;

- памятники археологии;

- места исторических сражений;

- памятные места, связанные с интересными историческими событиями;

- мемориальные места (т.е. места, связанные с жизнью известных людей);

- сохранившиеся архитектурные центры сел и деревень (с церквями, лабазами, каменными амбарами, почтой и т.д.).

Б. Наличие уникальных природных объектов и объектов, связанных с культурным ландшафтом:

- дворянские усадьбы и сельские парки;

- монастырские парки;

- мельничные места и старые плотины на реках;

- фрагменты древних водных путей и волоки;

- аллеи и отдельные исторические либо мемориальные деревья;

- красивые и привлекательные в плане отдыха озера;

- привлекательные участки речных долин;

- уникальные валуны;

- родники, святые источники и т.д.

В. Наличие мест стихийного рекреационного притяжения (т.е. таких мест, которые выбраны населением для отдыха самостоятельно):

- участки рек и долин с летними пляжами, местами для палаточных городков;

- участки озерных побережий;

- лесные массивы, в которых собирают ягоды;

- красивые болотные массивы, где в конце лета — начале осени собирают ягоды;

- просто лесопарки, в которых гуляют, отдыхают;

- реки, освоенные для сплава на байдарках, резиновых лодках и т.д.

Г. Попытайтесь сделать заключение о характере туристско-рекреационного потенциала вашей территории:

- какие виды элементарных рекреационных или туристских занятий могут иметь место в вашем муниципальном округе;

- какие объекты уже активно используются в туризме;

- какие виды туризма (пеший, автомобильный, конный, водный) вы бы стали развивать при наличии средств;

- какие новые маршруты могут быть предложены;

• какие проблемы видятся вам и вашим коллегам в использовании природного и культурно-исторического потенциала района?

5. Оценка туристско-рекреационного потенциала территории города. Охарактеризуйте туристско-рекреационный потенциал своего города (можно отдельного административного района, если речь идет о Москве или другом крупном городе) по следующему плану.

А. Наличие привлекательных объектов исторического наследия:

- городской кремль;
- старый укрепленный центр города с детинцем;
- остатки городского вала и другие фортификационные сооружения;
- монастыри;
- церкви и целые храмовые ансамбли;
- объекты старой промышленной архитектуры (старые фабрики и заводы, занесенные в Своды архитектурного наследия);
- объекты гражданской жилой архитектуры (жилые дома разных эпох, занесенные в Своды архитектурного наследия);
- памятники, монументы;
- технические сооружения (мосты, мельницы, пожарные вышки, башни и т. д.)

Б. Наличие уникальных природных объектов и объектов, связанных с культурным ландшафтом:

- парки;
- скверы;
- бульвары;
- набережные;
- пляжи, поймы рек и речные русла;
- озера;
- зоны отдыха (лесопарки, лугопарки, просто свободные и незастроенные пространства).

В. Наличие мест стихийного рекреационного притяжения (т. е. таких мест, которые выбраны населением для отдыха самостоятельно). В этой части попытайтесь описать рекреационное и туристское использование элементов рекреационного каркаса города. Проанализируйте, как (т. е. какие виды отдыха) и в какой степени (т. е. насколько интенсивно) используются элементы ландшафта, выделенные вами в п. «Б»:

• какие виды элементарных рекреационных занятий (прогулки, барбекю-шашлыки, летний волейбол, футбол, зимнее катание на лыжах, поездки на лошадях и санях, плавание на лодках, водных велосипедах, аттракционы и пр.) получили развитие;

• как по времени длится типичных отдых в таких местах («вышли-перекурили» — 20—30 мин, получасовая прогулка, 3—4 ч, можно провести целый день):

• насколько разные места в городе и пригороде подготовлены для отдыха (площадки для нарковки, дорожки, формы малой архитектуры, лесная мебель, беседки, спортивные поля и сооружения);

• есть ли формы аренды каких-то участков территории для туристских или рекреационных целей турфирмами, если да, то какие виды отдыха практикуются.

Г. Оцените инфраструктуру своего города или отдельного административного района для приема туристов и отдыхающих:

- наличие мест общественного питания, в том числе с приемлемым соотношением «цена — качества»;
- наличие гостиниц, пансионатов, баз отдыха в городе и ближайшем пригороде.

Д. Попытайтесь сделать заключение о характере туристско-рекреационного потенциала территории города:

- какие объекты уже активно используются в туризме;
- какие новые маршруты могут быть предложены;
- какие проблемы видятся вам и вашим коллегам в использовании природного и культурно-исторического потенциала города.

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

6.1. Классификация воздействий туризма и рекреации на территорию

Как мы уже могли убедиться, современные рекреация и туризм обнаруживают совершенно очевидное тяготение к природе. Популярный в 1970—1980-е годы осмотр достопримечательностей больших и малых городов сменился поисками уединения, возможности общения с природой, отдыха на ее лоне, несколько авантюрными попытками проверки собственных сил в экстремальных, но опять же природных, условиях.

Всемирный вал туристско-рекреационного освоения с его явным «выходом» в природу породил заметную нагрузку на многие, в том числе весьма ценные природные и природно-культурные ландшафты мира — начиная от Швейцарских Альп и заканчивая африканской саванной; в этом смысле, к сожалению, территория России не составляет исключения. Оказалось, что транзитное следование, проезд на автомобилях, пешее прохождение маршрута, конные прогулки, все виды сплава по воде с организацией многочисленных кемпингов и стоянок далеко не так безобидны для ландшафтов. Любовь человека к природе, проявляющаяся в горячем стремлении общаться с нею, стала еще одной и притом довольно неожиданной опасностью для ее (природы) существования.

Общепринято, что воздействие рекреации на окружающую среду зависит от масштабов и типа рекреационно-туристской деятельности: отдельный рекреант не оказывает обычно значительного влияния на территорию — проблемы появляются при увеличении числа рекреантов и сопутствующей этому изменению степени использования ресурсов, поэтому хотя туристско-рекреационная сфера может являться значительным источником дохода, с нею связаны серьезные проблемы.

Понятно, что в такой ситуации особое значение приобретает анализ видов и степени воздействия туризма и рекреации на природу охраняемых территорий. Данная задача чрезвычайно сложна, поскольку в отличие от многих других видов деятельности туризм и рекреация не отличаются простым или однородным характером воздействия на окружающую среду; часто их влияние имеет ком-

плексный характер и значительно изменяется во времени (туристские сезоны и микросезоны). Кроме того, помимо физического воздействия на природу, какое географы и экологи научились оценивать [32, 37], данная сфера оказывает мощное социокультурное влияние на любой регион, и которое определить очень не просто. Наконец, многие виды рекреационного воздействия на территорию имеют очевидный эффект «последствия», по последствиям перекрывающий масштаб кратковременных изменений.

Тем не менее задачи управления туристско-рекреационной сферой требуют разработки научно-методических подходов, позволяющих хотя бы в первом приближении достоверно представить характер и степень воздействия тех или иных видов рекреации и туризма на территорию. Всю совокупность воздействий можно разделить на две категории: прямые, связанные с непосредственным присутствием туристско-рекреационной деятельности, и косвенные, вызываемые сопутствующей инфраструктурой.

Практически любой вид рекреационной деятельности захватывает со временем все компоненты ландшафтов, однако виды воздействия принято рассматривать как раз покомпонентно, что объясняется, на наш взгляд, не столько сущностью процесса, сколько спецификой восприятия результатов отдельными специалистами. В соответствии с принятой логикой можно выделить следующие типы воздействия:

- воздействие на литосферу (почвообразующие породы и грунты, геологическое строение, минералы, ископаемые и пр.);
- воздействие на почвенный покров;
- воздействие на водные объекты (реки, озера, грунтовые воды);
- воздействие на растительность (на видовом и биоценоотическом уровнях);
- • воздействие на животный мир (на видовом, популяционном уровнях);
- • воздействие на санитарное состояние территории;
- воздействие на ландшафты и ландшафтную структуру территорий;
- • воздействие на эстетические (пейзажные, видовые) свойства ландшафта;
- • воздействие на культурную среду региона.

Этот список (составленный по «вертикали» компонентов ландшафтной оболочки), безусловно, нельзя считать исчерпывающим, но для нас важно то обстоятельство, что результаты воздействия туристско-рекреационной деятельности на окружающую среду часто проявляются именно в приведенной последовательности, а это означает, что их можно предвидеть и до известной степени предупредить. В «горизонтالي» на территории первыми претерпевают серьезные изменения те участки, на которых наиболее раз-

вита рекреационная деятельность. Следовательно, можно прогнозировать и предупреждать ситуацию в других регионах с развивающейся сферой туризма и рекреации.

Рассмотрим различные аспекты воздействия туристско-рекреационной сферы на окружающую среду, используя уже известную нам фактуру региона российского Центра и Севера.

6.2. Воздействие туристско-рекреационной деятельности на отдельные компоненты ландшафта и экосистем

На территории российского Центра и Севера, в силу особенностей его геолого-геоморфологического строения, возможны ни скалолазание, ни спелеология, по этой причине нет нужды говорить о влиянии этих видов деятельности на окружающую среду. Хотя отдельные известняковые стенки в коренных берегах Верхней Волги освоены скалолазами как тренировочные; интересно, что в местностях совершенно равнинных для этой же цели используются стены полуразрушенных старых церквей. Результаты повсюду аналогичны: забитые и оставленные в стенах костыли, искореженные закладки, свежие трещины и рухляк кирпича (или известняка) вдоль провешенных страховочными веревками трасс лазания.

Однако не это рекреационное занятие тревожит экологов. Куда большее распространение, на территории равнин Европейской части России получило «палеонтологическое собирательство» — *хищнический сбор* окаменелостей на практически всех известных обнажениях геологических слоев: от мезозоя до четвертичной эпохи. Коллекционирование образцов ископаемой фауны и флоры (в меньшей степени — кристаллических образований и горных пород), давно уже модное на Западе, ныне стало популярным и в России. Посещение обнажений экскурсантами со свойственным им стремлением прихватить что-нибудь на память само по себе не фатально для геологических памятников, поскольку это может быть кремневшая брахиопода из карбона или белемнит («чертов папег») — образцы не слишком ценные и тысячами встречающиеся на волжской бечеве вдоль всех ее берегов. Однако любительское собирательство быстро переродилось сначала в профессиональное коллекционирование, затем в один из способов наживы со сбором ценнейших образцов и продажей их на черном рынке. Одним из наиболее драматических примеров последствий подобной деятельности являются верхневолжские обнажения Глебово и Тихвинское. Глебовские аммониты и тихвинские стегоцефалы можно видеть в частных коллекциях Германии, США и даже Австралии.

Наблюдения последних лет показали, что рекреация и туризм являются довольно значительным геоморфологическим агентом, причем это воздействие способно возрастать экспоненциально, после того как плотность рекреантов на гектар территории превышает некую пороговую величину. Интересно, что в этом смысле люди не представляют собой чего-либо «эксклюзивного» и воздействие отдыхающих на геоморфолитогенную основу ландшафта вполне аналогично таковому стада коров, а рекреационно перегруженные угодья не слишком отличаются от испытывавших перевыпас пастбищных угодий.

Прокладывание пешеходных троп в пределах речных долин на всей равнинной территории России приводит к образованию таких же микротеррас на склонах, как и пастбищный перевыпас, также нагружает пойменные бровки или уступы надпойменных террас, вызывая осыпи и обвалы блоков супесчаного грунта либо оползни блоков суглинистого грунта. На рекреационно освоенных участках долины реки можно наблюдать развитие классических суффозионных полуцирков с оползанием целых блоков террасы в русло реки.

Нередко рекреанты и туристы, просто изо дня в день спускаясь по одному и тому же пути к реке, способствуют раскрытию свежего понора в толще обрыва высокой поймы, который, в свою очередь, становится устьем свежего, активно развивающегося оврага. Известны случаи, когда это происходило в результате обустройства спуска копаными ступеньками.

К сожалению, даже на специально спланированных для тех или иных видов рекреации территориях могут иметь место самые варварские по своей сути нарушения природного рельефа. Непременное желание подвести поверхность «под ноль», запахивая при этом функционально важные формы мезорельефа долины, приводит к общей дестабилизации поверхности, нарушению дренажа, заболачиванию. Последнее явление получает развитие в том случае, если вновь возводимые сооружения перехватывают поверхностный или подземный сток, самый типичный случай — перегораживание притеррасных речек или родников, раскрывающихся у тылового шва террасы или поймы.

Серьезной проблемой была береговая эрозия на малых и средних реках России, вызванная движением моторных лодок и поднимаемой ими волной. Поэтому (а также из-за вреда, наносимого рыбному стаду и загрязнению) с 1983 г. использование маломерного флота было запрещено и проблема отпала сама собой. Однако в последние годы мощные катера и гидроциклы вновь появляются на наиболее популярных у рекреантов акваториях...

Распространенным видом нарушения природного рельефа в зонах самодеятельной рекреации являются многочисленные копаны, которые оставляют после себя самодеятельные туристы. Ямы

разных форм и конфигураций отрываются отдыхающими для различных целей: хранения продуктов «в тени», «захоронения отходов», прикапывания палаток и кемпингов, заглубления костров, наконец устройства временных туалетов. Дальнейшая судьба этих «дыр» в земле определяется культурой рекреантов: в худшем случае их оставляют, как есть (и тогда они кроме всего прочего представляют опасность для пасущихся коров как ловчие ямы); в лучшем — попытаются засыпать и столкнутся с неизбежным разочарованием всех неопытных землекопов: объем вынутого грунта не укладывается в яму и на месте копани вырастает небольшой курган голого грунта, вовсе не украшающий природный ландшафт.

Особой проблемой для рельефа туристско-рекреационных местностей являются рекреанты — приверженцы экстремальных видов туризма и спорта. В равнинных условиях Центра и Севера России любители спуска с гор (на лыжах, санях и прочих мыслимых приспособлениях) с трудом находят себе подходящие склоны, поэтому, обнаружив, уже не отказываются от их эксплуатации. В Верхневолжье в этом качестве используются крутые склоны глубоко врезанных речных долин. По нашим наблюдениям, после зимней эксплуатации таких трасс на поверхностях склонов возникают своего рода «лавинные лотки» — желоба срезанного грунта с нарушенным дерном, остальное довершает линейная эрозия.

Воздействие рекреантов и туристов на почвы сказывается, прежде всего, в уплотнении верхних (самых важных для растений) корнеобитаемых почвенных слоев. Здесь своего рода полигоном для мониторинга изменений могут служить леса, испытывающие значительные рекреационные воздействия.

За последние десятилетия многие близлежащие массивы лесов российского Центра перешли из разряда «диких», посещаемых в ходе «тихой охоты» за грибами, в категорию пригородных лесов уик-энда, а затем и внутригородских лесов. Соответственно возростала рекреационная нагрузка: из лесов кратковременного посещения и отдыха они превратились в уголья постоянного ежедневного пребывания горожан с плотностью, достигающей десятки человек на гектар, что теоретически должно было сопровождаться изменением правового и градостроительного статуса этих массивов.

К сожалению, в городах России (за исключением Москвы) соответствующие решения до сих пор не приняты, поэтому основные леса городов могут служить прекрасным полигоном для изучения различных стадий деградации лесных экосистем. Сначала происходит увеличение освещенности под пологом и образование световых окон между кронами, дробление целостного массива тропами и отдельными вытоптанymi пятнами-сбоями, уменьшение мощности подстилки вследствие вытаптывания. Затем нарушается целостность мохового покрова, начинается вне-

дрение луговых и рудеральных видов, площадь троп возрастает до 30 %. В подросте начинают преобладать тонкомерные стволы, а в остове первого яруса появляется большое количество больных и усыхающих деревьев — более половины древостоя. Посещая одни и те же участки из года в год, мы видим, как прогалины расширяются до полян, на которых лесная подстилка вытаптывается, разрушается. В таком лесу естественное возобновление уже невозможно.

Особенно неустойчивыми к вытаптыванию оказались ценнейшие биогеоценозы сухих лишайниковых боров на поверхности золотых дюн долинных зандров центра Русской равнины; по нашим наблюдениям, в таких ландшафтах необратимые явления распада древостоя могут начаться уже при нагрузке 10 человек на гектар в час.

В лиственных (дубовых, осиновых, березовых, тополевых) рощах повреждения почвы, связанные с «распылением» растительной подстилки, происходят обычно на тропинках и дорогах, а также на больших площадях в кемпингах. Исчезновение растительной подстилки из-за фрагментации (распада на части и последующей эрозии и выщелачивания) обычно происходит на ранних стадиях образования тропинок и дорог. Размельченная лиственная подстилка разносится ветром, усугубляя эффект от вытаптывания. Уплотнение оказывает отрицательное воздействие на способность почвы восстанавливать свой растительный покров, так как повреждаются корни растений. Следствием уплотнения также является нарушение дренажа (которое вызывает смыв почвы и эрозию), затрудняется доступ влаги и воздуха к корням растений и почвенным организмам (что ведет к сокращению их популяций и к гибели растений), уменьшается количество пор в почве (что приводит к сокращению популяций более крупных почвенных животных): На суглинистых грунтах в местах наиболее активной рекреационной деятельности, на дорогах и тропинках, а также в местах туристских стоянок уплотнение почвы может вызвать развитие глеевых процессов, что изменяет общий характер ландшафта.

Продолжительное разрушение лиственной подстилки губительно для экосистем, так как при этом снижается количество азота в почве. Кроме того, погибают микроорганизмы, обеспечивающие его образование и кругооборот. Особенно сильно разрушается почва под действием лошадиных копыт. По нашим наблюдениям, проведенным в Переславском национальном парке, для полного разрушения и перетапывания почвенного покрова на тропах прогона лошадей достаточно одной-двух недель и всего десятка животных. Это обстоятельство должно стать поводом для серьезных раздумий туроператоров, планирующих включить конные прогулки в состав турпродукта.

Схожие процессы наблюдаются и в пределах луговых рекреационных ландшафтов, в тех местах, где, скажем, в течение длительного времени располагаются палаточные лагеря или на участках рек, прилегающих к учреждениям организованной рекреации. Вслед за первой стадией переуплотнения почвенного покрова начинается деградация лугового биоценоза, которая различно проходит на лугах с супесчаными и суглинистыми почвами. В первом случае после единичных прорывов дернины появляются целые окна обнаженного грунта, который перевевается ветром или перебивается атмосферными осадками и паводковыми водами. На суглинках луговая дигрессия проходит иные стадии: изменяется микрорельеф поверхности, появляются кочки, меняется видовой состав трав, происходит общее закисление луга, в крайнем варианте также появляются пространства голого грунта с характерным неровным микрорельефом.

Таким образом, сама по себе рекреационная деятельность не является непосредственной эрозионной силой, она лишь создает условия, способствующие разрушительному воздействию ветра, воды и т.д. Наиболее распространенными результатами воздействия рекреации, содействующими эрозии, являются сокращение растительного покрова и уплотнение почвы, которые связаны между собой и обычно наблюдаются одновременно.

6.3. Комплексное влияние на водные экосистемы

В данном подразделе рассмотрим сложные комплексные воздействия туристско-рекреационной сферы на среду. Актуальнейшей проблемой является оценка воздействия на водные ресурсы и водные экосистемы. Традиционные подходы в этой области связаны с попыткой оценить потенциальное и действительное загрязнение. При этом надо исходить из закономерностей водопользования, собственных туристско-рекреационной сфере как потребителю соответствующих ресурсов.

Самодельные рекреанты и туристы, а также организованные учреждения отдыха и туризма располагаются в известной последовательности: как правило, «дикий» отдых больше связан с истоками и отрезками средних течений рек, в то время как масштаб водопотребления турбаз, санаториев-профилакториев и домов отдыха «привязывает» их к более крупным водотокам устьевых участков средних и малых рек.

Естественно, что «дикие» рекреанты могут рассматриваться как точечные источники загрязнения: люди, проводящие дни и недели в палатках возле русла малой реки, моют посуду, стирают, моются сами с применением современных моющих средств (прямое загрязнение). Кроме того, возле таких палаточных лагерей река.

может загрязняться косвенно — в результате смыва после дождя, когда потоки воды проходят через разнообразный мусор и временные туалеты, устраиваемые, как правило, тут же, неподалеку от лагеря.

В руслах рек на рекреационно перегруженных участках можно увидеть самый разнообразный мусор (бутылки, консервные банки, фрагменты упаковок от продуктов питания и пр.), однако справедливости ради надо отметить, что такую же картину мы увидим и в створе любой современной деревни (где мусор: автопокрышки, канистры или гусеницы от трактора — принято ныне сваливать в любые отрицательные формы рельефа — верховья оврагов или оползневые полуцирки), так что рекреация не является в этом смысле эксклюзивным источником загрязнения. Кроме того, в связи с особенностями водотоков в верхних и средних звеньях долинной сети (скорость, обилие перекатов с естественной аэрацией воды) можно говорить о высокой способности к самоочищению (хорошо известно, как быстро исчезают с подводной части песчаного пляжа остатки «туристской» вермишели и каш, аккуратно подъедаемые мальками рыб). В этом смысле рекреация как источник загрязнения не может идти ни в какое сравнение с фермами и мелкими сельскохозяйственными предприятиями.

Совершенно иная картина складывается на устьевых участках речных долин возле крупных учреждений отдыха. Нормальные очистные сооружения — редкость, подавляющее число детских лагерей, баз отдыха, санаториев, профилакториев сбрасывают в реки недоочищенные стоки, тем самым заметно ухудшая качество воды. Загрязнение в створе таких учреждений становится заметным даже по косвенным признакам — составу и состоянию флоры макрофитов.

Особой проблемой являются дачные поселки, имеющие, как правило, мощные насосы для водозабора, но не имеющие никаких очистных сооружений вовсе. С молчаливого попустительства контролирующих органов содержимое многих сотен выгребных ям не считается загрязнением. Между тем подавляющее большинство дачных поселков России возведено на супесчаных надпойменных террасах малых и средних рек, следовательно, возможность инфильтрации загрязненных вод ничем не ограничена. Зачастую жители этого же поселка используют для питьевых нужд воду источника, бьющего из свежего понора в пойменном сегменте ниже по рельефу, свято веря в ее чудодейственные лечебные свойства.

Многие притоки Волги, впадающие в нее в верхних бьефах волжских водохранилищ, находятся в подпоре на расстоянии от 4 до 18 км от места впадения. Местный режим таких водотоков весьма своеобразен: они практически не текут, возможны даже обратные

токи воды, в итоге образуются широкие лиманообразные водоемы с низкой самоочищающей способностью. В этом случае мы можем говорить об учреждениях рекреационной сферы как о чувствительном факторе эвтрофикации речных (или озерных) вод, факторе тем более заметном на общем фоне сокращения числа ферм и мелких сельскохозяйственных предприятий (шерстомоек, маслобоен, молоко- и сырзаводов и пр.).

Специфика туристско-рекреационной сферы как водопользователя (и вообще природопользователя) заключается еще и в том, что, загрязняя окружающую среду, мы губим; собственно значимый для развития отрасли ресурс. По нашим наблюдениям, купание в не слишком чистых водах в створе санаториев и баз отдыха приводит к спровоцированным микробиологией речных вод аллергическим ринитам, пищевым отравлениям и другим неприятностям. В результате рекреационные объекты наших городов: пляжи и купальни, расположенные в «финальных створах» больших и малых рек, — в межень просто закрываются санэпидемстанциями.

Другие виды воздействия рекреации и туризма на водные экосистемы не столь существенны. Яхтклубы, клубы, объединяющие любителей катания на парусных досках, эксплуатирующие акватории низовий рек, впадающих в Волгу, а также заливы волжских водохранилищ не наносят заметного ущерба природе. Популярный в России сплав по рекам на байдарках нагружает не столько речные русла, сколько небольшие по площади участки на поймах и коренных берегах рек, используемые туристами в качестве стоянок. Русла большинства малых рек российского Центра в межень представляют собой чередование практически полностью заросших макрофитами «мертвых» зон с небольшими фрагментами открытого русла. Байдарочники, проходя заросшие участки, оставляют после себя небольшие коридоры в группировках камыша озерного и рдестов, которые, однако, затягиваются через несколько часов. В прибрежных зонах озер подобное воздействие оказывают рыбаки на резиновых лодках и охотники за водоплавающей дичью.

Многие виды отдыха, связанные с водой, требуют устройства специальных пляжей. Пляж — строго определенная форма морфологии речного русла, свойственная достаточно большим водотокам с хорошо выраженными излучинами. В местах скопления отдыхающих пляжную площадку приходится, как правило, создавать, искусственно насыпая пески с выпуклой стороны излучины. Зачастую это делают без должного понимания характера руслового процесса, просто вываливая несколько машин с песком на берег реки. Такой излишек аллювия перемывается рекой в течение одного половодья, и искусственно созданная отмель исчезает.

6.4. Воздействие туристско-рекреационной деятельности на экосистемы и ландшафты

Выявить комплексное воздействие туристско-рекреационной деятельности на экосистемы и ландшафты не просто уже по той причине, что рекреационные воздействия крайне сложно выделить из всей совокупности влияния человека на природу, кроме того, рекреация долгое время не рассматривалась специалистами как самостоятельный фактор освоения территории.

Между тем систематическая рекреация является весьма мощным фактором трансформации ландшафтов и отдельных экосистем. Прежде всего, следует учитывать что рекреация — вид деятельности, проявляющий известную избирательность по отношению к определенным ландшафтам и их свойствам, причем в процессе осуществления рекреационной деятельности эти свойства могут поддерживаться — осознанно или косвенно — достаточно длительное время. Возьмем классическую рекреационную экосистему — сосновый бор на надпойменной террасе средней реки. Длющаяся годами умеренная рекреация постепенно приводит к выборке сухостоя, уничтожению кустарникового яруса, значительному разреживанию подлеска, невозможности возобновления сосны как породы — доминанты первого яруса; в результате формируется просветленный сосновый лес, как бы законсервированный в субклимаксной стадии, весьма привлекательный для рекреанта. Срок такой консервации, разумеется, не бесконечен и зависит от множества факторов, в первую очередь от интенсивности рекреационной нагрузки и ухода, но в идеале такой «звонкий» бор может существовать полвека и более. Таким образом, можно говорить о рекреации как факторе, способном пролонгировать чередование тех или иных сукцессионных стадий существования природного биогеоценоза.

Рекреация приводит также к трансформации ландшафтов. Замечено, что в окрестностях городов Европейской территории России многие классические сосняки-черничники, сосняки сфагновые и ельники кисличники под воздействием умеренной рекреации трансформировались в сторону сосняков и ельников травяных, а также сосняков и ельников сложных. Такой характер трансформации объясняется, по-видимому, исчезновением неустойчивого к вытаптыванию наземного кустарничкового яруса и замене его на лесное разнотравье. Это особенно характерно для малых городов, где этапам рекреационного использования пригородных лесов всегда предшествовали этапы пастбищной эксплуатации и связанного с нею обогащения верхнего горизонта почв.

С рекреацией тесно связано обеднение видового состава лесных и луговых экосистем. Виды, устойчивые к вытаптыванию, со временем абсолютно преобладают в наземном покрове лесных

ландшафтов, равно как и в травостоях пойменных и водораздельных лугов. Если говорить о долинных лугах малых и средних рек России, то здесь рекреация приняла эстафетную палочку от умеренного выпаса, господствовавшего на этих пространствах все послевоенное время вплоть до распада колхозно-совхозной системы, поэтому оценить удельный вес конкретно рекреационных видов воздействия пока достаточно сложно.

Еще сложнее оценить реальное влияние рекреационных видов деятельности на биоразнообразии фауны. В отличие от промысловой охоты рекреационная спортивная охота не сказывается заметно на численности животных, в этом плане ущерб от браконьерства куда более значителен.

Однако вполне очевидно, что простое присутствие людей также способно нарушить жизнедеятельность диких животных, особенно птиц и крупных млекопитающих. Часто неудобства животным причиняют не сами люди, а оборудование, которым они пользуются на отдыхе. Так, животных сильно беспокоит шум радиоприемников и двигателей автомобилей, что приводит к нарушению их размножения. Весьма мощные магнитолы, которыми снабжены современные автомобили, являются настоящим бичом для птиц и животных в летнее время.

Лодки рыбаков, байдарки и парусные суда наносят вред водоплавающим птицам, особенно тем, которые строят гнезда на поверхности воды. Часто это ведет к тому, что водоплавающие птицы покидают водоем.

Заметное воздействие оказывают скрытые рекреанты на достаточно хрупкие биогеоценозы болот. Массовый сбор клюквы в конце августа — сентябре сопровождается настоящей экспансией сборщиков: ягоды буквально сдираются «комбайнами» вместе с листочками растения, угнетению подвергаются и другие болотные кустарнички: подбел, кассандра, голубика. На поверхности сфагноума и по сплавидам протаптываются «мокрые» дорожки, возникающие из-за вытеснения влаги из-под следа ноги и последующего затекания ее в образовавшуюся микроямку. Особая проблема, связанная с рекреацией, — пожары на болотах, которые с большим трудом поддаются тушению и могут длиться в течение всего лета до сильных осенних дождей.

Выводы

1. Воздействие туристско-рекреационной деятельности на окружающую среду отличается комплексностью, значительной временной и пространственной изменчивостью, при этом характер возникающих в ландшафте трансформаций связан не столько с валовыми (физическими) показателями рекреационной нагрузки, сколько с уровнем ее организа-

ции и характером распределения по территории. Несмотря на очевидный ущерб, наносимый природной среде отдыхающими и туристами, умеренная регулируемая рекреация может стать средством консервации как отдельных элементов культурного ландшафта, так и крупных экосистем.

2. Оценка воздействия туристско-рекреационной деятельности на окружающую среду чрезвычайно затруднена, поскольку в отличие от многих других видов деятельности туризм и рекреация не отличаются простым или однородным характером воздействия, часто их влияние имеет комплексный характер, сильно флуктуирующий во времени.

Воздействие рекреации и туризма на территории можно разделить на две категории: прямое, связанное с непосредственным присутствием туристско-рекреационной деятельности, и косвенное, вызываемое сопутствующей инфраструктурой.

3. Рекреация — вид деятельности, проявляющий известную избирательность по отношению к определенным ландшафтам и их свойствам, причем в процессе осуществления рекреационной деятельности эти свойства могут поддерживаться — осознанно или косвенно — достаточно длительное время. Таким образом, можно говорить о рекреации как факторе, способном пролонгировать чередование тех или иных сукцессионных стадий существования природного биогеоценоза.

Контрольные задания

1. Изучаем рекреационную дигрессию лесов. Леса, часто посещаемые отдыхающими и туристами, испытывают значительное воздействие, которое может быть оценено по изменению состояния лесного массива. Провести такую оценку можно самостоятельно на пробных площадках (размером 40 на 40 м) в пределах хорошо известного городского или пригородного лесопарка.

Выводы о стадиях разрушения насаждений, называемых стадиями рекреационных дигрессии, можно сделать, используя табл. 6.1.

Таблица 6.1

Шкала стадий рекреационной дигрессии насаждений

Характер изменения лесной среды	Стадии дигрессии	Меры по оздоровлению ландшафта
Изменения лесной среды не наблюдаются. Подрост, подлесок и напочвенный покров не нарушены и характерны для данного типа леса. Проективное покрытие мхом составляет 30—40 %, травостой из лесных видов занимает 20—30 %. Древоустой совершенно здоров, с признаками хорошего роста и развития. Здоровых деревьев в хвойных насаждениях не менее 90 %, а в лиственных — 70 %	1	Не требуются

Характер изменения лесной среды	Стадии дигрессии	Меры по оздоровлению ландшафта
Изменение лесной среды незначительно. Проективное покрытие мохового покрова уменьшается до 20 %, а травяного увеличивается до 59 %. В травяном покрове появляются луговые травы, не характерные для данного типа леса. В подросте и подлеске поврежденные и усыхающие экземпляры составляют 5—20 %. В древостое больные деревья составляют не более 20 % от общего их количества	2	Устройство дорожно-тропиночной сети для уменьшения вытаптывания
Изменение лесной среды средней степени. Напочвенный покров в значительной степени вытоптан, проективное покрытие (50—10 %) — мхи встречаются только у стволов деревьев. Проективное покрытие травостоя составляет 80 %, из них 10—20 % — луговые травы. Подрост и подлесок средней густоты, неблагонадежный, усыхающих и поврежденных экземпляров до 50 %. Насаждения с замедленным ростом, рыхлым строением кроны у части деревьев, бледно-зеленой окраской хвои или листьев. В древостое больных и усыхающих деревьев от 20 до 50 %	3	Функциональное зонирование с выделением защитных зон, устройство дорожно-тропиночной сети
Изменение лесной среды в сильной степени. Подлесок и живой напочвенный покров вытоптаны, почва заметно уплотнена. Мхи отсутствуют, травяной покров составляет 40 %, из них 20 % — луговые травы. В древостое от 50 до 70 % больных и усыхающих деревьев. Многие деревья имеют следы механических повреждений или следы действия вредителей, болезней. Подрост редкий, сильно поврежденный или отсутствует	4	Ограничение доступа, выделение защитных ядерных зон и внешних буферных полос (опушек), изменение характера зонирования
Лесная среда угнетена, распад лесного сообщества вступает в заключительную стадию. Моховой покров отсутствует. Травяной покров составляет не более 10 %, причем состоит в основном из злаков, устойчивых к вытаптыванию. Подрост и подлесок отсутствуют, почва сильно уплотнена. Лесная обстановка нарушена. Древостой изрежен, больные и усыхающие деревья составляют 70 % и более	5	Запрет на использование, проведение лесомелиоративных мероприятий по восстановлению

2. Как видно из табл. 6.1, основными индикаторными показателями состояния леса служат напочвенный покров и подрост. Подрост страдает уже на ранних стадиях использования участка для отдыха: даже продирающиеся сквозь щетки молодых елочек грибки способны нарушить целостность плотных «ясельных» групп. В прогулочных пригородных или поселковых лесах подрост и вовсе угнетен — проход через массив многих отдыхающих, вездесущие собаки, особенно крупных агрессивных пород, тренирующие на ветках крепость своих челюстей, велосипедисты, заезд на личных «авто» любителей шашлыков и барбекю на природе — все это не оставляет подросту практически никаких шансов на существование.

Жизненное состояние подростка оценивается по трем категориям:

1) хороший, жизнеспособный подрост — протяженность кроны растения более ширины кроны; профиль кроны ровный, годичный прирост по высоте более 10 см;

2) подрост удовлетворительный — протяженность кроны растения примерно равна ширине кроны, профиль ее зазубренный из-за ненормальной укороченности отдельных мутовок, годичный прирост по высоте 5—10 см;

3) подрост нежизнеспособен — ширина кроны у растений явно превышает ее общую протяженность, профиль кроны глубоко зазубренный, она высоко прикреплена, по форме зонтиковидная, годичный прирост в высоту менее 5 см.

3. Важным дополнением при изучении рекреационной нагрузки является лесопатологическое обследование деревьев.

Под влиянием вредных воздействий леса болеют, тогда у них можно наблюдать различные виды болезненных проявлений или, как принято говорить, патологий. Цель лесопатологических исследований — установление общей картины санитарного состояния насаждений и отдельных деревьев, определение существующих мест размножения вредных лесных насекомых, очагов развития болезней и назначение комплекса мероприятий по оздоровлению.

Детальное обследование проводится на отдельных деревьях в ходе их так называемой паспортизации: определяются тип повреждений, видовой состав вредителей, а также намечаются мероприятия по повышению жизнеустойчивости деревьев.

Паспортизация дерева ведется по следующему плану:

- 1) форма кроны (развитая, укороченная, компактная угнетенная);
- 2) форма ствола (одиначный ствол, ствол разветвленный, форма — сбежистая, узловатая с утолщениями, с расщепами);
- 3) наличие дупел (количество дупел, примерная площадь в квадратных дециметрах — измеряется с помощью мерной ленты, высота расположения и происхождение — от выпавших боковых ветвей, от гнили, механических повреждений и т.д.);
- 4) наличие сухобочин;
- 5) наличие морозобойных трещин (длинные в несколько метров вертикальные трещины вдоль ствола образуются в результате резких перепадов температур в холодное время, когда насыщенная влагой после осенних дождей кора подвергается воздействию низких температур в течение одной ночи);

6) наличие гребобин (они хорошо распознаются по черной обугленной поверхности внутренней полости в стволе, выгоревшей от удара молнии; иногда в такую полость можно поместиться целиком — огонь выжигает практически всю сердцевину ствола и часть коры; дерево продолжает жить проводящими сосудами прикоревой части древесины);

7) наличие других механических повреждений (к таковым относятся повреждения коры, так называемые охлестывание при выборочных рубках, когда падающее дерево своим весом нарушает целостность кроны и повреждает кору оставленного на корню дерева, следы от засечек топором непутевых туристов, следы низовых пожаров, часто начинающихся во время весенних пожаров сухой травы;

8) количество и высота распространения гнили, ее тип (открытые, скрытые, с каким повреждением ствола связаны);

9) наличие повреждений на корнях деревьев (болезни, механические).

Жизнестойчивость дерева можно определить, используя классы пятибалльной шкалы.

Шкала жизнеспособности дерева

Дерево здоровое с признаками хорошего роста и развития 1 балл

Дерево с несколько замедленным приростом по высоте с единичными сухими сучьями в кроне и незначительными (до 10—15 см²) наружными повреждениями ствола без образования гнилей 2 балла

Дерево явно ослабленное с изреженной кроной, укороченными побегами, бледной окраской хвои у хвойных, с наличием дупел и стволовых гнилей, морозобойн и трещин площадью свыше 15 см², с прекратившимся или слабым приростом по высоте, со значительным количеством сухих сучьев (1/3 высоты) или суховершинностью 3 балла

Усыхающее дерево с наличием сильно распространившихся стволовых гнилей, плодовыми телами на стволах, сухими ветвями в кроне до 2/3, с большими дуплами и сухими вершинами 4 балла

Деревья усохшие или со слабыми признаками жизнеспособности, полностью пораженные стволовыми гнилями и вторичными вредителями 5 баллов

Как любой настоящий врач, экотурист должен уметь и прописать лекарства, они известны уже не одно столетие, меняются лишь материалы (лекарства) и техника их применения:

- лечение и заделка дупел, ран и других повреждений;
- обрезка сухих сучьев и вершин;
- лечение пораженных и засыпка обнаженных корней;
- рыхление почвы;
- антисептирование ран, дупел, их декоративная заделка;
- борьба с вредителями и болезнями.

ЭКОЛОГИЧНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В ТУРИЗМЕ

7.1. Туризм и охрана природы: опыт взаимодействия

Во всем мире туризм и рекреация развиваются на привлекательных (аттрактивных) для отдыхающих территориях, в том числе на так называемых особо охраняемых природных территориях (ООПТ). В США и Канаде, Западной Европе специально предназначенными для туризма являются национальные парки. С не очень давних пор национальные парки стали появляться и в нашей стране. Однако до сих пор российские национальные парки очень слабо «работают» на идею туризма и многим представляются еще одним бастионом охраны природы, и только. Безусловно, сочетание задач охраны природы с задачами развития массового туризма и рекреации способно поставить в тупик любых управленцев, администраторов и менеджеров, но следует также учитывать, что в мире накоплен немалый опыт такого рода взаимодействия и большая часть этого опыта приходится на национальные парки.

Вероятно, прежде всего мы должны признать тот факт, что рекреация и туризм жизненно необходимы охраняемым территориям. Соприкосновение с нетронутой природой, возможность почувствовать и изучать окружающий мир часто превращают посетителей в активных помощников охраняемых территорий (а иногда и в инвесторов). Это приносит дополнительные средства помимо прямых доходов от туризма (входная плата, различные взносы за туруслуги, продажа сувениров, путеводителей и т.д.). Последние при мудром управлении могут быть направлены на поддержку охраняемой территории в хорошем состоянии, зарплату служащим, ремонт железных и автомобильных дорог вблизи ООПТ, обеспечение сервиса на должном уровне и т.д.

И здесь мы сталкиваемся с основным противоречием, тормозящим развитие рекреационной сферы. С одной стороны, туризм и отдых являются источником долгожданных и весьма солидных инвестиций для многих прежде депрессивных регионов, так что отказываться от туризма сегодня никто не собирается; напротив, доходы турфирм растут, возникают новые маршруты, возводятся все новые и новые объекты туристско-рекреационной инфраструктуры. С другой стороны, неконтролируемое развитие данной сфе-

ры деятельности зачастую вызывает разрушение уникальных природных объектов, деградацию культурного ландшафта, снижение биоразнообразия и т.д. Следует сразу же отметить: данная ситуация значительно раньше проявила себя на Западе — в странах Европы и Северной Америки, поскольку быстрый маркетинг и раскручивание туристско-рекреационного продукта давали ощутимый, зримый негативный эффект, вызывавший беспокойство специалистов и широких кругов общественности.

В настоящее время мы уже можем признать, что именно в странах «золотого миллиарда» впервые возникла и была осознана социумом насущная потребность примирить сферу туризма и рекреации с охраной природы и оптимизацией ландшафтов. Усилия теоретиков, планировщиков, туроператоров и менеджеров турбизнеса, предпринятые в этом направлении, привели к формированию идеи так называемого экологического туризма и экологичного отдыха, которые получили развитие прежде всего в пределах национальных парков.

Итак, туристско-рекреационный продукт нуждается в охраняемых территориях и охраняемым территориям необходимы доход и реклама, которые дают рекреация и туризм, но при этом, для того чтобы избежать серьезных негативных последствий, охраняемые территории и туризм должны соответствующим образом управляться.

В данном подразделе мы предпримем попытку проанализировать зарубежный опыт управления рекреационной сферой в целях сохранения культурного ландшафта и уникальной дикой природы стран и регионов.

История взаимодействия туристско-рекреационной сферы с охраной природы на Западе насчитывает, по меньшей мере, полтора-два столетия.

Первые английские путешественники, которые начали прибывать в Европу в конце XVIII — начале XIX в., интересовались как характеристиками культуры континента (его городами и селами, архитектурой и населением), так и его природой, особенно романтическими ландшафтами с высокими горами (которых они не могли увидеть в Англии) и густыми лесами. В то время самым популярным регионом среди туристов были Альпы. Швейцарцы, оценив растущий приток английских туристов, начали включать в свои гранд-туры широкий спектр туристских услуг (коттеджи, отели, рестораны под открытым небом, узкоколейные железные дороги, проходившие рядом с наиболее красивыми местами, и т.п.). Вскоре туризм, основанный на природных достопримечательностях и элементах фольклора, стал одной из ведущих отраслей экономики Швейцарии. Для поддержания целостности и привлекательности природных территорий для туристов все эти ареалы получили статус охраняемых территорий, что обеспечило их сохранение.

Точно так же и в США при создании первого в мире Йеллоустонского национального парка основным побудительным мотивом для образования охраняемой территории оставалось обеспечение людей местом для отдыха и восстановления творческого потенциала. Конгресс США с самого начала образования системы парков установил, что они должны прежде всего служить «территориями для отдыха» посетителей и туристов. Затем в течение 50 лет в США были открыты еще 40 национальных парков, но все они не имели достаточного финансирования, системы управления и персонала.

К сожалению, населявшие страну европейские переселенцы с трудом привыкали к мысли о необходимости беречь природу хотя бы в пределах специально выделенных для этого участков. Для них они, прежде всего, представляли богатые запасы древесины и руды для разграбления. Ни одна центральная федеральная организация не могла защитить парки от подобного надругательства. И до тех пор, пока парки не были «перенесены» в сторону от населенных пунктов, браконьеры, рудокопы и скотоводы безнаказанно эксплуатировали эти земли, причем (что показательно) никакие средства вроде специальных кавалерийских отрядов и вооруженных лесников не спасали парки от разраставшегося браконьерства и вырубки леса; ситуация вскоре стала выходить из-под контроля.

Вопрос об охране природы неоднократно поднимался в Конгрессе США, наконец в 1916 г. была создана Служба Национальных Парков, поддерживаемая железнодорожными компаниями, сыгравшими ключевую роль в привлечении финансовых средств для развития национальных парков. Вскоре большинство железнодорожных компаний было вовлечено в обеспечение туристского сервиса на территориях национальных парков. Эта традиция сохранилась до нашего времени. Таким образом, туризм был определен как наиболее приемлемый способ использования национальных парков, а сторонники охраны природы в США пришли к заключению, что общественность будет больше ценить национальные парки только в том случае, если их ежегодно будет посещать больше туристов. Взаимодействие туризма и системы национальных парков США является классическим примером того, как туризм способствует осознанию обществом ценности охраняемых территорий, что необходимо для их защиты.

Опыт примирения задач развития рекреации туризма с целями охраны природы привел американских исследователей к разработке весьма важной природоохранной стратегии, а именно: идея расширения границ особо охраняемых природных территорий и формированию целостного экологического каркаса. Расширение охраняемых земель (идея Живой Сети Природы возникла, прежде всего, как средство обезопасить рекреационно используемые ценные природные объекты. Только благодаря внимательному изуче-

нию последствий развития туризма и рекреации в пределах охраняемых территорий американские экологи смогли опровергнуть сложившиеся предположения и предубеждения, наиболее значительными из которых являлись предположения о том, что национальные парки должны охранять только представительные экземпляры наиболее ценных природных объектов. Реализовать идею расширения «сети живой природы» было очень непросто, поскольку именно вблизи границ национальных парков сталкивались наиболее существенные экономические интересы, в частности лесозаготовителей, шахтеров и фермеров: экономическая необходимость заранее лишала смысла любое рассуждение о присоединении так называемой продуктивной земли к национальному парку.

Присоединение к национальному парку «Гранд Тетон» в 1950 г. фермерских земель и ранчо в Джексон Хол почти одновременно с образованием в 1947 г. национального парка «Эверглейдс» в штате Флорида способствовало ослаблению утвердившегося мнения о том, что парки должны ограничиваться суровыми местностями и неплодородными почвами. По-прежнему одной задачей было обеспечить национальные парки необходимой территорией для охраны их биологической целостности, а другой — достичь соответствия этой философии на практике, а не только в теории. Таким образом, в США в 1970-х и 1980-х годах акцент вновь был поставлен на сохранение всего национального ландшафта, а не просто его красочных уголков и участков. В частном секторе группы, подобные Охране Природы (Nature Conservancy) и Безопасности Общественных Земель (Trust for Public Land) вступили в борьбу там, где традиционные защитники окружающей среды по-прежнему старались не давить на общественное мнение; призывая американское население в целом, а не просто федеральное правительство сохранить и защитить природную красоту. Обычные защитники окружающей среды также регистрировали поддержку сотен тысяч добровольцев, проводя кампании в поддержку местных и региональных ландшафтов. При таком более широком понимании национальной необходимости другие типы охраняемых природных территорий, водно-болотные угодья (ветленды), например, оказались чрезвычайно важны как экологические эквиваленты национальных парков, если не очевидные их соперники.

7.2. Экономические аспекты взаимодействия туристско-рекреационной сферы с охраной природы

Таким образом, в большинстве стран Европы и Северной Америки тезис о необходимости объединения интересов природы с развитием рекреационной сферы стал, что называется «общим

местом». Однако реализация данной идеи на практике по-прежнему чревата серьезными осложнениями, которые начинаются уже на стадии проработки общих подходов к выработке соответствующей стратегии; такие подходы, как убеждены многие (в том числе и в нашей стране), должны базироваться на экономических оценках.

Существует очень мало работ, посвященных оценке экономического эффекта от рекреации и экотуризма на особых охраняемых территориях. Американский исследователь Р. Филион пришел к заключению, что для определения приблизительных масштабов экотуризма в ВТО могут быть представлены следующие оценки:

- экотуризм составляет 40—60 % от международного туризма (в зависимости от региона);
- туризм, связанный с дикой природой, составляет примерно 20—40 % от международного туризма (в зависимости от региона).

Таким образом, экотуризм является серьезным бизнесом. Установлено, например, что в 1988 г. в мире насчитывалось от 157 до 236 млн международных экотуристов. Из них от 79 до 157 млн ориентировались на туризм, связанный с дикой природой (wildlife).

Если сопоставить эти оценки с данными ВТО, мы получим, что в 1988 г. экотуризм принес от 93 до 233 млрд долл. в национальный доход различных государств. Также было подсчитано, что туризм, связанный с дикой природой, принес доход 47—155 млрд долл. Только один, весьма специфический, но быстро развивающийся вид туризма, связанный с наблюдением за птицами, привлек более 78 млн туристов и принес доход около 78 млрд долл. Более того, утверждают, что эти оценки занижены в 5—7 раз по сравнению с реальной ситуацией. Это связано с тем, что международный туризм составляет всего 9 % от общего количества туристов, тогда как 91 % приходится на внутренний туризм. Если считать, что туризм, связанный с дикой природой, составляет около $\frac{1}{4}$ от всего внутреннего туризма, то мы получим, что экотуризм (включая международный и внутренний) приносит ежегодно от 660 до 1,2 трлн долл.

Естественно, очень сложно отделить доход, приносимый рекреацией, из-за ее скрытого характера и теснейшей связи с видами деятельности, относимыми обычно к экотуризму. Например, в Северной Америке уже упоминавшееся нами наблюдение за птицами, в котором ежегодно участвуют 20—30 млн туристов, приносит около 20 млрд долл. в экономику Северной Америки. Ясно, что такого рода экотуризм есть форма рекреации, включающая ряд элементарных рекреационных действий (автомобильная поездка, прогулка-поход до местообитания, скажем, орлана-белохвоста, наблюдение, кино- и фотосъемка, отдых в разбитом полевом лагере и т. д.).

Следовательно, экотуризм может стать серьезной финансовой поддержкой для проведения природоохранных мероприятий. Однако проблема заключается в том, что только небольшая часть доходов от экотуризма, получаемая полностью за счет природных ресурсов, идет на их сохранение. Экономика США ежегодно получает около 3 млрд долл. от туризма, связанного с посещением национальных парков, но до сих пор основную часть этих доходов получают рестораны, отели, поставщики бензина, продовольствия и промышленных товаров, тогда как эти средства могли бы быть использованы парками для защиты окружающей среды на их территории. То же самое может быть сказано и о любой другой стране. Туризм не может быть назван экологическим, а рекреация — экологичной, пока они не обеспечивают необходимой защиты окружающей среде.

Доход, однако, не является единственным результатом рекреации и туризма, и никакое количество денег не поможет защитить парк, пока не будут уничтожены коренные причины экологической деградации ландшафтов региона. Характерно, что в Америке, так же как и в России, наибольший вред зачастую наносится парку местным населением, которое использует его природные ресурсы. Традиционные сельские занятия, такие как охота и земледелие, должны быть ограничены или запрещены вблизи охраняемой территории. Один из вариантов решения этой проблемы — обеспечение достаточного дохода для местного населения за счет развития туризма.

В последние 20—30 лет в политических кругах большинства западных стран укрепился принцип экономического рационализма, который является ведущим при принятии решений. Поскольку общество стало требовать переоценки решений, касающихся распределения инвестиций, постольку в процессах оценки альтернатив использования земли все большее значение стала приобретать экономическая составляющая. В связи с этим возникла необходимость в развитии методов и инструментов экономической оценки природных ресурсов и природоохранных мероприятий. Наиболее распространенным стал анализ «эффект-затраты», позволяющий оценить, превышают ли эффект затраты на определенный ограниченный период. Здесь в затраты и экономический эффект включаются все потери и приобретения благосостояния, происходящие в результате действия проекта. Затраты обычно определяются через альтернативную стоимость (выгоды, упущенные в результате принятия проекта). Эффект от проекта оценивается через увеличение потребительского излишка (прибыль, получаемая за счет того, что потребитель платит больше того, что должен заплатить). «Эффект-затраты» — один из методов, который может быть использован для оценки экономической стоимости туризма на охраняемых территориях.

Рис. 7.1. Взаимосвязи между сферами туризма, рекреации и охраной природы

- Наибольший интерес для России представляет предложенный Де Лаки и Локвудом метод вероятностной оценки, подразумевающий создание модели гипотетического рынка для определения желания людей платить за получение специфических благ, предоставляемых природой (концепция «желания платить»). Другими словами, люди (в том числе и туристы) оценивают денежную стоимость объекта или явления, называя сумму, которую они готовы отдать за его сохранение. Этот метод был использован в Австралии (которая вообще представляет немало примеров признанного экологического подхода к развитию туристско-рекреационной сферы) для оценки нескольких проектов. Так, с помощью метода вероятностной оценки определили желание пользователей природных ресурсов (в основном рекреационных) острова Фрейзера (Квинсленд) и других представителей общества платить за сохранение лесов на этой территории. Эта сумма в среднем составила 316 долл. для пользователей острова и 205 долл. — для остальных австралийцев.

Расходы посетителей на путешествие дают представление о «потребительском излишке», который составляет для острова Фрейзера около 3,6 млн долл. в год. Проанализировав эти данные, власти Квинсленда решили запретить вырубку лесов и внести их в Список Всемирного Наследия.

Австралийское правительство утвердило принцип «пользователь платит», согласно которому люди, получающие прибыль от использования общественного достояния (особенно в коммерческих целях), должны вносить плату, идущую на его охрану. Теперь туроператоры выделяют средства на охрану природных территорий, по которым проходят их туры. Большой Барьерный Риф получает с помощью таких отчислений около 15 млн долл. в год. Но при более детальном рассмотрении этого вопроса правительство пришло к выводу о необходимости выделения дополнительных средств для охраны рифа помимо поступлений от туризма и из других отраслей экономики. Опыт показывает, что расходы на охрану природных ресурсов растут с той же скоростью, с которой увеличивается степень их эксплуатации (рис. 7.1).

7.3. Охрана природы и проблемы рекреационного менеджмента

Итак, опыт западных стран убедительно доказывает, что рекреация и экотуризм во многом определяют ценность охраняемой территории. Однако роль туристско-рекреационной сферы в пространстве общественной поддержки охраняемым территориям по-прежнему является предметом многочисленных споров. Несостыковка заключается в желании сохранить нетронутыми

природные территории, но в то же время дать людям возможность их посещать. Так, много лет не утихают споры о том, какие виды рекреации и экотуризма и в какой степени необходимо развивать в различных национальных парках США. Особенно часто оспаривается необходимость строительства отелей, ресторанов, торговых центров в пределах парков. Тем не менее подобные элементы туристской инфраструктуры сделали посещение парков доступным для многих туристов.

В некоторых странах стали появляться проблемы, связанные с переэксплуатацией природных территорий, получившие в англо-американской литературе общее название «перепосещение». Однако, те регионы, которые посещают немного туристов, стремятся ускорить развитие туризма, часто не имея действительно подготовленного туристско-рекреационного продукта, опытных туристских менеджеров; не обеспечив поддержку со стороны правительства, местных властей и экологов. Возникает опасность, что природные территории откроются для рекреантов и туристов прежде, чем будет налажена система управления ими.

Конфликты между сторонниками развития рекреационно-туристской сферы и защитниками природных территорий часто возникают при обсуждении стратегий развития регионов. При этом реальные разногласия наблюдаются не среди населения и работников парка, а между парком и окружающей его территорией. Население, которое сосредотачивается на территории вокруг национального парка, часто обвиняется работниками парка в недостаточно бережном отношении к природе. Местное население враждебно относится к идее развития туризма на территории парка, воспринимая его как вторжение иностранцев. Некоторые сторонники подобного взгляда на экотуризм характеризуют его как негативное и оказывающее неблагоприятное идеологическое влияние явление.

Как правило, оказываются затронутыми интересы администраций окружающих территорий, различных частных компаний и структур, причем, если национальным парком обычно управляет один коллектив, окружающая его территория контролируется большим числом общественных и частных организаций. При правильном управлении необходимо составлять стратегии развития национального парка в региональном контексте, что позволит достичь согласия и учесть интересы всех сторон.

Возникает острая необходимость в налаживании соответствия между управлением туристской сферой и охраняемыми территориями. Симбиоза можно достичь только при организации туризма и природоохранной деятельности таким образом, чтобы они получали выгоды от взаимодействия (рис. 7.2). С точки зрения экологов это означает, что природные богатства (в том числе и рекреационные ресурсы) сохраняют свои первоначальные качества

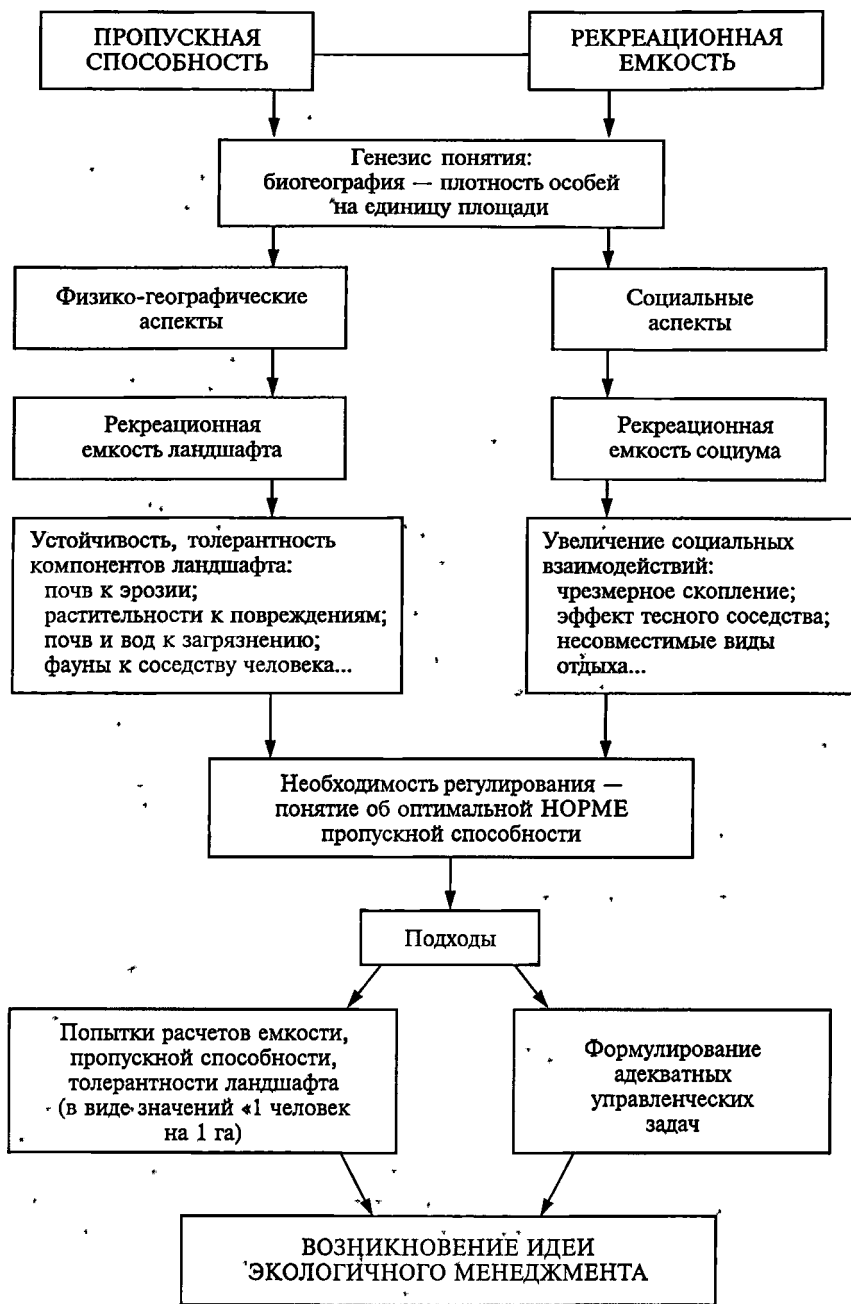

Рис. 7.2. Базовые понятия рекреационного менеджмента в пределах охраняемых территорий или национальных парков

и количество. При этом постоянно увеличивается поток туристов, использующих их в физических, научных и образовательных целях, получающих от них эстетическое наслаждение. Кроме того, такое взаимодействие имеет большие экономические преимущества. Такая взаимная поддержка туризма и природоохранной деятельности должна способствовать осознанию обществом того факта, что сохранение природы является существенным условием улучшения уровня жизни.

К сожалению, реальные отношения между рекреацией, туризмом и природоохранной деятельностью обычно сводятся к сосуществованию, которое заканчивается конфликтом. Причины этого, чаще всего, состоят в неправильном управлении, некорректной постановке целей, отсутствии необходимого планирования, а также в неадекватной оценке последствий развития туризма и рекреации для природы и социума регионов.

7.4. География поведения и управление посещениями на рекреационных и охраняемых природных территориях

Изучение рекреационных видов отдыха является относительно молодой областью академических исследований. Тем не менее объем литературы, как концептуальной, так и эмпирической, по этой тематике постоянно растет. Из этой литературы можно почерпнуть ряд основных концепций, формирующих теоретическую основу, на которой зиждется политика рекреационного менеджмента и программы для охраняемых природных территорий. В современной литературе устоялись некоторые базовые понятия, вокруг которых строится вся политика рекреационного экологического менеджмента.

Вопрос о том, присутствие какого количества публики и какого типа допустимо в парке, часто рассматривается с точки зрения пропускной способности. Концепция пропускной способности, имеющая биогеографическое происхождение, доказала свою целесообразность в управлении дикой природой, где она относится к количеству животных, которые могут проживать в данном местообитании. Очевидные параллели и интуитивные аналогии между «плотностью популяций» и «плотностью посещений» привели концепцию пропускной способности в сферу рекреационного менеджмента. Фактически впервые это понятие было предложено в середине 1930-х годов в США в качестве концепции рекреационного менеджмента в контексте национальных парков.

Поначалу, как и можно было предположить, основной акцент делался на физико-географические аспекты соответствия рекреационной деятельности задачам охраны окружающей среды. Ги-

потеза состояла в том, что увеличение рекреационной активности увеличивает воздействие на окружающую среду, приводя к уплотнению почвы, уничтожению растительности, нарушению жизни дикой природы и другим последствиям. Однако вскоре стало ясно, что увеличение рекреационной деятельности приводит и к увеличению социальных воздействий, выражающихся в чрезмерном скоплении людей, несовместимых видах использования, неудовлетворенности и других воздействиях. Таким образом, в контексте рекреационного менеджмента пропускная способность имеет два компонента: природный и социальный. Как правило, подтверждаются обе гипотезы, однако взаимоотношения между рекреацией и ее природным и социальным воздействиями часто оказываются сложными, непрямыми и принимают различные формы. Сложность определения нормы пропускной способности заключается в решении, какое воздействие или изменение условий окружающей среды или социальных условий считать оптимальным (или допустимым). Эту проблему обычно называют *границей допустимых изменений*.

Границы пропускной способности могут быть определены только при четком формулировании задач рекреационного менеджмента, ведь сам процесс постановки этих задач заставляет нас отвечать на вопрос: какие изменения допустимы при предоставлении данного типа рекреационных услуг? Следовательно, не существует абсолютной (или «врожденной») пропускной способности охраняемой природной территории. Напротив, каждый национальный парк, природный резерват или ландшафтно-историческая местность имеют спектр пропускных способностей в зависимости от типа предоставляемых рекреационных услуг. Данный подход весьма существенно отличается от принятых в отечественной географии попыток измерения рекреационной емкости территории исходя из «объектных» свойств ландшафта [11, 25, 32]. Опыт изучения пропускной способности научил исследователей переносить акценты с расчета численных ограничений на формулирование адекватных управленческих задач.

Важность социального компонента пропускной способности привлекла существенное внимание к проблеме скопления людей в рекреации, рассматривающейся как наиболее непосредственная, физическая демонстрация увеличения рекреации. В ряде эмпирических исследований были рассмотрены отношения между уровнем рекреационной деятельности, скоплением людей и удовлетворением посетителей разнообразных парков и рекреационных территорий.

Выяснилось, например, что скопление людей является концепцией нормативной, а нормы определяются индивидуальными убеждениями или стандартами в отношении необходимых уровней использования рекреации. Уровень использования является мате-

матической концепцией, отражающей количество людей на единицу пространства; в таком качестве он не имеет психологического или опытного значения. Принято считать, что при плотности 1 человек на гектар мы ощущаем себя «почти в одиночестве», при 10 человек на ту же площадь — чувствуем чужое присутствие, а 100 человек приводят к ощущению перенаселения. Однако это нормативный подход: на самом деле ощущение, во-первых, сугубо индивидуально, во-вторых, зависит от вида рекреационной активности, ведь на пляже, никого не смущают и 100 человек на гектар, а вот собирать грибы каждый предпочитает «в одиночку».

Таким образом, проблема скопления людей реально возникает в том момент, когда уровень использования территории возрастает до значения, делающего возможным постороннее и нежелательное вмешательство в получаемые личные впечатления от отдыха. Кроме того, нормативные суждения о скоплении людей зависят от разнообразных обстоятельств, объединяемых в три широкие категории.

Во-первых, на нормы скопления людей могут повлиять предпочтения и ожидания посетителей, их отношение к практике управления рекреацией и их опыт использования рекреаций. В целом предпочтения и ожидания от рекреации сводятся к естественности природы и уединению, более «экологически чистому» подходу к управлению, а большой опыт рекреационных видов отдыха приводит к большей чувствительности по поводу степени использования рекреации и, следовательно, к снижению норматива скопления людей (рис. 7.3). Неприязательные «новобранцы» пляжного отдыха, впервые попавшие на берег озера, возможно, снисходительно отнесутся к тесному соседству, в то время как опытные завсегдатаи непременно захотят уйти от «чайников»; они даже способны защищать свое место от вторжения самыми различными средствами: огораживанием, вызывающим поведением и т. д.

Эта ситуация приводит нас к другой категории обстоятельств, которую можно было бы назвать *характеристиками соседства*: тип и размер группы, ее поведение также могут повлиять на определение норм скопления людей. Неожиданные встречи с большими группами людей или же с людьми, перемещающимися с помощью моторных средств или гужевого транспорта, часто вынуждают снижать нормы скопления людей. То же самое верно и в отношении групп, ведущих себя несколько неадекватно обстановке.

Наконец, существуют ситуационные переменные, связанные со степенью обустройства рекреационной среды, включая тип рекреационной зоны, место в зоне, структуру предлагаемых удобств и качество окружающей среды. Более низкие нормы скопления людей обычно устанавливаются для мест с дикой природой (где очевидно стремление посетителей насладиться естественной природой и уединением). Бедная структура предлагаемых удобств так-

Рис. 7.3. География поведения: средства и способы регулирования уровня посещаемости национальных парков

же может снизить нормы скопления людей из-за невозможности обеспечить должное уединение и из-за недостаточного количества и качества удобств. Наконец, нормы скопления людей могут быть снижены там, где качество окружающей среды невысоко, особенно если разрушение окружающей среды напрямую связано с последствиями рекреации, как, например, в случае с замусориванием участка.

Наблюдающаяся в любых рекреационных зонах определенная зависимость между уровнем использования, допустимым скоплением людей и степенью их удовлетворенности заключается в явлении, называемом *вытеснением*. Посетители, чувствительные к высокому уровню использования (т. е. имеющие низкие нормы скопления людей), могут изменять свои схемы рекреационного отдыха в поисках мест или времен года, когда уровень использования снижается. Другими словами настоящий грибник предпочтет уйти в дальний лес, лишь бы не слышать «ауканий» и не делить содержимое корзины с назойливыми обитателями опушек. Поэтому исследования, проводимые в относительно часто посещаемых зонах или в активно используемые времена года, могут показать преобладание посетителей с высокими нормами скопления людей.

Весьма продуктивным оказалось использование степени удовлетворения посетителей как меры качества рекреации. Исследования показали, что удовлетворение посетителей является глобальной, многомерной концепцией; т. е. удовлетворение есть функция, зависящая от многих переменных.

В целом можно утверждать, что изучение рекреационных скоплений людей методами географии поведения привело исследователей к ряду важных выводов, имеющих прикладное значение для рекреационного менеджмента.

1. Для некоторых любителей рекреационного вида отдыха необходимы возможности с низким уровнем использования. Без возможностей проведения отдыха в одиночестве и изоляции подобные рекреанты или туристы могут быть вытеснены или серьезно неудовлетворены.

2. Для многих любителей рекреации уровень использования может оказаться не важен, но лишь до тех пор, пока он не достигнет некоего критического значения. Хорошим примером в этом отношении могут служить сооружаемые ныне повсеместно в России аквапарки. Рассчитанные на вполне определенное число посетителей, они эксплуатируются владельцами «на полную катушку», результатом чего оказываются чрезмерное время ожидания и утомительные очереди на лестницах у всех аттракционов и горок.

3. Проблему скопления людей можно решать не только путем ограничения уровня использования. Поскольку допустимый уро-

вень скопления людей зависит от множества взаимодействующих величин, на него можно воздействовать с помощью этих величин, используя их как средство уменьшения уровня скопления людей. Примерами такого образа действий являются:

- продуманная структура рекреационных удобств;
- интенсивное управление природными ресурсами, позволяющее обеспечить высокое качество окружающей среды;
- тесное общение с посетителями в целях обеспечения им тех условий, которые они ожидают;
- эффективные образовательные программы, объясняющие адекватный тип поведения в зоне рекреации;
- разделение территории рекреации на отдельные зоны в целях создания более однородных, совместимых групп посетителей.

7.5. Качество рекреации как критерий менеджмента

Физическим проявлением рекреации является участие в различных видах элементарных рекреационных занятий: рыбалке, купании, прогулках по лесу и т. д. Но это лишь поверхностный взгляд. Изучение географии поведения предполагает, что рекреационная деятельность и перемещение по территории целесообразны, что мы предпринимаем некоторые действия в целях достижения определенных результатов или впечатлений, причем последние могут иметь самый широкий диапазон:

- приобретение и совершенствование навыков;
- изучение и наслаждение природой и памятниками культуры;
- укрепление семейных уз;
- размышление над личными ценностями;
- спасение от раздражающих факторов.

Многие из этих ожидаемых впечатлений являются общими для относительно больших групп любителей рекреации.

Рассмотрение рекреации с точки зрения впечатления людей от нее может привести к улучшению оказываемых рекреационных услуг и к большему удовлетворению посетителей предоставленными возможностями. Следовательно, рекреационные возможности должны планироваться и управляться не просто для выполнения рекреационных видов деятельности, но в соответствии с тем типом впечатлений, который от них хотят получить посетители.

За последние два или более десятилетия было проведено немало исследований посетителей парков и рекреационных зон. Хотя задачи, масштабы и методы этих исследований значительно различались, был с определенностью сделан по крайней мере один общий вывод: *предпочтения людей в области рекреации весьма разно-*

образны — любители рекреации сильно различаются по типу впечатлений, которых они ждут от рекреации, и по своей чувствительности к природным и социальным результатам воздействия рекреационной деятельности на окружающую среду. Кроме того, рекреанты, естественно, различаются по возрасту, полу, физическим способностям, доходу, месту постоянного жительства, этнической среде и набору других социодемографических параметров.

Более того, посетители рекреационных зон сами изменяются по мере того, как получают новые впечатления, переживают различные жизненные периоды и как-либо еще приспособляются к течению времени. Для выбора стратегии управления это разнообразие вкусов посетителей в отношении рекреации означает необходимость предложения соответствующего разнообразия предоставляемых возможностей (рис. 7.4).

Конечно, это не значит, что каждый парк или рекреационная зона должны предоставлять весь спектр рекреационных возможностей. Скорее, каждая зона должна вносить максимально возможный вклад в этот спектр. Это предполагает планирование и управление рекреационными возможностями на более продуманной, систематической основе, т.е. каждый парк или рекреационная зона должны рассматриваться как часть более крупной системы. Эта система может быть локальной, региональной или международной в зависимости от значимости рассматриваемой территории. Другими словами, рассматривая соответствующие природные, социальные и управленческие факторы (как описано ранее), необходимо определить тип или типы возможностей, которые будут наилучшим образом соответствовать разнообразным рекреационным ожиданиям посетителей.

В зарубежной практике понятие разнообразия рекреации было формализовано в управленческой схеме, известной как Спектр рекреационных возможностей (СРВ). Пожардуй, наиболее значительной заслугой СРВ является то, что рекреационные возможности определяются и описываются с помощью трех широких категорий факторов, упомянутых ранее: природные факторы (например, уровень естественности), социальные факторы (например, уровень использования) и управленческие факторы (например, тип управления). Различные комбинации этих факторов дают широкий спектр рекреационных возможностей. Специфические предложения СРВ не следует применять формально, однако его концептуальная основа предоставляет полезные направления планирования и управления рекреационными возможностями для разнообразных вкусов посетителей.

Как и во многих сферах жизни, качество лежит в основе всех задач рекреации: менеджеры хотят предоставить высококачественные рекреационные возможности, а посетители хотят получить

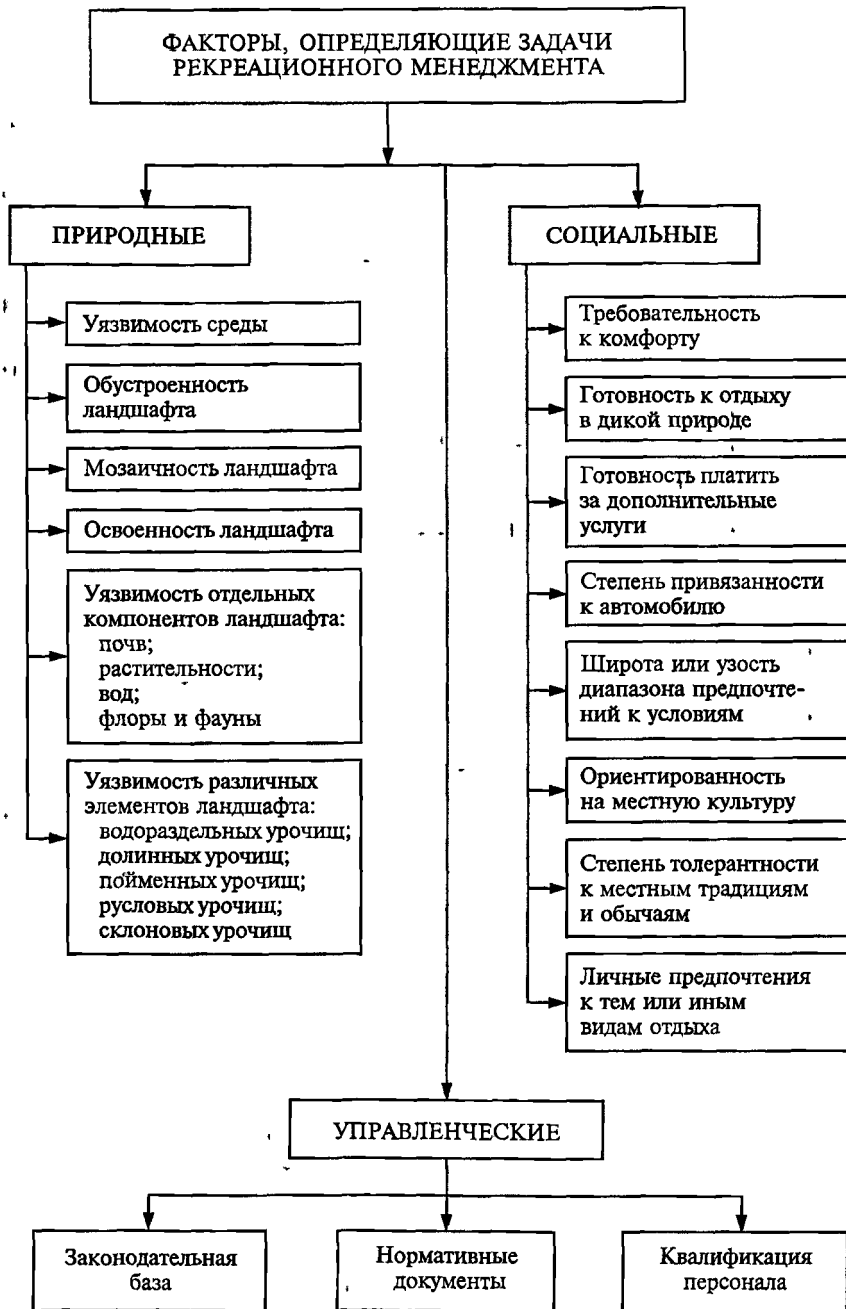

Рис. 7.4. Задачи рекреационного менеджмента

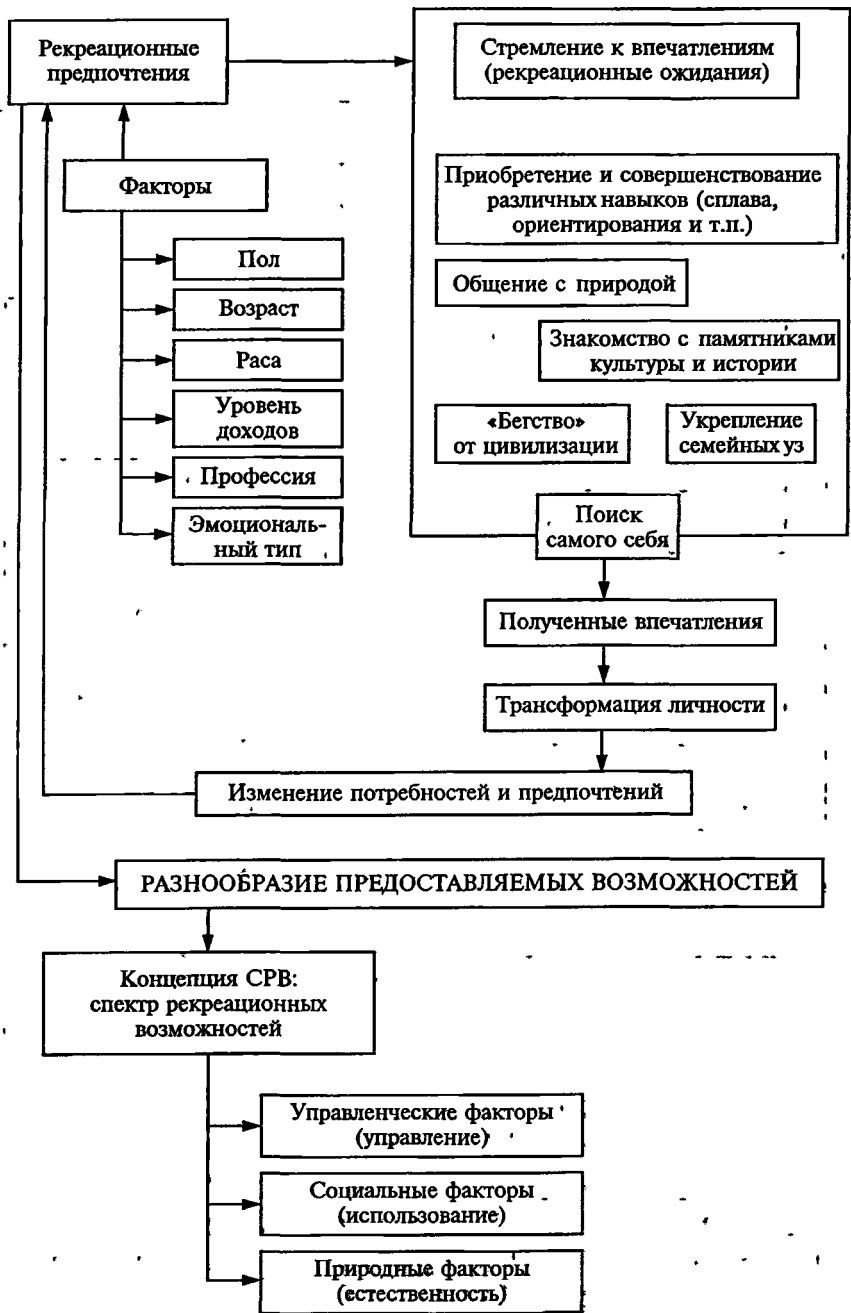

Рис. 7.5. Рекреационные предпочтения и стратегия управления парками

высококачественные рекреационные впечатления. Но что определяет качество в рекреации?

Традиционной мерой качества рекреации является степень удовлетворения посетителей. Из-за того что рекреация в общественном секторе, как правило, бесплатна, исследователями (и менеджерам) обычно не хватает эффективного механизма обратной связи, существующего в частном секторе в виде изменения уровня потребления и ценовых сигналов. Степень удовлетворения посетителей как раз и призвана сыграть роль обратной связи. Однако опыт показывает, что степень удовлетворения посетителей является не вполне адекватной мерой качества рекреации.

Во-первых, степень удовлетворения является многомерной концепцией, т. е. зависит от многих параметров: высокий общий уровень удовлетворения рекреационным впечатлением не означает, что каждый аспект этих впечатлений был удовлетворителен или что нет аспектов, которые могут быть улучшены. Обычно требуются более специфические меры степени удовлетворенности.

Во-вторых, и, возможно, это более важно, степень удовлетворения посетителей не является достаточной мерой качества для менеджеров парков и рекреационных зон. Как было сказано ранее, рекреанты представляют собой группу с весьма разнообразными интересами: конкретная рекреационная возможность может быть очень удовлетворительной для одних посетителей, но вовсе неудовлетворительной для других. Таким образом, степень удовлетворения посетителя может зависеть в равной степени от типа посетителя и от типа предоставленных возможностей. Здесь вновь необходимы специальные меры.

Признание этих особенностей удовлетворения посетителей дало новый толчок определению, измерению и управлению качеством рекреации. Для рекреанта качество должно определяться как степень соответствия полученных впечатлений его желаниям. Для менеджера качество наилучшим образом можно определить как интегральный показатель, отражающий тот факт, что предоставленные рекреационные возможности обеспечивают впечатления, ради которых они и были созданы (рис. 7.5).

Отсюда следуют два важных вывода. Во-первых, несмотря на то, что для отдельных личностей (как посетителей, так и менеджеров) естественно расценивать лишь определенные типы рекреационных возможностей как высококачественные, в более широкой перспективе высокое качество может и должно быть найдено среди всех типов рекреационных возможностей. Во-вторых, с социальной точки зрения должны предоставляться рекреационные возможности различных типов, поскольку только таким путем возможно удовлетворить разнообразие рекреационных вкусов и достичь действительно высококачественной рекреационной системы.

7.6. Принципы рекреационного менеджмента

С заявленных позиций рекреационный менеджмент можно определить, как предоставление разнообразных высококачественных рекреационных возможностей, которые являются совместимыми с сохранением важных природных и культурных ресурсов территорий отдыха и туризма. Несмотря на кажущуюся простоту этого утверждения оно содержит внутреннюю логику и серию управленческих реализаций.

Во-первых, система особо охраняемых территорий должна обеспечивать рекреационные возможности для общества. Это должно быть подтверждено как в общегосударственных законах, так и в подзаконных актах, принимаемых в разных странах и регионах. Сошлемся еще раз на США, где рекреационная задача неизменна для Совета Национальных Парков, а например в положениях о парках прямо записано: «национальный парк... должен управляться в целях удовлетворения и вдохновения людей».

Во-вторых, существует огромное разнообразие общественных вкусов в отношении рекреации, что предполагает наличие соответствующего широкого спектра рекреационных возможностей. Неразумно ожидать, что какой-либо один национальный парк или даже экологический каркас в целом способны предоставить весь спектр рекреационных возможностей. Следовательно, существенное разнообразие возможно и желательно, а диверсификация туристско-рекреационного продукта — есть прямая задача управления.

В-третьих, все рекреационные возможности на охраняемых территориях должны быть высокого качества. Следует помнить, что качество в рекреации определяется как степень соответствия рекреационных возможностей тем впечатлениям, которые посетители хотят от них получить. Высокое качество может и должно достигаться по всем типам предлагаемых рекреационных возможностей.

В-четвертых, рекреационные возможности наиболее разумно рассматривать с точки зрения впечатлений людей, а не просто как вид деятельности. Рекреационные возможности создаются на основе туристско-рекреационного продукта территории с помощью набора природных, социальных и управленческих факторов, подбираемых таким образом, чтобы выполнять конкретные ожидания посетителей.

Наконец, впечатления посетителей, получаемые с помощью рекреации, должны фокусироваться и быть совместимы с сохранением наиболее важных природных и культурных ресурсов региона. Управляя рекреационными возможностями для получения удовлетворения от этих ресурсов, менеджеры национальных парков могут принести наиболее уникальную и ценную пользу для общества.

Основные принципы рекреационного менеджмента могут быть сформулированы следующим образом (рис. 7.6).

1. *Управленцы системы экотуризма (в частности, менеджеры национальных парков) должны рассматривать свою рекреационную задачу как полноценную и равную составляющую природоохранной задачи.* К сожалению, в национальных парках России к рекреации

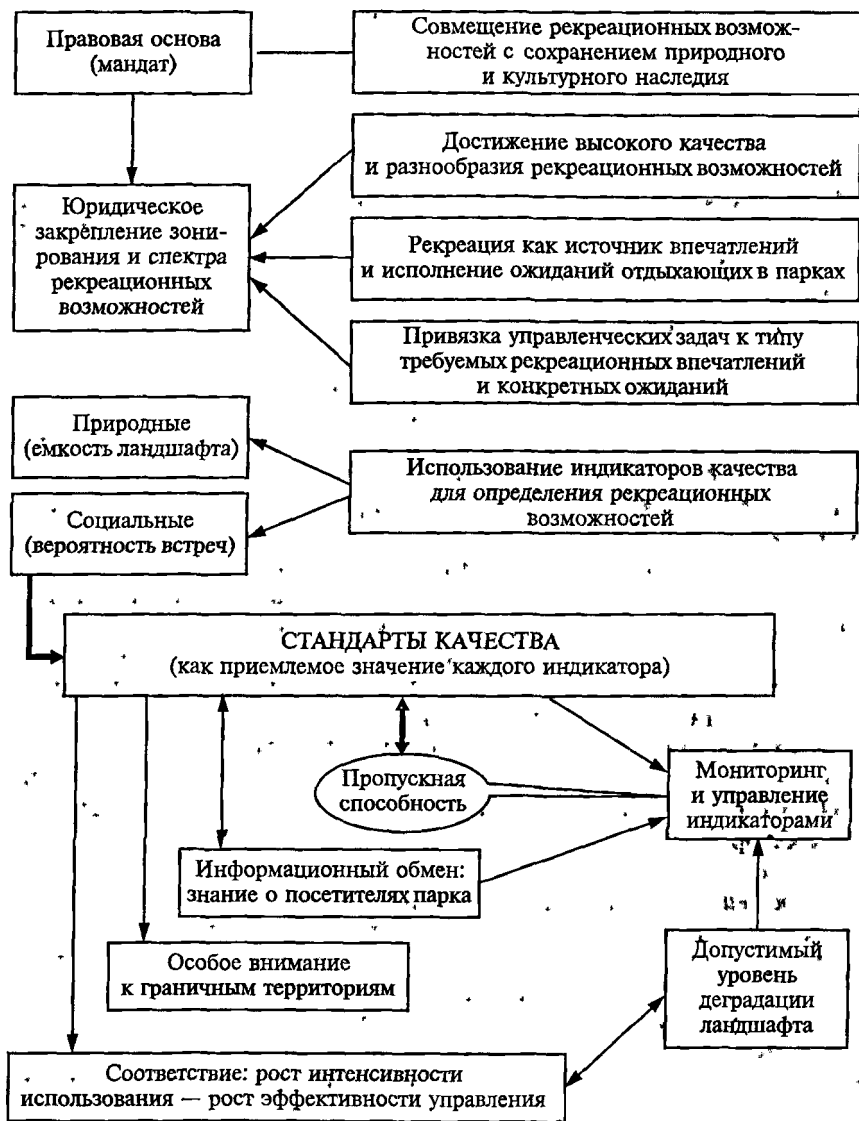

Рис. 7.6. Принципы экологичности рекреационного менеджмента

относятся как к неизбежному злу, в посетителях видят потенциальную угрозу, а не возможность выполнить задачу парка и послужить нуждам общества. Рекреация и охрана не должны быть взаимоисключающими: на самом деле, эти две функции могут взаимно усиливать друг друга. Охрана природных и культурных ресурсов гарантирует наличие рекреационных возможностей в будущем, а то обстоятельство, что общество сможет должным образом оценить эти ресурсы с помощью соответствующих рекреационных впечатлений, дает мощную поддержку их охране.

2. *Ясные и очевидные задачи рекреационного менеджмента должны быть разработаны для всех блоков экологического каркаса региона.* Задачи менеджмента описывают тип требуемых рекреационных впечатлений и тем самым помогают определить границы допустимых изменений ключевых природных и социальных параметров. Это помогает сделать действенной концепцию рекреационной пропускной способности и убедиться в том, что рекреационные возможности совместимы с охраной ресурсов территории. Они также предоставляют стандарт, по которому можно проверить качество предоставляемых рекреационных услуг.

3. *Задачи рекреационного менеджмента должны быть четко определены в терминах индикаторов и стандартов качества.* Индикаторы качества представляют собой конкретные, измеримые величины, которые могут быть использованы для определения рекреационных возможностей. Примерами природных индикаторов могут служить степень уплотнения почвы вдоль тропинок и процент растительного покрова в кемпингах. Примеры социальных индикаторов могут включать в себя вероятность случайной встречи с другими посетителями на тропинках или количество других посетителей, расположившихся лагерем в пределах видимости или слышимости. Стандарты качества выражают приемлемое значение каждого индикатора (скажем, допустимый уровень переуплотнения почвы или максимальное количество случайных встреч на тропинках). С этих позиций задачи рекреационного менеджмента можно определить как установление, мониторинг и управление индикаторами и стандартами качества.

4. *Необходима разработка методов оценивания рекреационных возможностей на основании впечатлений посетителей, которым они должны соответствовать.* Следует открыто признать, что крупные особо охраняемые природные территории — это не просто экосистемы, но также и сложные социальные институты, созданные для удовлетворения нужд общества, что требует лучшего понимания социальных требований. Полное и успешное функционирование рекреации требует регулярной, систематической информации о посетителях парков.

5. *Необходима дифференциация управляющих воздействий в буферной и внутренней, ядерной зонах экологического каркаса.* Напри-

мер, планы рекреационного менеджмента для граничных участков национальных парков обычно не разрабатываются, между тем именно эти зоны испытывают самые разнообразные воздействия и становятся предметом конфликтов пользователей с противоположными интересами. Если пользоваться более привычной нам российской терминологией, то особое внимание парки должны обращать на проработку регламентаций охранной буферной зоны парка.

6. *Интенсификация рекреационного использования территорий должна сопровождаться упреждающей интенсификацией управления.* Предоставление разнообразных рекреационных возможностей в рамках системы ООПТ потребует того, чтобы некоторые территории, парки или их участки использовались довольно интенсивно. Но для соответствия интенсивному использованию необходимо интенсивное управление: иными словами, чем выше уровень управленческой деятельности, тем больше пропускная способность. Интенсивный менеджмент наиболее важен в национальных парках, чтобы сохранить целостность важных природных и культурных ресурсов.

7. *Возможности системы экологического туризма должны рассматриваться в контексте всей системы рекреационных возможностей региона.* В свете этого национальные парки должны предоставлять те типы рекреационных возможностей, для которых они наиболее приспособлены: это единственный важнейший критерий, по которому должны определяться типы возможной рекреации в национальном парке. Рекреационные услуги, которые не основаны на получении удовлетворения от природных и культурных ресурсов парка, должны предоставляться за пределами парка.

8. *Рекреационный менеджмент должен учитывать не только количество, но и качество предоставляемых рекреационных возможностей.* Исторически основной мерой рекреации являлось число ее посетителей («в учетном году на территории парка побывали 15 тыс. человек»), но данные такого рода предоставляют мало информации о качестве предоставляемых рекреационных услуг. Необходимо разработка исследовательских программ, позволяющих получать систематическое знание о степени, до которой посетители получают те впечатления, которые они хотели получить, о степени, до которой рекреационные возможности выполняют те функции, для которых они были созданы.

9. *Развитие туристско-рекреационной сферы потребует создания более активной, агрессивной программы рекреационного планирования, управления и исследований.* Это потребует также создания и опробования многих дополнительных подзаконных актов, определяющих и регламентирующих освоительскую и градостроительную деятельность. По определению, национальные парки представляют собой рекреационные ресурсы национального или даже

международного значения, однако при отсутствии соответствующей градостроительной и управленческой политики этот потенциал никогда не будет полностью реализован.

Выводы

1. Ключевая проблема развития внутреннего туризма и рекреации заключается в том, что рекреационно-аттрактивные ландшафты подвергаются освоению, прежде чем возникает система управления территориями и формулируются соответствующие управленческие задачи. Экологичный рекреационный менеджмент предполагает диверсификацию туристско-рекреационного продукта и достижение приемлемого качества рекреации, фиксируемого посредством разработки специальных индикаторов и стандартов.

2. Вопрос о том, присутствие какого количества отдыхающих допустимо в рекреационной зоне, рассматривается с точки зрения пропускной способности. Не существует абсолютной или «врожденной» пропускной способности охраняемой природной территории, поскольку границы пропускной способности определяются при формулировании задач рекреационного менеджмента. Опыт изучения пропускной способности заставляет нас перенести акценты с расчета численных ограничений на формулирование адекватных управленческих задач.

3. Рекреационный менеджмент можно определить как предоставление разнообразных высококачественных рекреационных возможностей, которые являются совместимыми с сохранением важных природных и культурных ресурсов региона. Данное утверждение предполагает серию управленческих реализаций. Во-первых, система особо охраняемых территорий должна обеспечивать рекреационные возможности для общества. Это должно быть подтверждено как в общегосударственных законах, так и в региональных подзаконных актах. Во-вторых, существует огромное разнообразие общественных вкусов в отношении рекреации. И это предполагает наличие соответствующего количества возможностей. Следовательно, существенное разнообразие возможно и желательно, а диверсификация туристско-рекреационного продукта есть прямая задача управления. В-третьих, все рекреационные возможности на охраняемых территориях должны быть высокого качества, если понимать под последней степенью соответствия рекреационных возможностей тем впечатлениям, которые посетители хотят от них получить.

4. Задачи рекреационного менеджмента можно определить как установление, мониторинг и управление индикаторами и стандартами качества.

5. Интенсификация рекреационного использования территорий должна сопровождаться упреждающей интенсификацией управления.

Контрольные задания

Исходя из принципов рекреационного менеджмента попытайтесь составить план управления ближайшим (или хорошо вам известным ре-

креационным объектом (парковая зона, водоем с пляжем, лесной массив). Для этого предварительно найдите ответ на следующие вопросы:

- 1) в чьей юрисдикции находится данный объект;
- 2) если объект находится в муниципальной собственности, то каковы могли бы быть преимущества передачи его в частную собственность или аренду;
- 3) каков поток посетителей на данном рекреационном объекте, как этот поток изменяется по сезонам года и по дням недели (рабочие, выходные);
- 4) каковы рекреационные ожидания посетителей, т. е. ради каких элементарных рекреационных занятий (либо туристских услуг) и за какими впечатлениями они приезжают;
- 5) какие отдельные группы посетителей и по каким признакам можно выделить в общем рекреационном потоке, является ли это разделение следствием возрастных, вкусовых либо каких-то иных предпочтений;
- 6) имеет ли дифференциация общего потока отдыхающих выражение в конкретных территориальных предпочтениях (например, можно ли выделить зоны, преимущественно занятые детьми, подростками, молодежью, лицами зрелого возраста, пенсионерами);
- 7) можно ли говорить о превышении рекреационной емкости объекта (сезонном, эпизодическом — по дням недели) и каковы признаки перепосещения;
- 8) насколько велика степень удовлетворения ожиданий отдыхающих — в целом и по отдельным группам;
- 9) какие претензии чаще всего предъявляют отдыхающие, связаны ли эти претензии с качеством окружающей среды, в том числе ее изменением в результате перепосещения;
- 10) есть ли в пределах объекта признаки несовместимости разных видов рекреационных занятий, если да, то каких именно;
- 11) в какой степени развита рекреационная инфраструктура объекта (лесная «мебель», удобные спуски к воде, палатки, лежаки для загора и т. д.), насколько эта инфраструктура соответствует ожиданиям потребителей;
- 12) в какой степени развита инженерная инфраструктура объекта (стоянки для автомашин, туалеты и т. д.);
- 13) следует ли применять по отношению к территории особый правовой статус, если да, то с какой целью (для ограничения других — нерекреационных — видов пользования, для ограничения уровня посещений и т. д.);
- 14) может ли быть проведено оптимальное функциональное зонирование территории объекта с выделением зон различного назначения (как собственно рекреационных, так и обеспечивающих);
- 15) необходимы ли меры по ограничению потоков посетителей, если да, то какого характера;
- 16) какие меры по инженерному обустройству территории должны быть реализованы для улучшения экологической ситуации;
- 17) какими средствами и методами могут быть разведены различные контингенты отдыхающих и их потоки, какую роль играет сложившаяся

транспортно-пешеходная сеть и как она может быть оптимизирована в целях управления потоками рекреантов;

18) какие формы обустройства мест отдыха и ландшафта должны быть реализованы;

19) какие механизмы платного природопользования могут быть использованы в данной конкретной ситуации (как прямые — плата за вход и посещение, так и косвенные — плата за предоставляемые услуги);

20) какие дополнительные виды элементарных рекреационных занятий могут быть развернуты на данном объекте и каких мер по обустройству территории и дозированию посещений они потребуют;

21) какого рода инвесторы могут быть заинтересованы в развитии данного рекреационного объекта и какова стоимость (приблизительная) комплекса мероприятий по его оптимизации;

22) какие штатные единицы и с какими обязанностями могут быть предусмотрены для данного объекта;

23) какова функциональная роль данного объекта в общей туристско-рекреационной системе региона;

24) какие параметры для определения качества рекреации целесообразно использовать для данного объекта?

**ЛАНДШАФТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА
РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА И РЕКРЕАЦИИ**

**8.1. Ландшафтное планирование как инструмент
резервирования территорий для развития туризма
и рекреации**

В предыдущих главах мы попытались показать, что внутренний туризм и рекреация в России постепенно выходят из длительной стагнации, на наших глазах возрождается (или точнее — реабилитируется) и формируется специфический отечественный турпродукт, создается инфраструктура, разрабатываются совершенно новые маршруты, осваиваются новые зоны отдыха. Это обстоятельство особенно заметно в провинциальной России, где помимо возведённых в советскую эпоху устаревших морально и изношенных здравниц появляются новые туристско-рекреационные комплексы, базы отдыха, небольшие гостиницы в «ландшафте», сезонные домики охотников и рыболовов, придорожные мотели и т. д.

Однако это, безусловно, позитивное поступательное движение обнаружило ряд проблем, которые могут быть разрешены только в процессе разработки и реализации специальной стратегии территориального развития регионов российской провинции, механизмом осуществления которого должна стать процедура ландшафтного планирования, или — в более привычной и соответствующей нашим традициям формулировке — экологическая организация территории.

Необходимость ландшафтного планирования в туристско-рекреационной сфере определяется следующими причинами.

1. Территориальные притязания туристско-рекреационной сферы на сегодняшний день весьма слабо отражены (и, следовательно, защищены по сравнению с прочими агентами освоения территории российской провинции) в действующем законодательстве. Судя по всему, среди законодателей, готовивших Федеральный закон «Об основах туристской деятельности», не оказалось ни одного специалиста по территориальному планированию. Статья 13 «Туристские ресурсы РФ» главы VI данного Федерального закона повествует о туристских ресурсах весьма неопределенно, причем авторы как будто специально избегали терминов: «территория», «зона», «район», «местность», «акватория», «ландшафт», надеясь, по всей вероятности, на развитие исключительно экстремальных видов туризма, вроде воздухоплавательного или спелеологического.

Вообще весь текст закона содержит неявную надежду на то, что ценные в туристском отношении земли выделятся сами собой в процессе развития туризма и рекреации, а также в ходе правоприменения уже существующих законов и нормативов. Однако разворачивающееся на наших глазах градостроительное освоение и всегда существовавшее весьма жесткое отраслевое природопользование навряд ли оставят нам подобный шанс. Более того, уже и сегодня большая часть мест стихийного туристского тяготения (как и территории многих учреждений организованной рекреации) по существу бесправны, поскольку расположены в границах зон или земель иного целевого назначения с соответствующим правовым статусом (водоохраняемые зоны, леса первой категории, земли сельхозпредприятий и т.д.).

Единственным законодательным положением, в какой-то мере работающим на туристско-рекреационную сферу, является Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях», который определяет несколько категорий ООПТ, как бы специально призванных способствовать развитию туризма, — это национальные и природные парки. Однако совершенно очевидно, что земель, получивших подобный статус в регионах Российской Федерации, недостаточно для развития полноценной туристско-рекреационной системы.

Создание природных и национальных парков даже при условии осознания необходимости такого шага со стороны административных органов и местного социума, как правило, тормозится отсутствием возможности финансирования, ведь обе эти формы предполагают для своего полноценного функционирования образование юридического лица, формирование органов управления, штата сотрудников и т.д.

Многие туристско-рекреационные комплексы создаются в настоящее время на средства частных инвесторов, которые если и претендуют поначалу на земли высокой экологической ценности (зачастую имеющие особый природоохраняемый статус), то, столкнувшись с реальными трудностями организационно-правового порядка, предпочитают в дальнейшем «свободные» территории, пусть и явно уступающие первым по качеству. Известны случаи аренды частными инвесторами земель национальных парков для создания туристско-рекреационных комплексов, которые приводили к взаимным разочарованиям обе вовлеченные стороны (и инвесторов, и администрацию ООПТ).

2. Потенциальные возможности размещения в пространстве регионов Российской Федерации композиционных элементов туристско-рекреационной системы постоянно снижаются вследствие неконтролируемого и скрытого по своему характеру (но весьма скоротечного и жесткого) захвата земель в ходе градостроительного и ресурсно-сырьевого освоения территории.

В принципе Градостроительный кодекс (как 1998 г., так и вновь принятый в 2004 г.) на всех уровнях территориального планирования (генеральные схемы расселения субъектов Российской Федерации, генеральные планы городов, сельских районов и населенных пунктов) содержит прямые указания на необходимость выделения рекреационных зон, однако вопрос об их правовом статусе остается открытым, следовательно, сама процедура выделения приобретает не более чем рекомендательный характер. Но даже не это главное: роковым обстоятельством постперестрочного периода является очевидное отставание (часто — просто отсутствие) разработок верхнего территориального уровня от изменения ситуации на местах. Иными словами, судьба конкретного земельного участка или фрагмента территории, как правило, решается раньше, чем будет определена его роль и значение в общей территориальной мозаике региона.

Индивидуальная дачно-коттеджная застройка, еще недавно расплывавшаяся кольцами вокруг всех более или менее крупных городов России, ныне простирает свои «шупальца» и в самые отдаленные углы российской провинции. В тех случаях когда «дачное» освоение «садится» на бывшую сельтйбу, еще можно говорить о том, что оно консервирует сложившуюся систему расселения, поддерживая на минимально-функциональном уровне ее наименее устойчивые элементы. Однако сплошь и рядом дачная волна приводит к появлению поселков нового типа, захватывающих пространство наиболее ценных провинциальных ландшафтов. В этом случае коттеджная застройка практически обнуляет возможности развития социально значимого туризма и рекреации, перекрывая для территории все дальнейшие перспективы подобного рода (т. е. лишая ее налоговых поступлений, рабочих мест и т. д.).

Отсутствие выраженной территориальной политики (как, впрочем, и элементарных представлений о необходимости таковой) у руководителей всех уровней сыграло злую шутку со всем российским социумом, так до сих пор и не осознавшим своих общих территориальных интересов. Строители коттеджей долгое время рассматривались местными руководителями и чиновниками чуть ли не как инвесторы, просто потому, что операция землеотвода с последующим возведением немаленькой дачи сулила хоть какие-то деньги (частью в виде более или менее завуалированных взяток, частью — в форме оплаты комплекса работ, производимых для богатого дачника местным населением). «Новые русские» дачники с чутьем настоящих конкистадоров выискивали наиболее привлекательные места: поближе к побережьям рек и озер, на лесных опушках, в условиях достаточной транспортной доступности. Каждый новый поселенец-дачник «тянул» за собой другого: так потихоньку оказались заселенными целые отрезки речных долин, участки озерных побережий и даже острова на озерах и водохранили-

цах. В результате наиболее выгодные для размещения туристско-рекреационных комплексов места к концу 1990-х годов оказались сданы под частную застройку и, по большому счету, утрачены для российского социума в целом.

Это обстоятельство выяснилось в последние годы, когда в провинциальных сельских районах появились настоящие инвесторы в лице фирм и компаний, заинтересованных в развитии инфраструктуры туристско-рекреационной сферы. В отличие от дачников реальные инвесторы, располагающие действительно значительными средствами, способны построить туристские базы отдыха, создать рабочие места для местных жителей, подвести электроэнергию, построить участок дороги, возвести очистные сооружения и т.д. Тут-то и выяснилось, что для столь долгожданных инвесторов остались только заболоченные лесные водоразделы с комарьем, осушенные торфяники, заросшие мелкоколесьем, необъятные пространства бывших картофельных полей со смытыми почвами, выбитые скотом пастбища или списанные мелиоративные системы.

Местные администрации, многие годы попустительствовавшие земельному произволу, вдруг обнаружили, что выгодного инвестора уже некуда принять: земля роздана в предыдущую, первую, волну постперестроечного дачно-коттеджного освоения. Стоит взглянуть на земли любого примыкающего к Московской области (либо надежно с ней связанного) сельского района, чтобы убедиться в справедливости этого утверждения. Можно рекомендовать поездку по территории Переславского района Ярославской губернии или Осташковского района Тверской губернии, где дачники, по выражению одного известного архитектора, «все хотят сидеть по колено в озере» (имеются в виду знаменитые Плещеево озеро и озеро Селигер).

Безусловно, в более отдаленных районах российской провинции ситуация не столь безнадежна, однако можно предположить, что и эти районы с последовательностью, достойной лучшего применения, осуществляют все тот же бесперспективный и убыточный сценарий регионального развития, бездарно, почти за бесценок, раздавая свой главный ресурс — землю и ландшафт.

Разумеется, поднятая проблема касается не только туризма и рекреации, а перспектив социально-экономического развития российской глубинки в целом. Но дело в том, что именно туристско-рекреационная сфера может стать в недалеком будущем надежным источником доходов для ныне депрессивных сельских районов. Однако реализация этой перспективы, безусловно, требует осуществления осознанной территориальной политики, одним из инструментов которой и является ландшафтное планирование.

8.2. Содержание и алгоритм процедуры ландшафтного планирования для развития региональных туристско-рекреационных систем

Управление ресурсами в туристско-рекреационной сфере должно опираться на предваряющую процедуру ландшафтного планирования, подразумевающую наложение композиционных элементов складывающейся туристско-рекреационной системы на структуру сознательно формируемого экологического каркаса региона. Из-за отсутствия собственного правового статуса рекреационно-аттрактивных земель ландшафтное планирование должно сопровождаться разработкой режимов использования объектов региональной сети ООПТ, а также правовым закреплением дополнительных региональных категорий особо охраняемых природных территорий.

В основе процедуры ландшафтного планирования для развития туристско-рекреационной сферы лежит операция соотнесения ландшафтной структуры территории с композиционными элементами складывающейся туристско-рекреационной системы и существующим правовым режимом земле- и природопользования. Состав элементов туристско-рекреационной системы (ТРС) в принципе хорошо известен и обоснован в работах специалистов по районной планировке (табл. 8.1).

Процедура целевого ландшафтного планирования должна начинаться с выявления основных композиционных элементов складывающейся туристско-рекреационной системы и нанесения их на картографическую основу. Мы сознательно не употребляем в данном случае термин «картографирование», поскольку он подразумевает возможность выделения точных границ наносимых объектов, в то время как операция выявления элементов ТРС ближе по своей сути к зонированию территории, а по технике выполнения — к эскизному плану (проекту). Попытаемся дать краткую характеристику основным элементам туристско-рекреационной системы.

1. Ядра — центры ТРС различного ранга. Крупные центры ТРС концентрируют в своих пределах не только большую часть объектов туристской индустрии, но и соответствующие инфраструктурные возможности: гостиницы, отели, кафе, рестораны, автостоянки и т. д. К ядрам направлены основные туристские потоки, которые «тормозятся» в их пределах на какой-либо срок. Ядра могут занимать транзитное положение на оси ТРС более высокого уровня (республиканского) либо функционировать как «тупики» в боковых ответвлениях («лучах») ТРС. В этом случае ядра могут служить районообразующими центрами для ареалов более низкого ранга.

Потоки туристов и рекреантов, доставленных в региональное ядро по оси республиканского ранга, могут затем радиально рас-

Композиционные (функционально-планировочные) элементы региональных туристско-рекреационных систем

Составные части композиции региональных туристско-рекреационных систем	Иерархические формы функционально-планировочных элементов	Блоки туристско-рекреационных систем (города и фрагменты городской среды, рекреационные зоны, блоки экологического каркаса и фрагменты сельской среды)
<p>Ареалы — районы сосредоточения туристско-рекреационных (природных, культурно-исторических и санаторно-курортных) ресурсов</p>	<p>Туристская область — крупная территориально-планировочная система отдыха и туризма, включающая в себя значительные по площади районы, зоны и центры длительного отдыха и санаторно-курортного лечения, объединенные в единую систему туристскими трассами в пределах одного или нескольких смежных субъектов РФ.</p> <p>Туристский район — совокупность рекреационных зон и туристских комплексов, сформировавшихся вокруг общего центра в пределах одного или нескольких смежных административных районов.</p> <p>Туристская местность — небольшая по площади территория с традиционными видами отдыха и туризма, включающая в себя одну или несколько близко расположенных рекреационных зон и учреждений отдыха и специализированная на реализации определенного туристско-рекреационного модуля</p>	<p>Города с рекреационными зонами ближайшей, средней и дальней доступности.</p> <p>Зоны сохранения исторически ценного культурного ландшафта, насыщенные памятниками историко-архитектурного наследия.</p> <p>Крупные ареалы самодеятельного рекреационного освоения в буферных частях регионального экологического каркаса; места, связанные с отдыхом у водоемов, сбором грибов и ягод, охотой и рыболовством</p>

<p>Ядра — функциональные центры ареалов различной иерархии</p>	<p>Центр области — опорный центр региональной туристской системы.</p> <p>Центр района — монопрофильные малые и средние города, насыщенные памятниками истории и архитектуры.</p> <p>Центр местности — малые города и крупные села, сюжетные центры маршрутных сценариев, административные и хозяйственные центры рекреационных зон</p>	<p>Центральные части крупных урбанизированных территорий с градостроительной средой высокой архитектурно-исторической и эстетической ценности.</p> <p>Исторические центры малых городов России.</p> <p>Исторические центры старинных сел и поселков</p>
<p>Оси — ландшафтно-маршрутные коридоры, связывающие между собой ареалы и ядра в единый территориальный каркас — ТРС</p>	<p>Транзитные оси — туристские трассы общероссийского значения: круизные (речные), автомобильные.</p> <p>Основные региональные оси — туристские маршруты областного (краевого) значения.</p> <p>Местные оси — маршруты местного значения</p>	<p>Речные круизы на теплоходах, автомобильные маршруты Золотого кольца, туристские поезда.</p> <p>Маршруты водного туризма (байдарочные, яхтенные и др.) протяженностью свыше 150—200 км, трассы велотуризма (свыше 200 км), многодневные маршруты конного туризма.</p> <p>Водные маршруты небольшого протяжения, маршруты пешеходного туризма</p>
<p>Локусы — объекты туристско-рекреационной сферы</p>	<p>Учреждения (предприятия) отдыха и туризма — организованные объекты туристско-рекреационной сферы.</p> <p>Зоны самодеятельного туризма</p>	<p>Туристско-рекреационные комплексы, дома отдыха, санатории, профилактории, дома охотника и рыболова, туристские приюты. Палаточные лагеря, стоянки на маршрутах, сюжетные узлы маршрутного сценария (места остановок на маршрутах и экскурсиях)</p>

средоточиваться по региональным трассам-осям для посещения местных туристских достопримечательностей. Так, туристы, приехавшие, скажем, в Ярославль по трассе Золотого кольца, могут останавливаться в городе на несколько суток для совершения челночных поездок в Углич, Ростов или Пошехонье. В свою очередь, Ростов также может играть ядерную роль для ареалов ТРС местного ранга, поскольку добравшись до этого замечательного города, безусловно, стоит задержаться в нем на несколько дней, чтобы совершить экскурсии по живописным окрестностям (Борисоглебский монастырь, долина реки Устье, Николо-Улейминский монастырь и т. п.). Таким образом, при проектировании ТРС в пределах административной области или края следует предусматривать возможность формирования ядерных центров, как минимум трех, иерархических уровней.

2. Оси туристско-рекреационной системы. Выявляются как сеть действующих маршрутов различных видов туризма. Информация такого рода должна собираться у туристских фирм, а также в разнообразных туристских клубах, с которыми в большей или меньшей степени связаны любители активного (зеленого, спортивного) туризма.

Туристские маршруты должны быть классифицированы и нанесены на картографическую основу в соответствии со своей значимостью (транзитные, областные, местные) и типом (автомобильные, водные, пешие, конные, др.). Зачастую маршруты разного типа укладываются в пределы единого маршрутного коридора, который так же должен быть показан специальными условными знаками. Такая ситуация обычно складывается на довольно протяженных отрезках речных долин, где коридор формируется за счет переплетения трасс пешего и конного (вдоль реки), водного (байдарочники) и, возможно, даже велосипедного (если вдоль долины проложена дорога, что совсем не редкость) видов туризма.

Отметим: в принципе любые дороги потенциально способны служить трассами пассажироперевозок в туристской сфере, однако далеко не все маршруты совпадают с элементами транспортной сети. Так, известно, что велотуристы, как правило, избегают загруженных федеральных трасс, предпочитая обходить их по более безопасным (и живописным) областным дорогам с твердым покрытием.

3. Локусы туристско-рекреационной системы. Отчетливо распадаются на две группы: места, связанные с учреждениями организованного отдыха, и места, приуроченные к наиболее аттрактивным точкам в ландшафте, привлекающим самостоятельных туристов.

Картографирование учреждений организованного отдыха может быть осуществлено на основе районных карт землепользова-

ния, на которых, как правило, показаны рекреационные учреждения (как ведомственные, так и муниципальные).

Значительно сложнее получить достоверные материалы о локусах самодеятельного туризма. Места, используемые для отдыха и туризма, только на первый взгляд представляются аналогичными и не стоящими внимания. На самом деле опыт специальных исследований показывает, что потребительские предпочтения наших сограждан весьма разнообразны.

«Классическими» могут считаться локусы, образуемые многодневными стоянками «пришлых» рекреантов, в виде палаточных лагерей, устанавливаемых из года в год на одном и том же месте. В Центре и на Севере России такие палаточные лагеря часто приурочены к устьевым отрезкам речных долин малых водотоков, впадающих в крупные реки, к участкам надпойменных террас и высоких пойм малых рек, к озерным побережьям. Спросом пользуются экотонные участки с переходом типа «опушка леса на террасе — пойменный луг — русловая пляжевая отмель». В противовес распространенному мнению поведение рекреантов таких лагерей, как правило, достаточно экологично, здесь существует своеобразная экоэтика, сооружаются ямы для мусора, устраивается фиксированная туалетная зона и т. д. Продолжительность пребывания — от одной до нескольких недель.

Локусы местных рекреантов, как правило, привязаны к аналогичным, хотя и более закрытым и менее известным и популярным участкам в ландшафте. Разве что вместимость таких локусов меньше, да и сроки отдыха составляют от одного до нескольких дней. Локусы местных рекреантов могут использоваться в качестве стоянок транзитным туристами. Именно так это и происходит в водном туризме, когда проходящая группа, выбирая место для очередного привала, зачастую ориентируется на удобные костровища, оставленные рекреантами-аборигенами.

Наконец, наиболее многочисленную и дисперсно распыленную в пространстве ландшафта категорию составляют локусы отдыха местного населения: от пастушеских «дневок», рыбацких и охотничьих привальных костров до традиционных мест выхода на «зеленую», т. е. на природу.

Заметим, что описанным трем категориям зон самодеятельного отдыха соответствуют и свои категории рекреантов, каждая из которых ревностно охраняет собственные территориальные предпочтения.

Опыт наших исследований показывает, что хорошим способом сбора достоверной информации о локусах самодеятельного туризма служит авиаучет отдыхающих с воздуха (с вертолета, подобно тому, как учитывают крупных копытных охотоведы), проводимый в погожий июльский выходной день и дополненный интервьюированием местного населения сельских районов.

освоенной опушки леса, пронизанной тропами, пойменного луга, на котором расположился лагерь. Однако в масштабе ТРС сельского района такой ареал будет выглядеть локусом и при среднемасштабном анализе (1 : 100 000, 1 : 200 000) именно так и должен трактоваться. В то же время полоса палаточных лагерей, протянувшаяся на несколько километров вдоль берега озера или водохранилища, уже образует ареал или, по крайней мере, часть такового.

И все же рискнем предположить, что перспективные (в смысле дальнейшего развития) ареалы должны включать в себя:

- центральное ядро (в роли которого может выступать, скажем, исторический малый город или сосредоточение учреждений отдыха и рекреации);
- один транзитный маршрутный коридор, принадлежащий ареалу более высокого (областного, краевого, республиканского) ранга;
- несколько местных маршрутных коридоров, отходящих от ядра ареала в разные стороны;
- одну или несколько зон самостоятельной рекреации.

Очевидно, что этот набор составляющих композиционных элементов может варьироваться от района к району в зависимости от степени туристско-рекреационной освоенности. В этой связи, вероятно, имеет смысл говорить о специализации ареалов ТРС регионального уровня, которая определяется характером преобладающего турпродукта, во-первых, и соотношением различных композиционных элементов, во-вторых. Так, для российского Центра и Севера можно легко представить ареалы ТРС, специализированные следующим образом:

- с преобладанием учреждений организованной рекреации в ландшафте при небольшом участии зон самостоятельной рекреации;
- организованного (экскурсионного) туризма, привязанного к культурно-историческому наследию, при небольшом участии самостоятельного активного маршрутного туризма;
- организованного (маршрутного) спортивного туризма при небольшом участии самостоятельного активного маршрутного туризма и мест самостоятельной рекреации;
- самостоятельной рекреации в стихийно складывающихся рекреационных зонах при большем или меньшем участии активного маршрутного туризма и организованного отдыха в учреждениях рекреации.

Разумеется, для ландшафтного планирования все выявленные ареалы различной специализации, а также их элементы должны быть нанесены на картографическую основу.

6. Выявление и картографирование ландшафтной структуры территории. Эта работа, безусловно, должна быть выполнена специ-

алистами. Однако опыт показывает, что и для специалистов бывает непросто учесть прикладную составляющую ландшафтной оценки, которая раскладывается на ряд специальных оценок:

- оценка рекреационной привлекательности ландшафтов;
- оценка визуальной (эстетической) аттрактивности ландшафтов;
- оценка рекреационной емкости ландшафтов и (более подробно) устойчивости отдельных экосистем;
- оценка породного и возрастного состава лесов территории;
- оценка речной сети.

Сложившиеся подходы к оценке ландшафтной составляющей туристско-рекреационного потенциала охарактеризованы в соответствующем подразделе.

7. Фиксация сложившегося землепользования и анализ соответствия характера освоения (градостроительного, дачного сельскохозяйственного, ресурсно-отраслевого) задачам развития туризма и рекреации и ландшафтной структуре территории. Это самый сложный раздел целевого ландшафтного планирования, поскольку его задача — выявление противоречий, просчетов и промахов регионального развития (территориальной политики).

Первая и самая несложная операция на данном этапе — оценка ограничений развития туризма и рекреации, которая состоит в выявлении территорий, утраченных для означенных целей. Среди таких территорий должны быть в первую очередь выделены все более или менее крупные скопления садово-огородных товариществ и коттеджных поселений. К территориям, в непосредственной близости от которых не должны и не могут располагаться объекты туристско-рекреационной сферы, относятся также все земли с особым режимом пользования (воинские части, охраняемые зоны крупных инженерных сооружений — плотин и т.д.).

Фиксация сложившегося землепользования предполагает выделение всех более или менее значительных землепользователей региона, к таковым относятся:

- земли сельскохозяйственных предприятий;
- земли лесного фонда;
- земли поселений и городские земли;
- зеленые зоны городов и населенных пунктов;
- земли, находящиеся в собственности или аренде крупных недропользователей (карьерное хозяйство, различного рода выработки и т.п.);
- земли, находящиеся под объектами системы ООПТ (они должны, собственно выявиться при выполнении пункта 4, здесь же следует тщательно откартографировать границы всех крупных объектов: заказников фаунистических и ландшафтных, крупных по площади памятников природы);
- водоохранные зоны малых и средних рек.

Анализ сложившегося землепользования должен осуществляться с ориентиром на задачи развития внутреннего туризма и рекреации с учетом стратегических для района интересов территориальной политики. Иными словами, планировщики должны осветить ряд вопросов, среди которых важнейшими представляются следующие:

- в какой стадии находится процесс становления туристско-рекреационной системы региона, какие композиционные элементы входят в ее состав и каковы очертания основных ареалов ТРС;

- в какой степени культурно-историческое и природное наследие региона включено в формирующийся турпродукт и какие новые ареалы могут образоваться при условии более полного использования объектов наследия в возникающей системе туризма региона;

- в какой степени формирующаяся ТРС региона соответствует ландшафтному потенциалу территории, насколько равномерно освоены рекреацией наиболее аттрактивные ландшафты, какова степень туристской дигрессии наиболее часто посещаемых рекреантами мест;

- в какой мере существующая система особо охраняемых природных территорий работает на задачи развития туризма и рекреации.

Ответы на все эти (и многие другие — попутно возникающие) вопросы позволяют:

- осознать общерегиональные территориальные интересы (притязания) местного социума;

- выявить основные противоречия между существующим правовым статусом отдельных земель и перспективами их использования в системе туризма и рекреации;

- обнаружить наиболее перспективные точки роста и узкие звенья формирующейся туристско-рекреационной системы;

- сформулировать основные положения (или принципы) территориальной политики региона;

- запустить операцию пошагового правового зонирования территории (первый шаг — реконструкция системы ООПТ до полноценного эколого-рекреационного каркаса территории) как предтечу ландшафтного планирования.

Попытаемся проиллюстрировать (хотя бы в первом приближении) эти положения на конкретных примерах.

А. Осознание наличия территориальных интересов, определяющих стратегические возможности развития. В одном из сельских районов Центра России, территория которого разрезана руслом Верхней Волги на две половины, автору пришлось присутствовать на совещании, посвященном возможностям размещения инвестиций. Речь шла о возведении нескольких новых туристско-рекреационных комплексов. Однако уже в самом начале обсуждения стало очевидным, что все наиболее привлекательные земли уже отданы,

разумеется, под частные дачи и коттеджную застройку. После демонстрации эскизного ландшафтного плана и соответствующих пояснений было принято решение в дальнейшем в водоохранной зоне Волги (т. е. в пределах 500 м от ее русла, а также на островах) земель под частную застройку не отводить.

Б. *Противоречия между существующим правовым статусом отдельных земель и перспективами их использования в системе туризма и рекреации.* В городской черте российских городов или в непосредственной близости от нее оказались лесные кварталы старовозрастных лесов, активно используемые для рекреации. В большинстве случаев они до сих пор сохраняют статус лесов I-й категории, хотя реальная нагрузка соответствует функции городских парков. Со статусом связаны финансирование и объем ухода за лесным массивом, каковые, как правило, оказываются недостаточными при резко увеличивающемся прессе на ландшафт. Выход — применение статуса «городские леса». Однако такие леса уже не входят в лесной фонд. Формы собственности на леса, расположенные на землях городских поселений, устанавливаются федеральным законом, а не Лесным кодексом РФ. Поскольку леса городских поселений оказались вне какой-либо группы, они потеряли защиту, предусмотренную ст. 63 Лесного кодекса РФ, на случай перевода лесных земель в нелесные для использования их в целях, не связанных с ведением лесного хозяйства и изъятием земель для других нужд. Заметим в этой связи, что широко используемый для городских лесов статус «памятник природы» может считаться оптимальным лишь до поры до времени. Как только пресс на землю и ее стоимость на городских территориях достигают определенных размеров, вторжение инвесторов становится неизбежным. Вопрос заключается лишь в том, в какой степени мы сумеем обратить на пользу лесу и формирующейся рекреационной зоне это вторжение. Опыт показывает, что защитный механизм экологической экспертизы, работающий по принципу «да» или «нет», в данном случае не срабатывает.

Вообще, многие зоны активного самодеятельного рекреационного освоения оказываются на стыке земель с различным правовым статусом (леса, земли водного фонда, водоохранные зоны, земли сельскохозяйственных предприятий). Сознательное развитие и конструирование таких зон, а также их оптимизация (в том числе и ландшафтно-экологическое обустройство) зачастую требуют консолидации участков под единым статусом, предполагающим целевое туристско-рекреационное использование.

Другое распространенное противоречие — несоответствие территорий, окружающих санатории и профилактории, целевому использованию и реальному функциональному назначению.

В. *Обнаружение наиболее перспективных точек роста.* По сути речь идет о территориальных «аттракторах» для инвестиций. Сиг-

налом к их обнаружению для местных администраций и планировщиков должны стать пользующиеся популярностью отдельные рекреационные зоны, места и маршруты, объекты посещения. Ведь популярность означает не что иное, как удовлетворение потребительских ожиданий, а это, в свою очередь, может быть связано либо с уникальными свойствами места, ландшафта (или помещенного в него объекта) и (или) удачно составленным туристско-рекреационным модулем (набором элементарных рекреационных занятий).

Опыт показывает, что развитие таких точек роста — дело частной инициативы, т.е. отдельных лиц, имеющих средства, желание и волю довести начатое до конца. Карьер, оставленный горнодобытчиками в качестве рекультивированного пожарного водоема, может стать привлекательным местом для отдыха горожан, но лишь после того, как частный инвестор возьмет на себя труд намыть пляж, провести санитарную рубку в близлежащем лесном массиве, устроить стоянку для автомобилей, установить палатки для торговли нехитрым товаром, а рядом с ними — баки для сбора мусора. Задача планировщика — определить емкость и величину зоны влияния такого объекта, задача администрации — не мешать, осуществлять правовое сопровождение и предусмотреть, чтобы новое рекреационное использование не стало летальным для ландшафта.

Г. *Формулировка основных положений территориальной политики региона.* Это не простая задача, требующая не только аналитических способностей, но и политической воли. Среди таких положений, одинаково важных для любой сельской провинциальной территории, должны быть следующие:

- отказ от порочной практики раздачи земель по принципу «участок за участком», особенно на землях пионерного освоения, до того, как будет определена (в рамках ландшафтного плана) общая функциональная роль и значимость территории;

- строгий контроль всех акций нового освоения на землях с особым режимом пользования (водоохранные зоны, охранные зоны памятников истории и архитектуры, земли ООПТ, лесные земли и т. п.), для чего потребуются проведение обширной работы по «выносу в натуру» границ таких земель и буферных к ним зон;

- абсолютная гласность любых акций нового освоения, затрагивающих территориальные интересы социума с обязательным использованием механизма общественной экспертизы и тех пунктов процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), которые требуют общественных обсуждений любого нового проекта освоения;

- жесткий контроль реабилитационных действий всех агентов сырьевого ресурсопользования (уходящий разработчик карьера под гравийно-песчаную смесь должен оставить после себя не пожар-

ный пруд, а рекреационный водоем либо же просто парк (в том числе, скажем, спортивный нетрадиционный);

- резервирование всех перспективных для развития туризма и рекреаций природных территорий, как и мест скопления-сосредоточения историко-культурного наследия;

- конкурсный (тендерный) характер оценки и принятия инвестиционных проектов.

Д. *Запуск операции пошагового правового зонирования как предвещающей операции ландшафтного планирования.* Это позволяет реально зарезервировать территорию и подготовить ее для развития туризма и рекреации в регионе.

8.3. Экологический каркас как основа для сохранения туристско-рекреационного потенциала территории российской провинции

Инструментом ландшафтного планирования является правовое зонирование до тех пор, пока этот ландшафтный план не стал обязательной и общепринятой подосновой освоения для всех регионов российской провинции. В этой ситуации практически единственным реальным механизмом экологической организации территории выступает деятельность по конструированию полноценного эколого-рекреационного каркаса.

Мы принципиально настаиваем на формулировке «эколого-рекреационный» по двум причинам. Во-первых, туризм и рекреация остаются в настоящее время единственными сферами экономики, которые действительно заинтересованы в сохранении экологически здоровой среды в регионах провинциальной России. Во-вторых, экономическая ценность экологического каркаса является не через введение механизма платного природопользования (как это представляется иным теоретикам), а через развитие в буферной к экологическому каркасу зоне туристско-рекреационной инфраструктуры.

В предыдущих подразделах мы попытались показать, что в нынешнем урбанизированном мире любые блоки экологического каркаса неизбежно становятся вмещающим пространством для развития рекреации и туризма. Так, национальная экологическая сеть Нидерландов предоставляет многие свои элементы для доступа туристов; британская система, известная под названием «Национальный Траст», по сути своей — эколого-туристская система. Следовательно, и перед нами стоит дилемма: либо попытаться организовать и рационализировать взаимодействие туризма и рекреации с экологическим каркасом, либо сделать вид, что проблемы не существует. Первая стратегия ведет к сохранению национального пейзажа и развитию внутреннего туризма, вторая —

к деградации испытывавших перегрузки лесных массивов, захламлению рек и стагнации рекреации и «зеленого» туризма как отрасли.

Система особо охраняемых природных территорий играет двоякую роль в сфере развития туризма и рекреации, что связано с самой историей выделения в 1970—1980-х годах множества природных объектов как памятников природы, заказников и т. п. С одной стороны, в качестве памятников природы практически повсеместно выделяли живописные уголья, участки речных долин и озерных побережий, пригородные рощи и лесопарки, традиционно известные как места отдыха населения и рекреационные узлы. С другой стороны, сама операция выделения (производившаяся, как правило, достаточно стихийно, по инициативе любителей природы) была призвана создать для этих объектов некий щадящий режим, не слишком согласующийся с массовым паломничеством туристов.

Это противоречие приводит нас к необходимости специальной разработки режимов и регламентаций использования элементов системы ООПТ в туристско-рекреационной сфере. Для корректного решения проблемы необходимо иметь в виду следующие обстоятельства:

- туризм и рекреация — единственная сфера деятельности, которая на сегодняшний день реально заинтересована в сохранении объектов сети ООПТ и может предложить для этой цели средства, стратегию и т. п.; все прочие субъекты хозяйствования (сельскохозяйственные предприятия, предприятия и государственные учреждения) на протяжении последних десятилетий уже доказали свою полную неспособность ни сохранить памятники природы, ни примирить их существование с современными экономическими реалиями;

- методы огульного «отлучения» сферы туризма от сети ООПТ не давали в прошлом и не дадут в будущем никакого реального эффекта (люди посещали, посещают и будут посещать интересные места), следовательно, речь должна идти о выработке корректной системы регламентации;

- такая система регламентации туристской деятельности должна базироваться на уже выработанных в экологии подходах к охраняемым природным территориям, включающим в себя представления о размерах объекта, его типе, средостабилизирующих способностях и др.

Среди строгих ограничений, накладываемых системой ООПТ, следует назвать ограничения на посещение и пребывание в заповедниках, а также ограничения на любительскую охоту в пределах заказников, выполняющих функции воспроизводства, восстановления или акклиматизации тех или иных видов фауны.

Для разработки стратегии включения объектов сети ООПТ в сферу туризма и определения тактики их использования следует использовать инструмент регионализации организационно-правовых

форм особо охраняемых природных территорий. В рамках такой (по сути, организационно-правовой) деятельности для всех выделенных ранее объектов сети ООПТ могут и должны быть разработаны типовые режимы регламентаций, определяющие возможность и интенсивность их использования в системе туризма и рекреации.

Существующие ныне в пределах России блоки экологического каркаса заданы Федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях». Различные типы ООПТ неоднократно описывались в литературе [17, 21], однако их функциональное положение в развивающейся системе туризма и рекреации специально не анализировалось. Между тем именно рекреационное использование определяет существование реального антропогенного прессы на эти территории, поэтому целесообразно хотя бы коротко проанализировать их состояние, а также перспективные функции в системе рекреации и экотуризма.

Принятая в современной экологии конфигурация экологического каркаса (обширные природные резерваты, которые соединяются экологическими коридорами и дополняются локальными, но уникальными природными объектами) полностью соответствует композиции ТРС, и это соответствие глубоко закономерно.

В староосвоенных регионах российского Центра и Севера категории ООПТ, предлагаемые Федеральным законом, «работают» не слишком хорошо. Консервационный режим, задаваемый правовым статусом «памятник природы», обрекает на медленное разрушение любые объекты, кроме некоторых геологических (скажем, гигантский валун). Практически не зарезервированы Федеральным законом и территории, перспективные (и уже использующиеся) для развития туризма и рекреации. Поэтому необходима разработка набора специальных региональных правовых категорий ООПТ. Такую регионализацию правовых форм ООПТ можно считать действенным инструментом управления экологическими аспектами территориального развития, инструментом, временно замещающим и предвещающим нормальное ландшафтное планирование, которое не скоро еще станет обязательным для регионов нашей страны (табл. 8.2).

Заповедники. Согласно законодательству заповедники выведены из любых видов хозяйственного использования. Заметим в этой связи, что, например, на территории единственного крупного в Верхневолжье Дарвинского заповедника все равно постоянно находится контингент специалистов — около 12 человек. Добавление к этому числу еще 3—6 элитных туристов, приезжающих для наблюдения за миром фауны и флоры (скажем, съемка фильма или фотографирование редких птиц), не скажется заметно на состоянии территории площадью в сотни квадратных километров. Однако реальное включение данной категории в сферу интересов

Таблица 8.2

Включение блоков экологического каркаса в систему экотуризма и рекреации

Объекты	Существующий правовой статус	Функция в формирующейся системе туризма и рекреации	Перспективный правовой статус	Первоочередные мероприятия по оптимизации
Заповедные территории	Государственный заповедник	Элитный «научный» туризм	Государственный заповедник	Разработка дополнений к Федеральному закону
Природно-исторический парк «Плещеево озеро»	Национальный парк	Различные виды маршрутного экотуризма	Природный парк и туристско-рекреационная местность	Разработка генплана и проекта развития туризма
Фаунистические заказники	Государственный заказник	Ядерные биорезерваты по отношению к буферным зонам развития любительской охоты	Фаунистический заказник	Активизация биотехнических мероприятий
Ландшафтные заказники	Государственный заказник	Эталоны природных ландшафтов — экскурсионные объекты	Региональные природные резерваты	Поиск и заповедание эталонных ландшафтов
Живописные урочища и ландшафты	Памятник природы	Экскурсионные объекты, места для привалов и стоянок	Региональные природные (природно-исторические ландшафты)	Локальное рекреационное обустройство (тропы, места стоянок и привалов)
Водораздельные леса	Памятник природы	Угодья для скрытой рекреационной деятельности	Региональные природные (природно-исторические ландшафты)	Локальное рекреационное обустройство (места привалов и стоянок)

Окончание табл. 8.2

Объекты	Существующий правовой статус	Функция в формирующейся системе туризма и рекреации	Перспективный правовой статус	Первоочередные мероприятия по оптимизации
Долинные леса Волги и ее притоков	Памятник природы	«Вмещающие» рекреационные пространные, прибрежный отдых, лесная рекреация	Региональные туристско-рекреационные местности	Общее рекреационное обустройство, функциональное зонирование
Хвойные леса вблизи городов	Памятник природы	Зоны активной рекреации, пешие, лыжные, конные прогулки	Региональные туристско-рекреационные местности	Функциональное зонирование, обустройство по специально разработанному ландшафтно-архитектурному плану
Хвойные леса в городской черте	Памятник природы	Городские лесопарки	Городские леса	Разработка генплана с ландшафтным обустройством
Участки лесов вблизи сел и деревень	Памятник природы	Сельские рекреационные территории	Региональные туристско-рекреационные местности	Локальное рекреационное обустройство

экотуризма связано с корректировкой правового статуса заповедников, в частности с внесением изменений в Налоговый кодекс РФ, предусматривающий освобождение заповедников от уплаты налогов на прибыль и добавленную стоимость.

Национальные парки. Как категория ООПТ национальные парки в России оказались искаженной калькой американской практики. Как мы уже могли убедиться, на Западе национальные парки возникали на территориях, с ценным и уже сформировавшимся туристско-рекреационным продуктом, что облегчало для планировщиков и законодателей задачу функционального зонирования и определения границ зон с тем или иным режимом регламентации. Как правило, национальные парки США включают один или несколько действительно уникальных природных объектов со сложившейся практикой туроперейтинга и туристско-рекреационного обслуживания.

В России национальные парки с самого начала задумывались как объекты, на территории которых природное и культурное наследие может быть представлено в органичном единстве: как культурный ландшафт, открытый для посещения и туризма. Эта проблема, однако, оказалось трудноразрешимой на практике и повлекла за собой череду конфликтов в землепользовании, ресурсопользовании, региональном управлении и т. д. В этом плане весьма показателен пример Переславского национального парка (природно-исторического) «Плещеево озеро», созданного в 1988 г.

Переславский государственный природно-исторический парк был образован для охраны комплекса природных и историко-культурных ресурсов. Среди основных целей, которые предусмотрены создателями парка, — восстановление природных ландшафтов, имеющих важное рекреационное значение, сохранение архитектурных и пейзажных особенностей переславской земли, а также ознакомление посетителей и туристов с культурой, традициями и повседневной жизнью русского народа.

Переславский парк занимает площадь около 23,6 тыс. гектаров территории, непосредственно примыкающей к Плещееву озеру — одному из крупнейших естественных водоемов края. На территории Переславского парка в бассейне Плещеева озера как нигде в другом месте представлены разнообразные формы взаимодействия народа с природой: история края, его многовековое и многотрудное прошлое получили наглядное отражение в уцелевших фрагментах культурного ландшафта парка. Это и монастыри с окружающими землями бывших вотчин; и ловецкие слободы на берегах озера, и старые водные пути, и древний город Переславль-Залесский — центр феодального княжества, и многочисленные разбросанные по холмам села и деревеньки среди древних пашен и лугов. Богата переславская земля и памятниками древнейшего про-

шлого — на берегах рек и в заболоченных котловинах бывших озер вскрыты стоянки и жилища древних племен от верхнего неолита до железного века; курганы и могильники виднеются на крутых берегах Плещеева озера, в долине Вексы и Нерли.

При выделении границ парка его организаторы по мере возможности пытались соблюсти бассейновый принцип: в состав парковых земель включены долины и бассейны ручьев и речек, впадающих в озеро. Однако этот подход не был реализован окончательно. В буферной зоне парка возникли и накапливались «территориальные» напряжения, связанные с попытками ограничения хозяйственной деятельности. Лишь в конце 2001 г. конфликтная ситуация отчасти разрешилась принятием Положения об охранной зоне парка, подписанного администрацией парка, а также администрациями района, г. Переславля-Залесского и заинтересованными хозяйствующими субъектами.

Задача сохранения раритетов археологии и этнической и архитектурно-исторической среды на природном фоне — это, по сути, задача сохранения культурного ландшафта. Последний для того, чтобы быть культурным, должен оставаться пространством для деятельности: сельскохозяйственной, ресурсопользовательской, ремесленной, причем деятельности в ее этнически укорененных формах. Культурный ландшафт должен оставаться ландшафтом, т.е. набором геосистем, уникальных в природном отношении. Наконец, территория парка должна создавать и поддерживать условия для коммерческого туристского использования. К сожалению, на сегодняшний день мы должны констатировать, что подобного результата пока не удалось добиться ни в одном из национальных парков России.

Заказники. Это следующая важная группа объектов системы ОПТ, среди которых различают заказники фаунистические, созданные для восстановления численности редких и ценных видов (в том числе промысловых), заказники-болота (охрана мест формирования поверхностного и грунтового стока) и ландшафтные заказники (предназначенные для сохранения уникальных или, напротив, типичных ландшафтов).

С самого начала заказники создавались для самых разнообразных целей. Будучи достаточно гибкой, данная организационно-правовая форма позволяет включать в эту категорию самые разные объекты, различающиеся по функциональной роли в экологическом каркасе территории. На территории российского Центра и Севера целесообразными могут быть следующие организационно-правовые формы: заказники-болота, ландшафтные заказники, создаваемые для заповедания классических эталонов природных ландшафтов. К ним кое-где отнесли уникальные по красоте ландшафтные комплексы (как правило, в ранге небольших ландшафтных выделов — ландшафтных урочищ), зато практически не охва-

ченными остались типичные ландшафты Русской равнины. К сожалению, эта категория заказников весьма слабо использовалась до сих пор. Между тем все меньше образцов нетронутого рельефа с условно-коренными лесами осталось на нашей территории. Представляется актуальным создание по крайней мере следующих заказников типичных ландшафтов подзоны южной тайги: темнохвойные ельники на выраженных моренных холмах, задровые сосняки, черноольховые и дубовые леса на поверхности пойм, смешанные хвойно-широколиственные леса сложного флористического состава и др.

Важной формой среди заказников являются заказники-болота, играющие огромную роль в сохранении редких и исчезающих видов флоры и фауны, кроме того, многие из них являются одновременно и областями формирования речного стока.

Рекреационные функции заказников на сегодняшний день могут быть очерчены лишь приблизительно. Ясно, что эти объекты могут быть использованы для экскурсий на природу, показа природных достопримечательностей на туристской тропе и т. д. Очевидно также, что заказники, особенно фаунистические, могут играть роль ядер — внутренних заповедных территорий, в буферной зоне которых возможно развитие многих форм туризма и рекреации. По нашим наблюдениям, элитная охота практически всегда территориально соседствует с комплексными или видовыми фаунистическими заказниками, что и понятно, поскольку именно в пределах заказников сохраняется и воспроизводится «целевая» для охотников популяция птиц или зверей.

Памятники природы. Это самая обширная группа охраняемых объектов на сегодняшний день. В разных регионах России в связи с характером исторического освоения и сложившейся эколого-экономической ситуацией в качестве памятников природы были выделены различные природные и природно-антропогенные объекты, однако анализ демонстрирует известную аналогию в подходах, а главное — в восприятии человеком уникального и достойного сохранения. Так, для обширного региона Верхневолжья с подюжиной административных областей, входящих в его состав, можно указать следующие типы природных объектов (приведены в порядке возрастания средстабилизирующего потенциала, указаны типичные средние размеры): [21]:

- отдельные эрратические валуны (как памятники природы — средняя площадь объекта 0,01 га);
- геологические обнажения, в том числе с тафоценозами (как памятники природы — 1,0 га);
- отдельные старые деревья редких пород, крупного размера и (или) весьма старые (как памятники природы — 0,05 га);
- аллеи редких хвойных или широколиственных пород (как памятники природы — 1,0 га);

- усадебные парки и их отдельные сохранившиеся фрагменты: пруды, аллеи (как памятники природы — 2,0 га);
- старые сельские парки, парки отдыха, больничные парки, пришкольные парки (как памятники природы — 1,0 га);
- отдельные пруды, как правило, копаные (как памятники природы — 0,05 га);
- обводненные карьеры на месте бывших вскрыш (как памятники природы — 25 га);
- естественные озера (как памятники природы — 30,0 га);
- небольшие болота — переходные и низинные в поймах озер и рек (как памятники природы — 10 га);
- крупные болотные массивы в истоках рек (как заказники — 500 га);
- участки пригородных лесов высокой рекреационной значимости (как памятники природы — 100 га);
- участки лесных массивов вблизи крупных деревень и сел (как памятники природы — 35 га);
- лиственные рощи вблизи сельских населенных пунктов (как памятники природы — 25 га);
- леса вдоль Волги и водоохранные леса на террасах других более или менее значительных рек;
- условно-коренные леса на водоразделах (как заказники — 50 га);
- отдельные урочища и фрагменты ландшафтов (как памятники природы — 75 га).

Интереснейшими в группе геологических памятников природы являются крупные обнажения, многие из которых раскрылись в последние полвека в связи с активным гидростроительством. Так, в результате размыва берегов образовалось почти сплошное обнажение, протянувшееся на 8 км в окрестностях старинного села Глебово. Широкою известность имеет обнажение нижнего триаса на правом берегу Волги у села Тихвинское. В серых мергелевых глинах обнажения встречаются черепа нижнетриасовых земноводных — лабиринтодонтов, чешуя рыб, а также обугленные шишки и остатки стволов гигантских триасовых плаунов.

Наличие геологических обнажений с ценной ископаемой фауной создает особые проблемы. С одной стороны, такие объекты — украшение любого туристского маршрута, однако чрезмерная популяризация обнажений привела к развитию настоящей охоты за окаменелостями; особо усердствуют «старатели» из Москвы и Санкт-Петербурга, применяющие гидромониторы и вывозящие ценные окаменелости ящиками. Такого рода отношение к природе вызывает у местных жителей и региональных властей ответную реакцию радикального толка: запретить любое посещение объекта, однако, как показывает печальный опыт, такие запреты неэффективны и легко обходятся профессионалами. Правильное ре-

шение лежит в сфере «культурного туризма»: заинтересованные турфирмы могут наладить контроль за соблюдением правил с помощью местных жителей (рыбаков, дачников, крестьян) в периоды наиболее активного сбора (весна — начало лета). Желательно также включение одиночных геологических памятников в состав более обширных по площади территорий щадящего рекреационного использования: ландшафтно-исторических местностей или природных парков, в этом случае легче наладить контроль за режимом посещения, осмотра и использования ценнейших обнажений. Увеличение площади памятника за счет включения в его территорию окружающего ландшафта является единственно спасительной мерой для других геологических уникалов, в частности огромных эрратических валунов; это логично еще и потому, что многие «священные камни» служили местом поклонения славян в дохристианскую эпоху (в их ближайших окрестностях часто расположены курганные и грунтовые могильники, культовые рощи и т. д.). Туристов и рекреантов следует обучать простейшим правилам осмотра подобных раритетов: недопустимо, например, разжигать возле валунов костры (это приводит к растрескиванию монолита породы), отбивать молотками кусочки на память, оставлять личные метки в виде безвкусных «граффити» и т. д.

В группе ландшафтно-исторических памятников преобладают *аллеи, группы деревьев и отдельно стоящие деревья* — очень небольшие объекты, имеющие значение как эстетические акценты ландшафта. Численно преобладают липовые аллеи и аллеи «кедра» — сосны сибирской. Среди отдельно стоящих деревьев выделены в качестве памятников солитеры: крупные старые дубы, кедры и вязы, что связано с необычайно величественным обликом этих «старцев». Возраст многих подобных одиночек превышает 200 лет, они чрезвычайно оживляют пейзаж, наполняют образный ряд местности. Обычно это аллеи утраченных усадебных и сельских парков, чаще всего липовые, реже лиственничные, единично — аллеи из туи западной и сосны. Серьезный интерес и ценность в качестве образца обустроенного культурного ландшафта прошлого века представляют фрагменты придорожных аллей. Функция таких объектов в экотуризме и рекреации очевидна, это центры маршрутного сценария; опытный экскурсовод всегда найдет повод остановиться возле трехсотлетней сосны и пофантазировать на тему о том, свидетелем каких событий могло стать данное дерево.

Обследование, проведенное в Верхневолжье, не выявило особых актов вандализма и разрушения объектов этой категории; основным врагом таких деревьев является само время. Отмечены нарушения в землеустройстве, некоторые старые дубы и группы кедров оказались ныне за высоким забором частных владений, однако в данном случае это следует считать скорее благом, чем злом.

Большую группу в разделе памятников природы составляют фрагменты культурного ландшафта, саженные парки — сельские, городские, усадебные, часто с набором экзотических для нашей местности пород. Некоторые из этих парков — бывшие дворянские усадьбы (Новинское — усадьба драматурга А. В. Сухо-во-Кобылина, Карабиха — усадьба поэта Н. А. Некрасова), реже дачи (сосняки села Итларь — дача Ф. И. Шалаяпина) и бывшие монастырские парки (кедровая роща Толгского монастыря). Близки к этим паркам и старинные парки сел и деревень. Неудивительно, что облик парков, входящих в эту группу, весьма разнообразен.

В связи с тем что парки — образец культурного ландшафта, предельный возраст их существования без активного поддерживающего вмешательства человека в условиях южной тайги редко превышает 200 лет. Большая часть верхневолжских парков была заложена еще в конце XVIII — начале XIX в., в силу чего все объекты подходят к критической для своего существования черте (либо уже переступили ее).

Судьба сельских и усадебных парков в регионе в течение XX в. была во многом схожей. Все они подверглись разграблению, усадебные дворцы и дома победнее в большинстве своем были разобраны и утрачены в начале 1920-х годов. Некоторые сохранившиеся усадьбы с домами использовались под сельские школы (реже как сезонные детские лагеря, дачи и дома отдыха), это и определило их выживание на протяжении последующих 60—70 лет. Ландшафт усадеб в основном лишь поддерживался, хотя кое-где при школах были заново заложены фруктовые сады. Стягивание системы сельского расселения и сокращение числа школ оказалось последним ударом по этой категории объектов; в силу естественной убыли населения в среднем сельском районе Нечерноземья за 5 лет переводятся в земли запаса около 25 населенных пунктов, соответственно закрываются четыре-пять школ. Последствия не замедлили сказаться: выезд школ из зданий приводит их к разрушению — сначала проваливается кровля, затем превращается в рухляк открытая всем ветрам и дождям старая кирпичная кладка. Полное запустение парков привело к распаду липовых насаждений, высыханию и суховершинности кедров (сосны сибирской), заилению и обмелению прудов, заполнению внутреннего пространства малоценным самосевом березы, ивы козьей и ломкой, ольхи серой. Такие парки в периферийных сельских районах часто трудно отличимы от окружающего их леса, однако, по нашим наблюдениям, разнообразие существующих в них экологических ниш по-прежнему привлекательно для животных и птиц (в одном из таких парков было обнаружено семейство полярных сов, в другом — гнездовые аиста).

Следует сразу отметить: для объектов этой категории туризм и рекреация — последний шанс, который еще может быть исполь-

зован для их физического спасения. Реализация этого шанса связана, прежде всего, с определением возможной перспективной функциональной роли в рамках формирующейся системы туризма и рекреации для тех усадебных парков, реконструкция и восстановление которых еще возможны. В этом случае целесообразен поиск потенциального инвестора, разработка грамотного проекта реконструкции или хотя бы консервация парка и архитектурных сооружений.

К гидрологическим памятникам природы относятся разнообразные выходы подземных вод — *ключи, родники, минеральные источники*. Среди них — хорошо известные источники минеральных вод, имеющих бальнеологическое значение. Другие, более мелкие, источники (в том числе и весьма ценные) практически не изучены, и это обстоятельство нельзя считать нормальным. В последние десятилетия рекреационно-туристское значение этих объектов заметно возросло. Источники широко используются, к ним приходят отдохнуть в жару, набрать воды и пообщаться с сельчанами; многие пешеходные маршруты связаны с источником как с местом привала, центром сценария. Особенно популярны исторические, святые (такие, как «Варварин родник» в Переславском национальном парке или источник Ростовского Авраамиева монастыря). Около таких источников устраивают кемпинги, стоянки, проводят праздники, крестят вновь обращенных, окунают младенцев, осуществляют зимние оздоровительные погружения и т.д. Однако качество воды в большинстве таких источников никем не контролируется, а оно, по нашим наблюдениям, оставляет желать лучшего.

Пруды и карьеры. Большая часть обводненных карьеров на территории российского Центра и Севера возникла после заброса территорий фрезерной разработки торфа либо (реже) крупных открытых выемок грунта (песка, песчано-гравийной смеси, глины).

Озера, возникшие после выемки песка и гравия, отличаются обширной водной акваторией (более 30 га), значительной глубиной (до 6—12 м), невысокой степенью эвтрофности, отсутствием сине-зеленых водорослей даже в середине лета, относительно высоким содержанием растворенного кислорода (летом и зимой). Все эти обстоятельства делают водоемы искусственного происхождения ценными местообитаниями для рыб, водоплавающих птиц. Для нормального включения их в сферу рекреации необходимо выполнение комплекса несложных мер по обустройству ландшафта прибрежной полосы и формированию плавного свала глубин, намыву пляжевой отмели. При выполнении этих двух условий бывший карьер превращается в хороший рекреационный водоем, особенно необходимый для горожан, поскольку и Волга, и низовья впадающих в нее рек в створе городов для купания уже непригодны.

Важно понимать, что после достижения определенной пороговой нагрузки за такими водоемами будет необходим уход, иначе неприемлемый уровень рекреационной дигрессии может быть достигнут уже в течение одного сезона. Уход, разумеется, требует средств, а средства могут быть получены только путем предоставления достаточно широкого спектра платных услуг (платная автостоянка, продажа прохладительных напитков и продуктов питания, лежаков, зонтов от солнца и т.п.). В этом случае лучшим выходом будет сдача объекта в аренду заинтересованным турфирмам, обязующимся сохранить водоем и окружающий ландшафт в оптимальном состоянии. Такой выход может не вполне понравиться населению, следовательно, почти наверняка потребуются специальная разъяснительная кампания с помощью СМИ. Так или иначе, опыт стихийной рекреационной эксплуатации крупных искусственных водоемов доказывает, что это единственный способ реально уберечь «озера» и окружающие ландшафты от загрязнения.

Карьеры, заполнившиеся водой после фрезерных торфоразработок, как правило, граничат с мелиорированными болотными массивами, находятся среди низких заболоченных торфяных берегов; поросших ольхой серой, ивняками, реже сосной. Здесь вместо единой акватории — несколько торфяных «ванн», разделенных перемычками «твердого берега». Такие ландшафты являются местообитаниями водоплавающих (кряквы, чирки, серый гусь) и других связанных с водой птиц (скопа, цапля), поэтому они не подходят для массовых форм рекреации. Однако здесь могут проходить туристские маршруты, устраиваться кемпинги для рыбаков и просто любителей «дикой» природы. Отдых на берегах торфяного озера может быть приятен и в сочетании с другими видами рекреации — сбором ягод на болоте, или тихой грибной охотой в ближайших перелесках. Однако пребывание на этих акваториях требует опыта и хорошего знания ситуации, отвесные берега карьеров и мелиоративных каналов могут быть опасны для детей и не вполне трезвых рекреантов.

Природные озера. К этой группе памятников природы отнесены водоемы самого разного генезиса: настоящие озера, как крупные (Селигер, Плещеево, Неро), так и многочисленные мелкие различной степени проточности, сюда же относятся реликтовые озера-истоки рек среди заболоченных массивов в сводовых частях моренных водоразделов.

Рекреационное использование озер, безусловно, связано с их природными характеристиками, прежде всего морфологическими параметрами. Уникальные реликтовые озера в центре крупных болотных массивов (например, Богоявленское — исток реки Юхоть, притока Волги) могут использоваться только для редких посещений экотуристами, поскольку это слишком хрупкие эко-

системы, в пределах которых не уместны ни кемпинги, ни рыбная ловля, ни другие виды деятельности.

Своеобразные системы проточных мелководных озер, расположенных в пределах древней волжской поймы и пойм ее наиболее крупных притоков, могут быть использованы для многих видов рекреации, прежде всего любительского лова рыбы, как летнего, так и зимнего. К сожалению, небольшие глубины, высокая заиленность и эвтрофность этих водоемов приводят к частым заморам рыбы, поэтому для оптимизации условий существования рыбного стада этих озер необходимо создание искусственных зимовальных ям посредством откачки сапропеля в отдельных плесах.

Выдающимся рекреационным потенциалом обладают крупнейшие и наиболее глубокие озера региона, расположенные в области конечных морен, (например, Плещеево озеро), побережья которых уникальны в ландшафтном отношении: заросшие лугами и лесами берега, береговые валы и уступы рельефа придают им чрезвычайно живописный вид. Многие озера — места нагула и нереста рыб, в том числе и редких видов (ряпушка европейская в Плещеевом озере); по берегам озер сосредоточены гнездовья редких и охраняемых видов птиц. В настоящее время эти водоемы мало известны туристам и рекреантам. Вовлечение озер и ландшафтов побережий в рекреационную сферу крайне актуально, ибо в противном случае уже в ближайшее десятилетие они подвергнутся дачно-коттеджному освоению. Необходимо создание соответствующей инфраструктуры — небольших баз отдыха с соответствующим набором рекреационных занятий и услуг.

Таким образом, для включения озер и крупных обводненных карьеров как объектов сети ООПТ в систему туризма и рекреации, прежде всего, важна реализация следующих мероприятий:

- организация рекреационных потоков и обустройство мест отдыха (особенно там, где задачи охраны природы сталкиваются с возрастающим потоком рекреантов);

- изменение статуса крупных озер, числящихся «памятниками природы», на «охраняемые водные системы» или «туристско-рекреационные местности» с одновременным включением в охраняемую зоны прибрежной полосы.

Болота. К важнейшим, ключевым охраняемым территориям должны быть отнесены все крупные болотные массивы, которые в областных реестрах также числятся «памятниками природы». Среди таких болот можно выделить несколько типов природных объектов, играющих разную роль в экологическом каркасе территории российского Центра и Севера.

Некоторые болота возникли в унаследованных озерно-ледниковых котловинах (1,5—3,0 км по длиннейшей оси) и сохранили реликтовые озера (диаметром 200—300 м) в центральных приподнятых частях массива. Периферийная часть таких массивов

занята сырыми и влажнотравными мелколиственными лесами на мелких переходных торфах. В пределах самой котловины ландшафт «сосна по болоту» с карликовыми формами сосны сочетается с ровным ковром моховой сфагины.

Более крупные болотные массивы возникли на обширных слабодренированных склонах крупных моренных массивов и слабодренированных сводовых частях моренных, озерно- и водно-ледниковых равнин. Это, как правило, территории размером свыше 500 га (3—5 и даже 8—10 км по длиннейшей оси) с весьма разнообразными ландшафтами, закономерно сменяющимися от периферийной части болот к центру. В окраинных частях таких массивов произрастают ельники бруснично-зеленомошные, местами — производные леса с осиной и ольхой черной в качестве доминанты первого яруса и с активным подростом ели (свыше 1 000 штук на 1 га), ближе к центру ельники сфагновые с примесью сосны, березы и осины, встречаются также производные березняки пушицево-сфагновые и осинники. Наконец, в центральной части на мощных торфах — разреженные сосняки пушицево-сфагновые, чередующиеся с открытыми пространствами грядово-мочажинных комплексов.

В последние годы болотные массивы подвергаются достаточно заметному скрыторекреационному воздействию, преобладает массовый сбор клюквы с конца июля до середины сентября, когда относительно близко расположенные к населенным пунктам участки подвергаются буквальному опустошению: сбор клюквы ведется «комбайнами» с почти полным выдиранием кустарничка, после чего на поверхности остаются долго не залечивающиеся «мокрые тропы».

Рекреационный потенциал болот для массового рекреанта до сих пор остается «вещью в себе». Туристы и городские отдыхающие плохо знают этот тип ландшафта и, как правило, обходят его стороной, даже организаторы экотуризма вряд ли включат такой объект в состав тура — и совершенно напрасно. Болота Центра Европейской России представляют собой хорошо сохранившиеся и выдающиеся по эстетическим качествам ландшафты, во всяком случае, трудно отыскать столь же красивые виды, какие можно созерцать на верховом болоте с редкой сосной над ковром сфагновых мхов; декорированным болотными полукустарничками. В противовес расхожим убеждениям о пагубном микроклимате болот беремся утверждать, что в ближайшем будущем за болотами (во всяком случае, верховыми и переходными) будут признаны особые лечебные свойства: нигде более мы не найдем такой красоты, «дикости» и «зеленого безмолвия». Безусловно, экосистемы болот очень уязвимы и сюда не привлечешь толпы отдыхающих, но любая тропа туристов может пройти по касательной к массиву с непременной остановкой и рассказом о природе этого биогеоценоза.

Статус «памятник природы» в любом случае нецелесообразен для болота. Если массив уникален и всякие посещения вообще крайне нежелательны, значительно более подходящим мыслится статус природного резервата; во всех остальных вариантах следует, видимо, искать формы регламентации заготовительной деятельности, применяя иные организационно-правовые формы — вплоть до туристско-рекреационных местностей или природных ландшафтов. В последнем случае функции контроля опять-таки могут брать на себя заинтересованные турфирмы.

Пригородные леса, а также зеленые зоны районных центров и поселков городского типа. Этот тип охраняемых объектов весьма обычен для Центра Европейской территории России. Относительно обширные лесные зеленые зоны сохранились возле городов (Ярославля и Твери, Костромы и Владимира, Череповца и Рыбинска и др.), а также возле отдельных крупных поселков и деревень. Все они числятся «памятниками природы», невзирая на реальную функцию, размеры, средостабилизирующий потенциал, степень рекреационного использования.

Большая часть таких лесов состоит из сосны, высаженной в 1940-х — начале 1950-х годов на старопахотных почвах, хотя местами ядро таких посадок составляли остатки естественных боров. В последнем случае лесные массивы в настоящее время представлены двумя классами возрастов: приспевающие 50—60-летние насаждения и зрелые сосняки в возрасте 60—80 лет. Коренные типы растительных ассоциаций первоначально были разнообразны: от сосняков лишайниковых до зеленомошных, однако в силу весьма жесткого рекреационного воздействия (каковое эти массивы испытывают последние 25—30 лет), все они трансформировались в сторону боров разнотравно-злаковых, часто с подлеском из рябины, березы, осины и развитым кустарниковым ярусом (малина, бересклет, волчье лыко).

Жесткое и постоянное (практически во все сезоны) антропогенное воздействие на пригородные леса привело эти ландшафты к кризисному состоянию, признаками которого являются:

- чрезмерные сети транзитных грунтовых дорог и троп;
- сильно переуплотненные почвы и практически полностью нарушенный напочвенный покров;
- суховершинность и многочисленные механические повреждения стволов;
- обилие деревьев, больных корневой губкой и раком-серяжкой;
- абсолютное отсутствие надежного подроста и уничтожение заростков двух-, трехлетнего возраста;
- наличие мусора;
- самовольные порубки, а также весьма жесткие и явно избыточные рубки ухода, производимые лесхозами под видом борьбы

с заболевшим древостоем, а на самом деле исключительно ради набора кубатуры и продажи леса;

• местами — затрудненный дренаж и возникновение вторичного заболачивания.

В этих условиях основной задачей должно стать изменение статуса данных объектов (с «памятника природы» на «городские леса» или «туристско-рекреационные местности») и осознанная попытка увязать цели охраны природы с целями организованной рекреации. Леса, фактически оказавшиеся в городской черте, должны быть переданы специально созданным парксхозам, работающим не на кубатуру расчетной лесосеки, а на здоровье леса и его благоустройство, с соответствующим штатом работников и объемом финансирования. Для массивов такого рода должны разрабатываться специальные лесоустроительные проекты с выделением заповедной (ядерной) и рекреационной (буферной) зоны. Последняя должна специально проектироваться и обустраиваться в расчете на конкретные рекреационные потоки исходя из потенциальной емкости ландшафта.

По большей части в состав водоохраных лесов и существующих объектов сети ООПТ (в ранге памятников природы) были включены боровые сосняки. Они могут быть разделены на ландшафты трех типов:

- 1) классические ленточные боры надпойменных террас самой Волги и низовьев ее притоков;
- 2) боры долинных задров;
- 3) леса смешанного состава, иногда с преобладанием редких широколиственных пород.

Первый и второй типы преобладают абсолютно и по площади. В основном это древостои сосны разного возраста (посадки конца 1930-х годов, 1947—1952-х гг., а также более поздние — 1965—1970 гг.), группирующиеся, как правило, вокруг фрагментов зрелых и перестойных условно-коренных боров. Рельеф надпойменных террас обычно в той или иной степени осложнен параболическими днами либо просто пологими гривами, что приводит к существованию разнообразного ряда растительных ассоциаций: от боров лишайниковых и беломошников на вершинах дюн и сводовых частях грив до боров-черничников на ровной поверхности террас и склонах грив и сосняков долгомошных в слабопроточных понижениях между дюнами и гривами. Выраженность флористического комплекса напрямую связана с антропогенной рекреационной нарушенностью: при условии отчетливой и постоянной перегрузки все ассоциации сдвигаются в сторону боров сложных и разнотравно-злаковых. Для этих лесов характерна сезонная эксплуатация, связанная со сбором ягод (часто именно здесь располагаются лучшие черничники), а также летним отдыхом (палаточные лагеря) на берегах Волги и в устьевых участках ее притоков.

Ценность большей части этих ландшафтов как рекреационных угодий несомненна, хотя и здесь организационно-правовая форма «памятник природы» неперспективна, могут быть применены такие категории, как «природные парки» (для наиболее крупных лесных массивов) и «природные ландшафты». Целесообразно упреждающее функциональное зонирование с выделением заповедной (ядерной) и буферной (открытой для регулируемой рекреации) зон.

Менее распространены леса широколиственного состава на поймах крупных рек, например «бытовой» Волги и в низовьях ее притоков: пойменные дубравы в сочетании с осокоревыми (топольными) лесами некогда были широко распространены, однако настоящее время их почти не осталось.

Леса на побережье и островах волжских водохранилищ. Занимают совершенно особенное место. По своей ландшафтной типологии они отчасти близки к лесам надпойменных террас рек и зандровых равнин, так как после затопления чаш тектонически обусловленных низменностей на значительной части побережья береговая линия была сформирована по уступам и поверхности первой и второй надпойменной террас Волги и ее притоков.

Интересные для рекреантов ландшафты сформировались на поверхности островов в рукотворных «морях». Так, острова Рыбинского «морья» — это верхние части затопленных пойменных грив (верей) (острова Шумаровский и Зеленый) или надпойменных террас с дюнными всхолмлениями (остров Юршинский, полуостров Каменниковский). Для этих лесов также характерен полный склоновый ряд растительных ассоциаций с сосной в качестве доминанты первого яруса: от сухих боров до сфагновых сосняков. Однако вследствие больших размеров и известной изолированности от очагов антропогенного воздействия островные массивы характеризуются более богатым составом флоры и фауны.

Изолированность островов, совершенно особенная атмосфера этих мест создает удивительную обстановку, привлекающую любителей порыбачить, посидеть у костра, поплавать и позагорать. Однако рекреационная емкость этих экосистем относительно невелика, особенно неустойчив древостой, который и так разрушается сильными ветрами и штормами. В случае неправильных рубок и формирования «резкой» опушки крайние к «морю» деревья начинают «вываливаться» на пляж и этот процесс уже практически не остановить. Поэтому острова требуют особого внимания, а поскольку режим консервации «памятник природы» здесь, скорее всего, выдержать не удастся, следовательно, необходима «организованная рекреация» и поиск подходящих форм использования.

Водораздельные леса. В чистом виде сравнительно редко попадали в состав ООПТ. Поскольку выделение объектов происходило

по инициативе общественности, замеченными оказались лишь рекреационно популярные (как правило, 'сосновые) леса либо березовые рощи, также популярные как места отдыха и проведения праздников.

Парадоксальность ситуации заключается еще и в том, что за последние 30—40 лет во многих местах под пологом зрелых мелколиственных лесов (осинников 50—60-летнего возраста) идет активное возобновление ели. Но леса эти относятся к эксплуатационным и охране не подлежат. Лесоустройство, проводимое один раз в десять лет, слабо отслеживает сукцессионные тенденции, закономерности смены породного состава различных ярусов леса, появление подроста, изменение характера подлеска, не говоря уже о напочвенном покрове. В результате ельники попадают в состав охраняемых территорий лишь на периферии низинных болот (ельники сфагновые и долгомшнные), а также кое-где в качестве примесей к лесам с доминированием сосны в первом ярусе. Попытки выделить участки леса с осинной в качестве доминанты первого яруса и надежным подростом ели в возрасте 20—25 лет натолкнулись на активное сопротивление служб лесного хозяйства, которые считают такие леса эксплуатационными и подлежащими сплошным рубкам.

Между тем в районах преимущественно периферийных с ярко выраженным сырьевым ресурсопользованием идет хищническое истребление лесов, вырубаются только что подростшие ельники, равно как и зрелые и перестойные (но с возобновлением в подлеске ели!) осинники.

Часто перестойные водораздельные леса представляют собой ценнейшие массивы: нормальный лес сложного состава с куртинным доминированием ели, сосны осины и березы в первом ярусе, что обусловлено характером четвертичных отложений — залеганием покровных супесей на моренах. В таком лесу происходят вывалы отдельных старых деревьев (елей, сосен, осин), но просветы заполняются подростом, идет формирование нормального устойчивого разновозрастного и разнопородного леса с высокой степенью разнообразия экологических ниш. Однако нынешняя практика лесопользования находится в противоречии с экологическими принципами конструирования системы ООПТ. Это обстоятельство следует иметь в виду и специалистам по развитию рекреации. Возрастные водораздельные леса — перспективные рекреационные ландшафты, одинаково пригодные для всех видов скрытой лесной рекреации: сбора грибов и ягод, сбора лекарственных трав, спортивной охоты, наконец обычных прогулок по лесу. В этой связи задачей менеджеров туристско-рекреационной сферы (совместно с экологами) является особая забота о выделении как можно большего числа таких массивов в составе системы ООПТ.

8.4. Регионализация правовых форм особо охраняемых природных территорий

Совершенно очевидно, что экономическая ситуация, природные и исторические особенности любого региона, а главное специфика современного градостроительного и туристско-рекреационного освоения, диктуют региональную специфику типологии особо охраняемых природных территорий. Более того, даже в одном и том же районе по мере развития экономической и градостроительной ситуаций потребность в ООПТ разного типа будет изменяться.

В староосвоенных регионах российского Центра и Севера категории ООПТ, предлагаемые Федеральным законом, работают не слишком хорошо. Недостатки и функциональную ущербность организационно-правовой формы «памятник природы» мы уже обсудили. Практически не зарезервированы Федеральным законом и территории, перспективные (и уже используемые) для развития туризма и рекреации. Между тем эксплуатация территории туристами и отдыхающими набирает силу год от года, следовательно, необходимо как-то «застолбить» рекреационно ценные территории от вторжения других конкурирующих видов освоения (главным образом, нерегулируемой частной застройки).

В целом набор региональных типов ООПТ можно считать действенным инструментом управления экологическими аспектами территориального развития, инструментом, временно замещающим и предваряющим нормальное ландшафтное планирование, которое не скоро еще станет обязательным для регионов нашей страны. Однако для того, чтобы этот инструмент реально работал, необходимо предварительно узаконить местные (областные, краевые) правовые формы ООПТ в рамках положения или закона, утверждаемого органом представительной власти (областной думой, например). Именно поэтому в законе четко указано, что администрации областей и органы местного самоуправления могут устанавливать иные (не прописанные в Федеральном законе) категории ООПТ, а также образовывать ООПТ иных категорий на основании лесного, водного, земельного и других законодательств Российской Федерации.

Среди региональных типов ООПТ особенно важны те, которые позволяют осознанно сочетать цели охраны природы с целями развития туризма и рекреации:

- туристско-рекреационные местности;
- природные (природно-исторические) ландшафты;
- лечебно-оздоровительные местности;
- природные парки;
- охраняемые водные (речные, озерные) системы.

Использование этих организационно-правовых форм ООПТ позволяет, во-первых, зарезервировать территорию для развития

туризма и рекреации, во-вторых, предоставить возможность (важную для инвесторов!) целевой реконструкции (объектов, ландшафта, территории).

Личный опыт автора убеждает: строительство и ландшафтное обустройство крупных туристско-рекреационных комплексов, как правило, требует применения правового статуса «туристско-рекреационная местность». Типовое положение о «туристско-рекреационной местности» может выглядеть приблизительно следующим образом:

- туристско-рекреационной местностью регионального значения могут быть признаны зоны отдыха населения и туризма, в том числе территории природных и культурных ландшафтов с туристскими маршрутами и зонами самостоятельной рекреации, лесопарковые зоны лесов, места расположения турбаз, детских лагерей отдыха, пляжей и т.д.;

- признание территории туристско-рекреационной местностью осуществляется администрацией области по представлению специально уполномоченных областных органов в области развития туризма и рекреации совместно со специально уполномоченным государственным органом по охране окружающей природной среды;

- объявление туристско-рекреационной местности охраняемой и установление границ охранных зон является основанием для корректировки текущих и перспективных планов и проектов осуществления различных мероприятий и иной деятельности в границах этих особо охраняемых природных территорий с учетом установленных регламентов;

- любая хозяйственная деятельность на территории туристско-рекреационных зон и их обустройство возможны в соответствии в градостроительной документацией и только при условии предварительной разработки специальных ландшафтных планов, прошедших государственную экологическую экспертизу;

- размеры и границы туристско-рекреационных местностей и природоохранный режим устанавливаются при разработке специальных ландшафтных планов или иной градостроительной документации (схема землепользования, генеральный план, проект городской черты, проект пригородной зоны).

Попытка выделения туристско-рекреационных местностей в составе особо охраняемых природных территорий обычно вызывает множество возражений. Не противоречат ли целям охраны природы цели развития туризма и рекреации? Как и каким образом будут регулироваться рекреационные потоки? Кто будет проводить обустройство туристско-рекреационных местностей? Наконец, кто будет контролировать правильность использования этих территорий и нести ответственность за их состояние? Ответить на эти вопросы не так уж и просто. Важно понимать, что выделение туристско-рекреационной местности — лишь первый шаг в крае-

устройстве, дальнейшее развитие туризма и рекреации требуют уже крупномасштабного ландшафтного планирования в пределах конкретной ТРМ, однако состав и содержание такого рода работ уже выходят за рамки принятой нами темы.

Природные парки (областного значения). Природные парки создаются для сохранения природных комплексов и объектов, имеющих значительную экологическую и эстетическую ценность, в целях использования их в природоохранных, просветительских и рекреационных целях. При этом природные парки являются и природоохранными, и рекреационными учреждениями — юридическим лицам, осуществляющим свою финансово-хозяйственную деятельность на нестольмерческой основе.

Обеспечение туризма и других видов обслуживания посетителей на территории природного парка осуществляется в соответствии с проектами, утвержденными на основании разрешения на осуществление деятельности по обеспечению регулируемого туризма. Безусловно, данная категория воспринимается неоднозначно, поскольку вроде бы дублирует национальные парки и содержит в себе некоторые противоречия между заявленной рекреационной и природоохранной функциями.

Однако следует иметь в виду, что другой возможности выделить ценный и целостный (!) участок территории на уровне области и сельского муниципального округа, не нарушая при этом федерального законодательства, у нас сегодня нет. С одной стороны, выделять национальный парк областного значения как-то некорректно, ибо это должна быть уникальная территория выдающихся, действительно, общенациональных достоинств с туристским потенциалом общероссийского значения; таковых в центральной России осталось не так уж много. С другой стороны, практически любой слабо- и среднеосвоенный сельский район располагает относительно крупными территориями, где на фоне дикой (или одичавшей за период запустения) природы сохранены элементы культурного ландшафта, церкви, памятники истории, села и деревни с традиционной планировкой и т.д.

На территории природного парка должна быть запрещена деятельность, влекущая за собой изменение исторически сложившегося природного и (или) культурного ландшафта, снижение или уничтожение режима содержания памятников истории и культуры. Поэтому с администрациями соответствующих природных парков согласовываются вопросы природопользования и использования территории в пределах природных парков и их охранных зон, в том числе вопросы социально-экономической деятельности юридических и частных лиц, проекты развития населенных пунктов и т.п.

Охраняемые природные (природно-исторические) ландшафты.
Охраняемые природные (природно-исторические) ландшафты

создаются для поддержания традиционного неистощительного природопользования и исторически сложившегося соотношения природных и культурных элементов ландшафта в целях обеспечения стабильного развития природных процессов. Эта категория идеально подходит для рекреационно привлекательных сельских территорий с сохранившимся экстенсивным характером хозяйствования и богатым набором памятников истории, архитектуры, культуры на фоне естественной природы. Мыслимы два вида территорий: с преобладанием культурно-исторической (т. е. этнографической) составляющей — природно-исторические ландшафты и с преобладанием природной составляющей — природные ландшафты. Таким образом, в одном случае мы акцентируем внимание на ценностях природного ландшафта, в другом — культурного. Охраняемыми природными (природно-историческими) ландшафтами объявляются крупные природные массивы (с элементами культурного ландшафта), в пределах которых при достигнутом уровне природопользования длительно существуют ценные природные комплексы, редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды живых организмов или отдельные ценные природные объекты. ..

Основной целью объявления природных комплексов охраняемыми природными (природно-историческими) ландшафтами является:

- поддержание традиционно сложившейся структуры природопользования и соотношения природных и культурных элементов ландшафта;

- сохранение исторически сложившегося неистощительного природопользования и благоприятной среды жизни людей;

- сохранение биологического разнообразия, сформировавшегося в условиях традиционного природопользования и способствующего стабильному развитию природных процессов;

- сохранение ценных природных территорий и отдельных ценных природных и историко-культурных объектов в пределах охраняемого природного (природно-исторического) ландшафта.

Объявление природного массива охраняемым природным (природно-историческим) ландшафтом областного значения производится администрацией области по представлению специально уполномоченных государственных органов в области охраны окружающей среды без изъятия земельных участков у их пользователей, владельцев, собственников. Охраняемые природные (природно-исторические) ландшафты местного значения могут находиться в ведении органов местного самоуправления.

Объявление территорий охраняемыми природно-историческими ландшафтами является основанием для корректировки текущих и перспективных планов и проектов лесохозяйственной и иной деятельности в границах этих особо охраняемых природных территорий с учетом установленных регламентов. Поэтому освоение

и (или) использование территорий охраняемых природно-исторических ландшафтов в туристско-рекреационных целях может осуществляться только при условии предварительной разработки соответствующей градостроительной документации (районных планировок, генпланов населенных пунктов, схем развития туризма, схем охранных зон), согласованной с соответствующими государственными органами в области охраны окружающей среды и (или) органами местного самоуправления.

Лечебно-оздоровительные местности. Необходимость введения этой категории в правовую практику землепользования и ландшафтного планирования вызвана опять-таки досадными лакунами в федеральном законодательстве.

Представим себе обычный санаторий на берегу реки. Понятно, что помимо собственно здания в состав лечебного учреждения входит прилегающая территория (обычно так или иначе обустроенная — с дорожками, цветниками и клумбами), а также более или менее значительный участок окружающего природного или полуприродного ландшафта. Так, в Верхневолжье многие санатории, детские лагеря построены в сосняках на борových террасах малых рек — притоков Волги. Однако начавшееся коттеджное освоение во многих местах «наступает» на эти леса, администрация лечебных учреждений забила тревогу. И тут выясняется, что правовая основа защиты такого рода участков по сути отсутствует. Ведь согласно федеральному законодательству «лечебной» признается территория, содержащая некий полезный компонент: минеральные воды, лечебные грязи и т.п. Между тем большинство построенных и давно действующих оздоровительных учреждений Центра и Севера России таких ресурсов не имеют: в свое время их просто построили в пределах живописного, рекреационно привлекательного ландшафта. Считать прилегающие территории «зонами санитарной охраны» также некорректно, поскольку подвести без натяжки под понятие «курорт» какие-нибудь северорусские «Малые Соли» или «Золотой Колос» довольно сложно. Отсюда возникает необходимость введения специальной региональной категории — лечебно-оздоровительная местность.

Вывод

Управление ресурсами в туристско-рекреационной сфере должно опираться на предваряющую процедуру ландшафтного планирования, подразумевающую наложение композиционных элементов складывающейся туристско-рекреационной системы на структуру сознательно формируемого экологического каркаса региона. Из-за отсутствия собственного правового статуса рекреационно-аттрактивных земель ландшафтное планирование должно сопровождаться разработкой режимов

использования объектов региональной сети ООПТ, а также правовым закреплением дополнительных региональных категорий особо охраняемых природных территорий.

Контрольные задания

1. Разработайте пилотный проект развития туризма в сельском муниципальном округе.

Вводная: перед вами территория сельского района: Ваша задача — дать комплексную характеристику территории, выявить зоны перспективного развития туризма, а также попытаться описать в общем плане компоновку будущих туристских центров и маршрутов. Приведем примерный план анализа ситуации.

А. Географическое положение района:

- положение в составе области (внутреннее, периферийное);
- ближайшее соседство (с какими районами граничит);
- важнейшие географические признаки (крупные реки, озера);
- административный центр.

Б. Природные условия для развития туризма:

• общий характер форм рельефа (монотонность и разнообразие, наличие или отсутствие потенциальных возможностей развития того или иного вида туризма, определяемых рельефом);

• основные типы ландшафтов (по ландшафтной карте с оценкой их сравнительной благоприятности или неблагоприятности для туризма и отдыха, ориентируясь на различные типы лесов и их комфортность — в вашем понимании);

• климатическая специфика района (выделить только особенности, свойственные климату территории, отличающие ее от остальной области — летние и зимние экстремальные температуры, ветра различной повторяемости и силы);

• наличие неблагоприятных почвенных условий и развитие заболачивания в пределах района;

• наличие рек, пригодных для тех или иных видов отдыха и туризма;

• богатство и разнообразие промысловой фауны, которая может быть объектом наблюдения в природе (скажем, фотоохоты) или объектом настоящей любительской охоты.

В. Богатство и разнообразие элементов культурно-исторического и природного наследия в районе:

• наличие и типология памятников архитектуры (оцените заодно возможность их использования в системе туризма);

• развитие традиционных народных промыслов и возможность обнаружения интересных предметов материальной культуры в селах и деревнях;

• насыщенность территории района элементами церковной архитектуры — монастыри, церкви (отметьте их локализацию, зоны особенно концентрированного сосредоточения);

• насыщенность территории элементами усадебной и ландшафтной архитектуры (оцените локализацию, сохранность, возможность использования в системе туризма);

- памятники природы — фрагменты зональной лесной растительности;
- мельничные места и старые плотины на реках;
- фрагменты древних водных путей и волоки;
- аллеи и отдельные исторические либо мемориальные деревья;
- красивые и привлекательные в плане отдыха озера;
- привлекательные участки речных долин;
- уникальные валуны;
- родники, святые источники и т. п.

Г. Социально-экономическая ситуация в районе:

• наличие промышленности, уровень ее развития и прикладная значимость для развития туризма (выберите те отрасли, продукция которых может быть интересна в сфере туризма);

• сельское хозяйство оцените как источник экологически чистой продукции (возможность «завязаться» на местных поставщиках при устройстве пансионов, кафе и гостиниц) и прикиньте потенциальную «замученность» местности экологическими проблемами вроде перевыпаса;

• потенциальная энергообеспеченность территории района, т. е. возможность подключить новые объекты инфраструктуры туризма к энергосетям и газоснабжению;

• обеспеченность транспортом (плотность автодорог, наличие дорог хорошего класса, общая разветвленность дорожной сети в районе, наличие «медвежьих углов», куда трудно добраться, и самое главное — общая транспортная доступность района извне, т. е. как до него вообще можно доехать и может ли «доезд» считаться уже началом туризма, т. е. насколько дорога интересна сама по себе с туристской точки зрения);

• плотность и сосредоточенность населения по территории района (на предмет наличия резервной «армии» трудящихся, которых можно будет привлечь для работы на предприятиях инфраструктуры), особое внимание обратите на уровень безработицы и наличие контингента в трудоспособном возрасте);

• наличие достаточно развитой сети медицинских учреждений;

• насыщенность объектами музейной сети.

Д. Экологическая ситуация в районе:

• оцените общую загрязненность;

• чистоту рек и поверхностных водоемов;

• другие обстоятельства;

• дайте итоговую оценку благоприятности или неблагоприятности экологии района и подумайте, как это может сказаться на специфике туризма — видах отдыха, их продолжительности, размещении в пространстве района.

Е. Рекреационная освоенность района:

• оцените нагруженность района учреждениями отдыха и лечения, детскими лагерями, определив локализацию этих объектов.

Ж. Попробуйте хотя бы в общих чертах определить композицию туристско-рекреационной сферы. Для этого выделите:

• центры туризма (доступные, с инфраструктурой и богатым комплексом наследия);

• узлы туризма (места, в которые можно добраться ради чего-либо интересного);

- потенциальные зоны притяжения стихийных отдыхающих (участки рек и долин с летними пляжами, местами для палаточных городков; участки озерных побережий; лесные массивы, в которых собирают ягоды; красивые болотные массивы, где в конце лета — начале осени собирают ягоды; просто лесопарки, в которых гуляют, отдыхают; реки, освоенные для сплава на байдарках, резиновых лодках, и т.д.);

- перспективные туристские маршруты различных типов (водные, пешеходные, автомобильные, конные, велосипедные и др.).

Е. Попытайтесь сделать заключение о характере туристско-рекреационного потенциала вашей территории:

- какие виды элементарных рекреационных или туристских занятий могут иметь место в вашем муниципальном округе;

- какие объекты уже активно используются в туризме;

- какие виды туризма вы бы прежде всего стали развивать при наличии средств;

- какие проблемы видятся вам в использовании природного и культурно-исторического потенциала района.

2. Составление карты природного и культурного наследия территории.

Наилучший способ анализа природного и культурного наследия какого-либо региона или территории — это картографирование. К сожалению, создание тематических карт требует специальных, хотя и не слишком сложных навыков, поэтому, как правило, сведения о наследии хранятся в бумажных списках соответствующих ведомств (плохо или никак не связанных между собой), что не позволяет получить интегральную оценку.

Попытаемся преодолеть это противоречие посредством создания специальной карты природного и культурного наследия. Работу целесообразно выполнять в несколько последовательных этапов, как вручную, так и с помощью графических редакторов на компьютере в программах Corel Draw, Free Hand или аналогичных им.

А. Создание топографической подосновы. Прежде всего следует определиться с размерами и границами территории. Поскольку традиции управления в нашей стране прочно связаны с сетками административно-территориального деления (АТД), то и любая информация, в том числе необходимая для наших целей, также организована и сохраняется по единицам АТД: сельским волостям и городским районам, сельским районам (муниципальным округам), городам, областям, краям. Возьмем территорию отдельного сельского района; в этом случае наиболее подходящим масштабом анализа и картографирования будет масштаб в 1 см 2 км. Этот масштаб удобен, поскольку созданная в нем карта, как правило, умещается на листе формата А3 или А2 (в зависимости от площади района). Кроме того, данный масштаб является открытым, т.е. не имеет грифа «секретно» или «для служебного пользования». Немаловажно и то обстоятельство, что в этом масштабе в последнее время для большинства субъектов Российской Федерации были выпущены топографические карты, предназначенные для широкого круга пользователей. При отсутствии таких карт могут быть использованы карты более крупного (в 1 см 1 км) или более мелкого (в 1 см 3,5 км) масштаба.

Поскольку в результате нашей работы должна получиться тематическая карта с особыми условными знаками, для начала необходимо создать «разгруженную подоснову». При работе вручную на светокопировальный стол (стекло с подсветкой снизу) кладут оригинальную топокарту, накладывая сверху лист ватмана или кальку на пластиковой («лавсановой») основе. Затем с помощью твердого карандаша копируют необходимые слои, которые затем «поднимают» цветными карандашами, цветными гелевыми ручками или цветной тушью:

- речную сеть (синий цвет);

- дороги (серые тона);

- населенные пункты (бледно-серые пунсоны, на них впоследствии будут уложены условные знаки тематической карты);

- лесные массивы (зеленый цвет) и пунктиры лесных кварталов;

- отдельные горизонталы (изогипсы — коричневый цвет).

В результате получаем разгруженную подоснову, с которой уже можно работать, используя снятые слои как социально-природный каркас анализируемой территории.

При создании компьютерного варианта подготовительный этап работы выглядит несколько более сложным. Поскольку, как правило, векторные топокарты на ту или иную территорию не доступны (они хранятся в геоинформационных системах, которые еще только начинают создаваться для всех без исключения субъектов Российской Федерации) приходится создавать их самим.

Несколько слов о получении картосновы при компьютерном рисовании карт. Приступая к работе над картой в компьютере, надо знать, что карты, как и любая графика, могут быть представлены в двух принципиально различных видах: растровом изображении (полученное как бы путем закрасивания отдельных микроклеточек в «тетрадке») и векторном (когда каждая точка на прямой или кривой имеет собственные координаты). Первое — не более чем картинка, с которой мало что можно сделать, разве что механически перепечатать ее в свою работу. Векторные карты могут быть редактируемыми, масштабированными, оформленными любым образом, могут содержать любое количество слоев, словом — это настоящие карты.

В принципе подоснову для рисования карт в компьютере можно добыть уже готовую. В последнее время в продаже появились компакт-диски с наборами карт мира, России и стран СНГ, а также карты субъектов Российской Федерации и отдельных городов. К сожалению, все это растровые изображения, с которыми практически невозможно работать, а все предлагаемые на этих же компакт-дисках средства редактирования выглядят просто смешными по сравнению с мощными пакетами типа Corel Draw. В поиске нужной топосновы может помочь Интернет, но и в нем преобладают растровые изображения.

Таким образом, даже и имея в своем распоряжении компьютер, считывайте на то, что хорошую основу для карты придется делать самим. Для этого надо сканировать нужную топокарту, перевести ее из крайнего объемного цветного растрового изображения во что-нибудь вроде «полутон» или «16 градаций серого» и подвергнуть векторизации, т. е. пре-

образовать в векторный формат. Существуют специальные средства векторизации вроде программ «Easy Trace», хорошо понимающих географическую карту, однако они малодоступны. Поэтому и здесь лучше работать «вручную»: открыть рабочее окно Corel Draw уложить растр на первый слой, накрыть его вторым и потихоньку вручную «обводить» нужные линейные объекты сплайном или кривой, тихо пощелкивая мышкой. (Чтобы не заскучать, поскольку операция не слишком интеллектуальна и не требует напряжения всех физических и духовных сил, можно включить музыку.) В компьютере послойная съемка нужных слоев может быть выполнена буквально, т.е. отвекторизованные реки, дороги, лесные массивы и населенные пункты должны храниться в отдельных слоях с соответствующими названиями.

Б. Трансформация подосновы. Эта процедура представляет собой переработку первичной картографической информации в целях создания фоновых слоев карты. В качестве фона для карты природного и культурного наследия могут служить слои «типы ландшафтов». Однако ландшафтное картирование — сложная процедура, выполняющаяся обычно профессионалами, поэтому можно заменить этот слой двумя другими: типы геоморфологических поверхностей и типы лесов. В идеале при наличии соответствующих данных она может быть проведена следующим образом. Используя речную сеть (как своего рода координатную сетку), а также ориентируясь на горизонтали (изогипсы) и отметки высот, выделяем основные типы геоморфологических поверхностей:

- возвышенности (красно-кирпичные, терракотовые оттенки);
- равнины различного происхождения (моренные, озерно-ледниковые, палевые, «кофе с молоком»);
- низины (бледно-зеленые);
- равнинные зандры и зандры долинные (ярко-желтые);
- надпойменные террасы (бледно-желтые);
- поймы (бледно-голубые);
- долины малых и средних рек (сине-зеленые тона).

Наилучшим подспорьем в определении границ различных геоморфологических поверхностей может служить карта четвертичных отложений, которая в масштабе 1 : 200 000 была выполнена на все субъекты Российской Федерации и которую можно раздобыть в соответствующем территориальном геологическом управлении. При отсутствии такой карты можно использовать текстовые описания и характеристики рельефа территории и т.п. Геоморфологические поверхности должны занимать весь лист карты (поскольку мы изображаем их ареальными площадными условными знаками), создавая сплошной красочный слой.

На этот слой, сверху штриховкой накладывается слой «типы лесов». Для выделения типов лесов можно использовать несложную классификацию по двум основаниям: породный состав и возраст; в получившейся матрице следует определить типами штриховки только те типы лесов, которые имеют распространение на территории (табл. 8.3).

Для создания этого слоя могут быть использованы материалы последнего по времени лесоустройства, которые можно получить в территориальном управлении лесами, лесокомбинатах и т.д.

Типология лесов для карты природного и культурного наследия

Преобладающая порода 1-го яруса	Ель	Сосна	Береза	Осина	Ольха	Елово-сосновые	Смешанные
Возраст леса							
Молодняк							
Приспевающий							
Зрелый							
Перестойный							

При исполнении карты вручную штриховки (тушью, гелевой ручкой, карандашом) накладываются на раскрашенный слой «типы рельефа». В компьютерном исполнении штриховка выполняется в отдельном слое, который подкладывается под слой типы рельефа, при этом для заливки ареалов выставляется опция «прозрачность».

В. Выполнение знакового тематического слоя. Раскрашенная и заштрихованная указанным способом картографическая основа уже напоминает настоящую карту, которую необходимо только дополнить специальными знаками, отражающими основную семантическую нагрузку карты, — в нашем случае объекты природного и культурного наследия.

Специальные знаки подразделяются на две большие группы:

- 1) ареальные, изображающие объекты, которые могут быть показаны как ареал, — закрашенная область в границах;
- 2) точечные (внемасштабные), изображающие объекты, которые не могут быть корректно показаны в масштабе карты.

Далее приведены объекты природного и культурного наследия, набор которых может считаться более или менее типичным для областей Центра Европейской территории России.

Базовые элементы экологического каркаса, как правило, показываются ареальными (площадными) знаками, поскольку их размер весьма значителен (от нескольких гектаров до нескольких сотен или тысяч гектаров). Сведения о заказниках и их границах можно взять в территориальных охотоуправлениях. Границы заказников могут быть проведены и по описанию их в соответствующих постановлениях местных администраций (органов исполнительной власти) или актов (положениях), изданных органами законодательной власти (местные «думы»).

Перечень памятников природы, как правило содержится в реестрах, утвержденных местными органами законодательной (исполнительной) власти, списках, изданных обществами охраны природы и т.д. Во многих областях Российской Федерации была проведена процедура паспортизации памятников природы и особо охраняемых природных территорий; паспорта, подготовленные по рекомендованным образцам-шаблонам,

обычно содержат картосхемы памятников природы, выполненные в крупных масштабах (1 : 10 000, 1 : 5000, 1 : 1000).

Раритеты культурного ландшафта, а также провинциальной градостроительной среды обычно представлены в виде списков — так называемых «Сводах» памятников истории, культуры и архитектуры, хранящихся в территориальных управлениях архитектуры (комитеты по архитектуре и строительству) или Центрах по охране памятников. Отдельные объекты могут быть выбраны из научных работ местных специалистов и краеведов (обширные сведения, как правило, содержатся в выпусках краеведческих музеев, краеведческих альманахов и пр.).

Всегда достаточно сложно раздобыть сведения по археологическим памятникам, однако и эта проблема может быть решена посредством обращения в местный исторический музей, центр по охране памятников или в ходе консультаций со специалистами-историками местного университета.

Табл. 8.4 можно использовать как семантическую основу (с местными вариациями) для создания знакового тематического слоя карты «Природное и культурное наследие края».

Таблица 8.4

**Природно-культурное наследие регионов
в туристско-рекреационной системе**

<i>1. Базовые элементы экологического каркаса</i>	
1.1	Кварталы высокобонитетных старовозрастных лесов
1.2	Ландшафтные заказники
1.3	Фаунистические (комплексные и видовые) заказники
1.4	Заказники-болота: области речных истоков, убежища редких видов флоры и фауны
1.5	Природные парки
1.6	Национальные парки
<i>2. Памятники природы</i>	
2.1	Уникальные и живописные урочища
2.2	Лесопарки — фрагменты окультурённых зональных лесов
2.3	Болота-ягодники, местообитания редких видов
2.4	Сохранившиеся классические формы рельефа
2.5	Озера, пруды, обводненные карьеры
2.6	Источники минерализованных вод, родники, ключи
2.7	Обнажения древних пород с ископаемой флорой и фауной
2.8	Эрратические валуны и языческие культовые камни

<i>3. Археологические памятники в ландшафте</i>	
3.1	Неолитические стоянки
3.2	Селища и городища
<i>4. Раритеты культурного ландшафта</i>	
4.1	Уникальные технические сооружения в ландшафте
4.2	Древнейшие антропогенно измененные геоконплексы (старинные луга, пашни, общинные леса)
4.3	Участки старинных трактов с ямскими станциями
4.4	Фрагменты древних водных путей
4.5	Фрагменты русел с остатками мельничных плотин и другими гидротехническими сооружениями
4.6	Дворянские усадьбы
4.7	Старинные сельские парки
4.8	Монастырские сады и парки
4.9	Дендрарии и ботанические сады
4.10	Аллеи и отдельно стоящие деревья
<i>5. Раритеты провинциальной градостроительной и этнической сельской среды</i>	
5.1	Малые города с сохранившимся ландшафтом и архитектурой
5.2	Крупные села с историческим ландшафтом и уникальными архитектурными комплексами
5.3	Села, деревни, погосты с элементами исторической застройки
5.4	Деревни с элементами уникального деревянного зодчества
5.5	Монастыри
5.6	Часовни
5.7	Памятники раннепромышленной архитектуры

Условные знаки для различных объектов могут быть придуманы и нарисованы от руки (при ручном исполнении карты), а могут быть разработаны на компьютере с использованием мощных средств графического редактора. Так, в библиотеке символов программы Corel Draw существует богатый набор полезных значков, которые могут быть дополнены значками тематических карт геоинформационных систем, таких как MapInfo, ArcWier и др. Все типы знаков желательно развести по отдельным тематическим слоям, чтобы при случае их удобно было редактировать, меняя для всех знаков одного типа (скажем, церкви) толщину и цвет линии, заливку и пр.

Можно использовать любые понравившиеся вам графические символы, которые сканируются и векторизируются вручную. Линейные объекты (фрагменты древних водных путей, старинные тракты) могут быть выполнены как обводка участков русел или дорог линиями различных типов.

Разработанную окончательно карту полезно обсудить со специалистами различного профиля: экологами, историками, географами, местными краеведами — для дополнения и устранения ошибок и несоответствий.

Карта природного и культурного наследия может быть использована для оценки туристско-рекреационного потенциала территории, а также для последующего анализа складывающихся композиционных элементов туристско-рекреационной системы.

Г. Составление карты «ограничений туристско-рекреационного потенциала территории». Попробуйте средствами картографии проанализировать ограничения ТРП. Для такой карты, безусловно, будет необходим слой общегеографической информации (речная сеть, населенные пункты, дороги), а также несколько специальных слоев, характеризующих фоновое загрязнение территории и состояние отдельных компонентов природной среды.

Три этих слоя (общегеографический, фоновый с загрязнением территории и знаковый с отдельными объектами и явлениями) создадут весьма зрелищную карту, анализ которой, кстати, может привести вас на новые идеи, ибо в результате наложения слоев часто выделяются ареалы, которые можно обозначить как кризисные, сильно нарушенные антропогенным воздействием, измененные и практически не затронутые. Так, разработка карт приводит нас к картографическому анализу как самостоятельному методу исследования.

Создание фонового тематического слоя карты. Фоном для карты ограничений туристско-рекреационного продукта может служить любая экологическая информация, имеющая сплошное территориальное распространение. Если вы располагаете пространственно-распределенными данными о загрязнении атмосферного воздуха или депонирующих сред (почв, снегового покрова), то такие данные, будучи разделенными по значениям стандартной шкалы, создадут хороший цветовой фон и карта в любом случае уже не будет смотреться «пустой». Наилучшим решением будет использование космоснимков, характеризующих состояние снегового покрова по запыленности на конец зимы (обычно — начало марта).

Дополнительный значковый слой может быть создан с помощью линейных или точечных знаков, изображающих:

- свалки и полигоны для отходов;
- участки рек с подпертым руслом;
- индексы загрязнения воды в водоемах типа водохранилищ;
- участки разрушающихся и подверженных эрозии берегов, нерекультивированные карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова А. Ю.* География мировой индустрии туризма / А. Ю. Александрова. — М. : МГУ, 1998.
2. *Асеев В. Г.* Социально-экономические нормативы туристско-экскурсионной отрасли / В. Г. Асеев, И. В. Зорин. — М. : ЦРИБ «Турист», 1990.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. — М. : Логос, 2002.
4. *Бигон М.* Экология. Особи, популяции и сообщества / М. Бигон, Дж. Харпер, К. Таунсенд ; пер. с англ. — Т. 2. — М. : Мир, 1989.
5. *Булгакова А. Н.* Особенности развития сельского туризма в Зарубежной Европе / А. Н. Булгакова // Теория и практика международного туризма. — М. : Кнорус, 2003.
6. *Веденин Ю. А.* Динамика территориальных рекреационных систем / Ю. А. Веденин. — М. : Наука, 1982.
7. *Веденин Ю. А.* Концепция культурного ландшафта как основа нового подхода к охране культурного и природного наследия народов России / Ю. А. Веденин // Эволюционная и историческая антропоэкология. — М. : Наука, 1994.
8. *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства / Ю. А. Веденин. — М. : Рос. НИИ культурного и природного наследия, 1997.
9. *Вергунов А. П.* Русские сады и парки / А. П. Вергунов, В. А. Горюхов. — М. : Наука, 1987.
10. *Владимиров В. В.* Расселение и окружающая среда / В. В. Владимиров. — М. : Стройиздат, 1982.
11. География рекреационных систем СССР / отв. ред. В. С. Преображенский, В. М. Кривошеев. — М. : Наука, 1980.
12. *Голд Дж.* Психология и география: основы поведенческой географии / Дж. Голд ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1990.
13. *Дроздов А. В.* Экотуризм : определения, принципы, признаки, формы // Актуальные проблемы туризма 99. Перспективы развития туризма в южном Подмоскowie. Сб. докл. и тез. сообщений научно-практ. конференции, 27 апреля 1999 г. — М., 1999.
14. *Жекулин В. С.* Введение в географию. Предмет и методы / В. С. Жекулин. — Л. : Наука. 1989.

15. *Забелина Н. М.* Путешествие в национальный парк / Н. М. Забелина. — М. : Физкультура и спорт, 1990.
16. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; пер. с нем. — М. : Наука, 1991.
17. *Кавалаяускас П.* Формирование сети охраняемых территорий / П. Кавалаяускас, А. Лекавичус // Экологическая организация агроландшафта. — М. : Наука, 1987.
18. *Квартальнов В. А.* Туризм, экскурсии, обмена: современная практика / В. А. Квартальнов. — М. : Наука, 1993.
19. *Колбовский Е. Ю.* Изучаем ландшафты России / Е. Ю. Колбовский (Сер. Экскурсии в природу). — Ярославль : Академия развития, 2004.
20. *Колбовский Е. Ю.* Изучаем малые реки / Е. Ю. Колбовский (Сер. Экскурсии в природу). — Ярославль : Академия развития, 2004.
21. *Колбовский Е. Ю.* Ландшафтное планирование и формирование региональных сетей охраняемых природных территорий / Е. Ю. Колбовский, В. В. Морозова. — М. : Ярославль : ИГ РАН, 2001.
22. *Колбовский Е. Ю.* Экология рекреации и туризма (ландшафтно-географический анализ на примере Верхневолжья) / Е. Ю. Колбовский, А. В. Кулаков. — Ярославль : изд-во ЯГПУ, 2002.
23. *Котляров Е. А.* География туризма и отдыха / Е. А. Котляров. — М. : Мысль, 1978.
24. *Кульпин Э. С.* Путь России / Э. С. Кульпин. — Кн. I. — М. : Московский лицей, 1995.
25. *Мироненко Н. С.* Рекреационная география / Н. С. Мироненко, И. Т. Твердохлебов. — М. : МГУ, 1981.
26. Национальный парк как природно-антропогенная система / ред. Л. Б. Вампилова, В. М. Разумовский, Ю. П. Селиверстов. — СПб. : 1994.
27. *Николаенко Д. В.* Введение в рекреационную географию / Д. В. Николаенко, Т. В. Николаенко. — Харьков : Международный славянский университет, 1998.
28. *Носс Рид.* Проект «Дикие Земли» / Рид Носс. — Новосибирск : НЦОДП, 1996.
29. Оценка рекреационного потенциала Севера России / [А. В. Евсеев, Т. М. Красовская, Н. С. Мироненко и др.] . — Смоленск, 1996.
30. *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б. Б. Родоман. — Смоленск : Ойкумена, 1999.
31. *Сапрунова В. Б.* Туризм : эволюция, структура, маркетинг / В. Б. Сапрунова. — М. : Ось-89, 1998.
32. Строительство и реконструкция лесопарковых зон / [В. С. Моисеев, Л. Н. Яновский, В. А. Максимов и др.]. — Л. : Строиздат, 1990.

33. Теория и практика международного туризма / ред. А. Ю. Александрова. — М. : Кнорус, 2003.

34. Теория рекреологии и рекреационной географии / ред. В. С. Преображенский, И. В. Зорин. — М. : Ин-т географии РАН, 1992.

35. Царфис П. Г. Рекреационная география СССР: курортологические аспекты / П. Г. Царфис. — М. : Мысль, 1979.

36. Чижова В. П. Развитие экотуризма в охраняемых природных территориях / В. П. Чижова // Проблемы региональной экологии. — 2000. — № 4.

37. Чижова В. П. Рекреационные нагрузки в зонах отдыха / В. П. Чижова. — М. : Лесн. пром-сть, 1977.

38. Чижова В. П. Учебные тропы природы / В. П. Чижова, А. В. Добров, А. Н. Захлебный. — М. : Агропромиздат, 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Истоки экотуризма: рекреация как исторический вид природопользования	6
1.1. «Несерьезный отдых» и культурный ландшафт: роль рекреации в процессах освоения пространства	6
1.2. Неявная рекреация или как отдыхали в старину	11
1.3. Места для отдыха: рекреационные функции культурного ландшафта России	18
Глава 2. Экотуризм и альтернативы отдыха последних десятилетий	28
2.1. Рекреация постиндустриального общества: волны освоения	28
2.2. «Домик в деревне»: агрореkreация как средство консервации традиционной системы расселения	32
2.3. От агрореkreации и сельского туризма к пансионатам и экотуризму	39
Глава 3. Турпродукт в экотуризме: специфика, виды, типология	45
3.1. Внутренний продукт на российском рынке туристских услуг	45
3.2. Отдых в третьем тысячелетии: концепция экологического туризма	49
3.3. Принципы, признаки и формы экологического туризма и рекреации	51
3.4. Содержание, составные части и региональная специфика российского туристско-рекреационного продукта	55
3.5. Разработка и проектирование экологических туров	65
3.6. Миф как составная часть туристского продукта	75
Глава 4. Рекреационные занятия, модули и циклы в составе различных видов экотуризма	86
4.1. Водный туризм как рекреационный цикл	86
4.2. Сплавной маршрут — от истоков к устью	90
4.3. Характеристика занятий и модулей: велотуризм	100

Глава 5. Географические подходы к оценке потенциала, ресурсов и продукта туризма и рекреации российской провинции	113
5.1. Потенциал экотуризма и его компоненты	113
5.2. Подходы к оценке туристско-рекреационного потенциала	116
5.3. Особенности покомпонентной оценки регионального туристско-рекреационного потенциала на примере южно-таежной зоны Европейской России	118
5.3.1. Оценка климатических условий региона — туристские микросезоны	119
5.3.2. Оценка рельефа и дренированности территории	127
5.3.3. Оценка речной сети территории	128
5.4. Оценка аттрактивности региональных ландшафтов	131
5.4.1. Оценка эстетики ландшафта	131
5.4.2. Оценка лесов для развития туризма и рекреации	139
5.4.3. Биоресурсная оценка туристско-рекреационного потенциала	141
5.4.4. Оценка ограничений развития туризма и рекреации экологического и иного характера	145
5.4.5. Оценка богатства и разнообразия элементов культурно-исторического наследия	149
5.5. Оценка ареалов туристско-рекреационного освоения	151
Глава 6. Геоэкологические подходы к оценке воздействия туристско-рекреационной деятельности на окружающую среду	159
6.1. Классификация воздействий туризма и рекреации на территорию	159
6.2. Воздействие туристско-рекреационной деятельности на отдельные компоненты ландшафта и экосистемы	161
6.3. Комплексное влияние на водные экосистемы	165
6.4. Воздействие туристско-рекреационной деятельности на экосистемы и ландшафты	168
Глава 7. Экологичный менеджмент в туризме	174
7.1. Туризм и охрана природы: опыт взаимодействия	174
7.2. Экономические аспекты взаимодействия туристско-рекреационной сферы с охраной природы	177
7.3. Охрана природы и проблемы рекреационного менеджмента	181
7.4. География поведения и управление посещениями на рекреационных и охраняемых природных территориях	184
7.5. Качество рекреации как критерий менеджмента	189
7.6. Принципы рекреационного менеджмента	194

Глава 8. Ландшафтное планирование как организационно-правовая основа развития туризма и рекреации	201
8.1. Ландшафтное планирование как инструмент резервирования территорий для развития туризма и рекреации	201
8.2. Содержание и алгоритм процедуры ландшафтного планирования для развития региональных туристско-рекреационных систем	205
8.3. Экологический каркас как основа для сохранения туристско-рекреационного потенциала территории российской провинции	216
8.4. Регионализация правовых форм особо охраняемых природных территорий	235
Список литературы	249

Учебное издание

Колбовский Евгений Юлисович

Экологический туризм и экология туризма

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Редактор Ю. Н. Лаврухин

Технический редактор О. Н. Крайнова

Компьютерная верстка: В. А. Крыжко

Корректор Т. В. Кузьмина

Изд. № 102109828. Подписано в печать 17.04.2008. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 16,0.
Тираж 1 500 экз. Заказ № 26516.

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (495) 330-1092, 334-8337.

Отпечатано в полном соответствии с качеством диапозитивов, предоставленных
издательством в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чёрнышевского, 59. www.sarpk.ru.

Издательский центр «Академия»

*Учебная литература
для профессионального
образования*

Наши книги можно приобрести (оптом и в розницу)

Москва 129085, Москва, пр-т Мира, д. 101 в, стр. 1
(м. Алексеевская)
Тел./факс: (495) 648-0507, 330-1092, 334-1563
E-mail: sale@academia-moscow.ru

Филиалы: Северо-Западный
198020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала,
д. 211-213, литер «В»
Тел.: (812) 251-9253, 252-5789, 575-3229
Факс: (812) 251-9253, 252-5789
E-mail: fspbacad@peterstar.ru

Приволжский
603005, Нижний Новгород, ул. Алексеевская, д. 24г и 24д
Тел.: (8312) 18-1678
E-mail: pf-academia@bk.ru

Уральский
620144, Екатеринбург, ул. Щорса, д. 92а, корп. 4
Тел.: (343) 257-1006
Факс: (343) 257-3473
E-mail: academia-ural@mail.ru

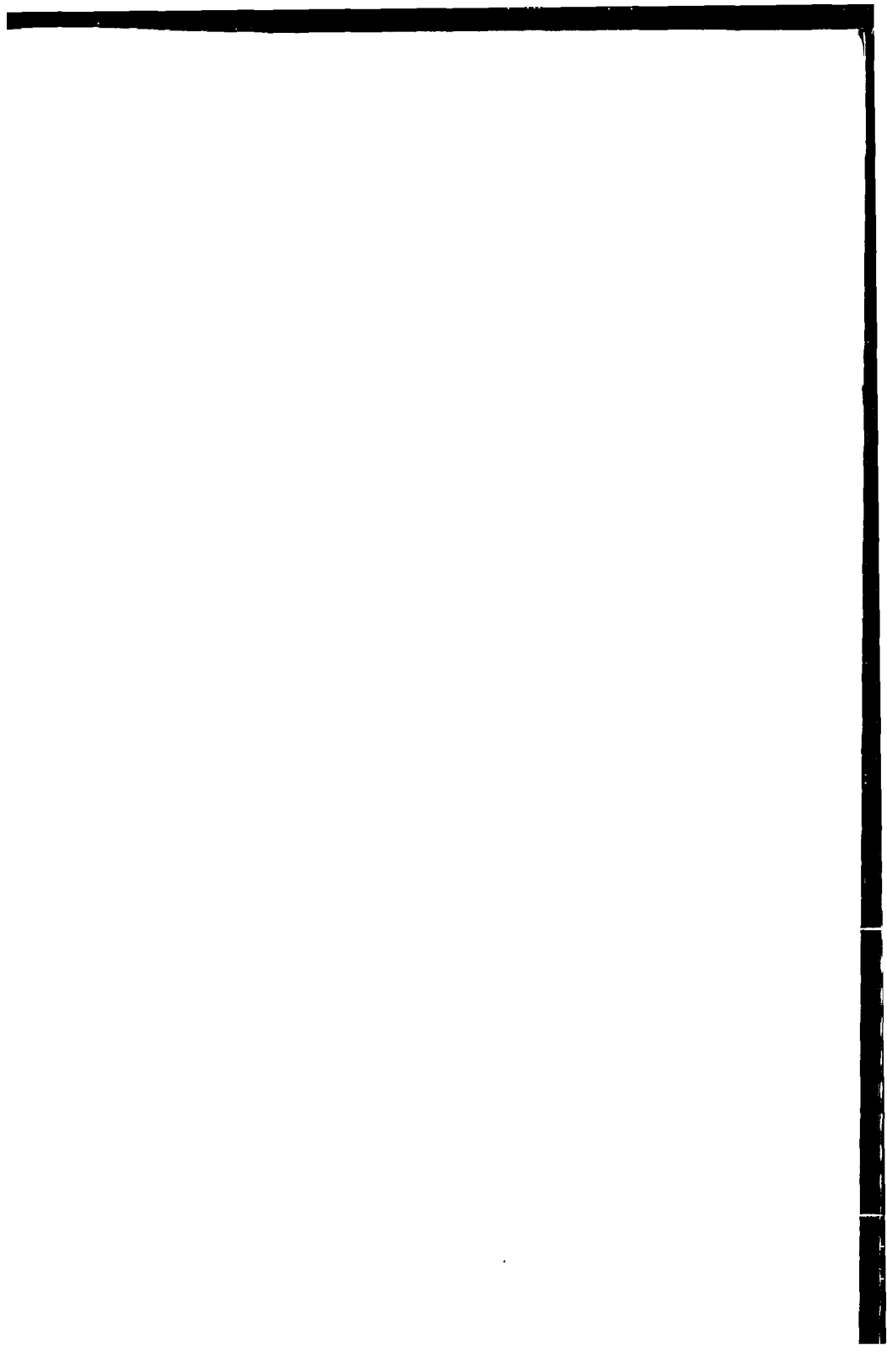
Сибирский
630108, Новосибирск, ул. Станционная, д. 30
Тел. / факс: (383) 300-1005
E-mail: academia_sibir@mail.ru

Дальневосточный
680014, Хабаровск, Восточное шоссе, д. 2а
Тел. / факс: (4212) 27-6022,
E-mail: filialdv-academia@yandex.ru

Южный
344037, Ростов-на-Дону, ул. 22-я линия, д. 5/7
Тел.: (863) 253-8566
Факс: (863) 251-6690
E-mail: academia-rostov@skytс.ru

Представительство в Республике Татарстан
420094, Казань, Ново-Савиновский район,
ул. Голубятникова, д. 18
Тел./ факс: (843) 520-7258, 556-7258
E-mail: academia_kazan@mail.ru

www.academia-moscow.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ЭКОЛОГИЯ ТУРИЗМА

ISBN 978-5-7695-5249-6

9 785769 552496

Издательский центр «Академия»
www.academia-moscow.ru